

Я54
Х23

фото

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XI

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Издание Харьковского юридического института .

1958

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ УССР

ХАРЬКОВСКИЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ ИНСТИТУТ

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

ТОМ XI

ВЫПУСК ВТОРОЙ

Издание Харьковского юридического института

1957

Печатается по постановлению
Ученого Совета Харьковского юридического
института от 5 июля 1957 г. (прот. № 13)

Редакционная коллегия:
доцент **Барахтян В. А.**,
доцент **Копейчиков В. В.**,
доцент **Рогожин А. И.**,
ответственный редактор профессор **Фукс С. Л.**

Профессор М. М. ГРОДЗИНСКИЙ.
Доктор юридических наук.

**ПРАВО ОБВИНЯЕМОГО НА ЗАЩИТУ В ИСТОРИИ
СОВЕТСКОГО УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА.**
(1917—1921 гг.)

Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту в советском уголовном процессе определяет объем прав, гарантированных обвиняемому для охраны его законных интересов, порядок осуществления этих прав, взаимоотношения обвиняемого с другими субъектами процесса. Являясь неотъемлемой составной частью единой системы принципов социалистического демократизма, положенной в основу советского уголовного процесса, обеспечение обвиняемому права на защиту получает, вместе с ними, конкретное свое выражение в различных стадиях производства уголовных дел.

Право обвиняемого на защиту — это его право знать сущность предъявленного обвинения, опровергать это обвинение и доказывать свою невиновность или меньшую виновность, знакомиться с имеющимися в деле материалами, представлять доказательства, давать показания и объяснения, участвовать в рассмотрении дела судом, обжаловать действия следователя, прокурора, суда, а также право, в определенных стадиях процесса, иметь защитника.

Все эти права, а равно и порядок их осуществления точно и четко указаны в законе; соблюдение этих прав обвиняемого безусловно обязательно для следственно-прокурорских и судебных органов; нарушение прав обвиняемого означает нарушение требований законности в производстве уголовных дел.

Сущность принципа публичности (официальности) в советском уголовном процессе заключается в том, что следственно-прокурорские и судебные органы, действуя в интересах советского права порядка и во исполнение требований социалистической законности, проявляют свою инициативу и активность в

производстве уголовных дел, возбуждают, расследуют и рассматривают эти дела в силу обязанности, возложенной на них законом, независимо от усмотрения и желания заинтересованных лиц.

Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту определяет соответствующие обязанности, возлагаемые в силу принципа публичности на органы расследования, прокурора и суд. Все эти органы должны проявлять свою активность в охране законных интересов обвиняемого и обеспечить ему реальную возможность осуществить его процессуальные права, обязаны по своей инициативе выяснять как обстоятельства, уличающие обвиняемого и усиливающие его ответственность так и обстоятельства, оправдывающие обвиняемого и смягчающие его ответственность, независимо от того, было или не было возбуждено обвиняемым ходатайство об истребовании доказательств в его защиту.

Гласность судебного разбирательства ставит деятельность суда под контроль трудящихся и обеспечивает воспитательный результат этой деятельности. Наглядное для всех присутствующих в зале судебного заседания осуществление подсудимым его права на защиту в открытом судебном разбирательстве повышает убедительность и авторитет приговора, выносимого судом на основе тщательного рассмотрения всех доказательств и доводов обвинения, а также всех доказательств и доводов, представленных подсудимым в опровержение этого обвинения.

Принцип национального языка в судопроизводстве обеспечивает обвиняемому право выступать в суде на родном языке и пользоваться во всех необходимых случаях помощью переводчика. Только при этом условии обвиняемый — если он не владеет языком, на котором ведется дело — получает реальную возможность ознакомиться с материалами этого дела, понять сущность предъявленного обвинения и защищаться от этого обвинения. Поэтому соблюдение принципа национального языка в судопроизводстве является одной из гарантий правильного осуществления принципа обеспечения обвиняемому права на защиту.

Состязательность в советском уголовном процессе заключается в том, что функция решения дела судом отделена от функции обвинения, которое поддерживает обвинитель, и от функции защиты, осуществляемой подсудимым и его защитником. В соответствии с принципом состязательности суд рассматривает дело с участием спорящих между собой сторон, которым обеспечиваются равные процессуальные права. Принцип обеспечения обвиняемому права на защиту получает здесь свою реали-

зацию в том, что одной из участвующих в деле сторон является подсудимый, который лично и с помощью защитника оспаривает доказательства и доводы обвинителя, доказывает свою невиновность или меньшую виновность.

Устность и непосредственность судебного разбирательства являются одним из условий правильного исследования и разрешения дела судом и в тесной связи с принципом состязательности обеспечивают обвиняемому широкую возможность активно участвовать в рассмотрении всех фигурирующих в деле доказательств и наиболее полно осуществить свое право на защиту в данной стадии процесса.

Принцип объективной истины в советском уголовном процессе требует, чтобы каждое дело было разрешено в соответствии с тем, что имело место в действительности; чтобы по каждому делу был дан правильный, согласный с фактами объективной действительности, ответ на вопрос о наличии преступления, о его характере и последствиях, о лице, его совершившем, о степени опасности преступления и преступника. Для успешного разрешения этой стоящей перед судом задачи необходимо всесторонне и полно выяснить все обстоятельства дела и разрешить его на основе рассмотрения всех, взятых в их совокупности, доказательств, как обосновывающих обвинение, так и его опровергающих или смягчающих. Поэтому обеспечение обвиняемому права защищаться путем оспаривания предъявленного ему обвинения является одним из условий установления объективной истины в деле и успешного осуществления задач социалистического правосудия.

В тесной взаимосвязи с принципом обеспечения обвиняемому права на защиту находятся и другие принципы советского уголовного процесса — осуществление правосудия только судами, выборность судов, рассмотрение дела судами с участием народных заседателей, независимость судей и подчинение их только закону, равенство всех граждан перед судом.

Принципы социалистического демократизма органически присущи советскому уголовному процессу, как процессу социалистическому, и потому все они, и в их числе принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, находят свое — постепенно все более и полное, и развернутое — выражение на протяжении всей истории советского процесса, начиная с первого дня его существования.

Ликвидация старой судебной системы и, вместе с ней, старого уголовного процесса, и начало строительства советского суда и развития советского уголовного процесса получили свое законодательное выражение впервые в декрете о суде № 1, который был опубликован 24 ноября 1917 года в газете Времен-

ного Рабочего и Крестьянского Правительства, а затем — 12 декабря 1917 г. в Собрании Узаконений и Распоряжений Правительства. 1) Но упразднение старых судов и организация нового, советского суда начались еще до издания Декрета о суде № 1 и до получения его на местах. «И в этом отношении революционные массы, после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата». 2)

Немедленно по установлении советской власти трудящиеся, руководимые партией большевиков, приступили, в лице местных Советов, к упразднению старых и к организации новых судов. Эти, созданные в порядке революционной инициативы суды, носили самые различные названия, как-то: суды общественной совести, временные народные суды, следственные комиссии, временные революционные суды и др. Они отличались друг от друга в некоторых второстепенных моментах, но в основном и главном их организация и порядок деятельности определялись революционным правосознанием трудящихся масс и строились на принципах выборности судей, гласности, устности, непосредственности и состязательности, с обеспечением обвиняемому права на защиту.

В октябре 1917 года Выборгский районный Совет рабочих и крестьянских депутатов в Петрограде организовал временный народный суд, который рассматривал дела в открытых судебных заседаниях, допрашивал подсудимых и свидетелей, а затем предлагал желающим выступить в качестве обвинителей и защитников. Право такого выступления принадлежало всем гражданам, с тем, однако, что в каждом деле могли принять участие не более двух обвинителей и двух защитников. 3)

«Правила о временном народном суде для Кузнецкого уезда Томской губернии» от 26 января 1918 г. устанавливали, в качестве исходных положений, что новый суд «должен удовлетворять следующим основным условиям: 1) суд авторитетный, пользующийся доверием среди населения; 2) суд совести, не стесненный рамками существовавших старых законов; 3) суд скорый в интересах устранения проволочки времени; 4) суд

1) СУ РСФСР 1917 г. № 4, ст. 50

2) В. И. Ленин. Соч., том 27, стр. 236.

3) И. А. Ушаков. Создание первого народного суда в Петрограде.— «Советское Государство и Право», 1957 г. № 1.

равный для всех граждан населения». Не определяя подробно порядок судопроизводства, Правила указывают (ст. 12), что «При разборе дел допускаются защитники сторон, каковыми могут быть все правомочные граждане обоего пола» ¹⁾

«Положение о временных революционных судах Новгородской губернии» от 30 января 1918 г. предусматривало организацию при судах контрольно-следственной комиссии, в задачи которой входило наблюдение за предварительным следствием, производимым следователями, самостоятельное производство предварительного следствия, разрешение вопроса о прекращении дела либо о передаче его в суд, а также «поддержание обвинения и надзор за соблюдением общественных интересов в суде уголовном». Постановление контрольно-следственной комиссии о предании суду «предъявляется подсудимому с таким расчетом, чтобы он имел возможность осуществить свое право об избрании защитника и вызове новых свидетелей по делу». В судебном заседании принимает участие один из членов контрольно-следственной комиссии в качестве обвинителя: обвиняемый «имеет право поручить защиту своих интересов в период предварительного следствия и на суде доверенному лицу». Вынося приговор, суд «решает дело по совести на основании собственного убеждения» (параграфы 15, 16, 17, 30). ²⁾

Согласно «Наказу Камышевскому гласному суду» от 4 февраля 1918 г. уголовные дела возбуждались по жалобам потерпевших, либо по протоколам милиции или же по заявлениям членов местного Совета. В начале судебного заседания секретарь докладывал дело, свидетелей удаляли в особую комнату, после чего происходило чтение поступивших в суд протоколов, заявлений и жалоб. Затем «по опросе сторон и свидетелей желающим из публики предлагается выступить в защиту той или другой стороны... После этого суд уходит на совещание» (ст. ст. 13, 14, 16) ³⁾

Эти же процессуальные принципы и, в том числе, принцип обеспечения обвиняемому права на защиту, находит свое выражение — хотя пока только в самых общих чертах — в первом законе о советском суде — в декрете о суде № 1.

Согласно 3 статье декрета, в качестве обвинителей и защитников «допускаемых и в стадии предварительного следствия, а по гражданским делам — поверенными, допускаются все неопороченные граждане обоего пола, пользующиеся гражданскими

1) Материалы НКЮ РСФСР, 1918 г. выпуск II, стр. 39—40.

2) Материалы НКЮ РСФСР, 1918 г. выпуск II, стр. 42—47.

3) Материалы НКЮ РСФСР, 1918 г. выпуск II, стр. 50—57.

правами». На первый взгляд может показаться, что речь здесь идет только об организации представительства сторон в процессе; в действительности же эти немногие слова декрета говорят гораздо больше. Именно, определяя круг лиц, могущих участвовать в деле в качестве обвинителей и защитников, декрет этим указывает, что в новом, советском уголовном процессе судебное разбирательство является состязательным, откуда, в свою очередь, следует, что обвиняемый в данной стадии процесса является стороной и имеет право защищаться от предъявленного ему обвинения как с помощью защитника, так и лично.

Тесно связанные с состязательностью судебного разбирательства гласность, устность и непосредственность прямо в декрете не были указаны, но подразумевались и находили соответствующее свое применение на практике.

По точному смыслу той же 3 статьи декрета, защитник мог участвовать не только в судебном разбирательстве, но и в стадии предварительного следствия. Независимо от того, как часто встречались в практике случаи участия защитника в предварительном следствии и в чем такое участие конкретно выражалось, эта содержащаяся в декрете о суде № 1 норма имеет важное принципиальное значение. В самом деле, если закон предоставляет обвиняемому право в стадии предварительного следствия защищаться с помощью защитника, то совершенно очевидно, что обвиняемый может и сам осуществить свое право на защиту, независимо от того, участвует ли защитник в деле. Иными словами, декрет рассматривает обвиняемого как субъекта права на защиту на всем протяжении процесса. С того времени это положение остается неизменным и незыблемым в советском уголовном процессе на всем протяжении его истории.

Не допуская апелляции, декрет о суде № 1 указывал, что на приговоры местного суда может быть подана «просьба о кассации» (ст. 2). Этим декрет обеспечивал обвиняемому одно из важнейших его прав — право обжаловать вынесенный по его делу приговор.

Декрет о суде № 2 от 7 марта 1918 года¹⁾ формулирует принцип национального языка в судопроизводстве, строит судебное разбирательство на началах гласности, устности, непосредственности и состязательности и, вслед за декретом о суде № 1, определяет процессуальное положение обвиняемого как субъекта права на защиту. Сохраняя право обвиняемого иметь защитника во время производства предварительного следствия, декрет вместе с тем указывает, что участие защитника в деле «может быть ограничено по постановлению следственной комиссии,

1) СУ РСФСР 1918 г. № 46, ст. 420.

если того требуют интересы раскрытия истины». В то же время декрет существенно расширяет право обвиняемого на защиту в стадии судебного разбирательства. Декрет объявляет обязательным участие защитника, как и обвинителя, в каждом деле, рассматриваемом окружным судом. Защиту подсудимого, равно как и поддержание обвинения, декрет поручает членам коллегии правозаступников, организуемой при местном Совете. Независимо от этого, в прениях сторон могли принимать участие один обвинитель и один защитник из лиц, присутствовавших в зале судебного заседания (ст. ст. 23, 24, 28). Кроме того, «если обвиняемый почему-либо не воспользовался своим правом приглашения защитника, суд, по его просьбе, назначает ему защитника из коллегии правозаступников» (ст. 27).

Вторая часть декрета, носящая название «Кассация решения», предусматривала возможность пересмотра приговора судом второй инстанции; отсюда вытекало право обвиняемого на защиту путем обжалования вынесенного о нем приговора.

Декрет о суде № 1 не определял порядок рассмотрения дел в созданных им местных судах; равным образом весьма немногочисленными были процессуальные нормы, содержащиеся в декрете о суде № 2, причем нормы эти относились к учрежденным по декрету окружным судам. В то же время значительно возрос удельный вес местного народного суда, компетенция которого была расширена декретом о суде № 3 от 20 июля 1918 года.¹⁾ Поэтому возникла необходимость — впредь до разрешения данного вопроса в законодательном порядке — дать судам указания, которые определили бы основные моменты порядка судопроизводства. Этим было вызвано издание Народным Комиссариатом Юстиции РСФСР Инструкции «Об организации и действии местных народных судов» от 23 июля 1918 г.²⁾

Развивая исходные положения декретов о суде № 1 и 2, Инструкция строит судебное разбирательство на началах гласности, состязательности, устности и непосредственности; предусматривает право обвиняемого заявлять отвод судье и народным заседателям, давать показания, участвовать в прениях сторон, обжаловать приговор, иметь защитника в лице члена коллегии правозаступников; в качестве защитников могли участвовать в деле также близкие родственники обвиняемого (ст. ст. 20 — 23, 29 — 33).

Равным образом состязательным, по Инструкции, было и кассационное производство: вызов сторон, в том числе обвиняемого, в заседание суда второй инстанции являлся обязательным, хотя

1) СУ РСФСР 1918 г. № 52, ст. 589

2) СУ РСФСР 1918 г. № 53, ст. 597.

невка сторон не приостанавливала рассмотрение дела; участие защитника при пересмотре приговора допускалось на тех же основаниях, что в судебном разбирательстве (ст. ст. 55, 56).

Содержавшиеся в Инструкции постановления о праве обвиняемого на защиту были повторены, несколько уточнены и закреплены в законодательном порядке Положением о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 года.¹⁾ Как и предшествующие декреты, Положение допускает по ходатайству о том обвиняемого — участие защитника в стадии предварительного следствия с тем, что следственная комиссия может ограничить участие защитника в деле, «если того требуют интересы раскрытия истины». Что же касается стадии судебного разбирательства, то по делам о более тяжких преступлениях, рассматриваемым народным судом в составе народного судьи и шести народных заседателей, участие защитника в деле обязательно, если о том просит обвиняемый; по остальным делам вопрос о допущении защитника разрешается каждый раз судом в зависимости от обстоятельств дела. Однако, в тех случаях, когда признана необходимость участия в процессе обвинителя, обязательно и участие защитника. В качестве защитников могут выступать в деле члены коллегии правозаступников, а также близкие родственники обвиняемого (ст. ст. 34, 40, 43, 47).

21 октября 1920 года было издано новое Положение о народном суде²⁾, которое повторяет почти буквально большинство относящихся к праву обвиняемого на защиту статей Положения 1918 года, но вместе с тем иначе разрешает некоторые связанные с этим вопросы. В частности, упразднив следственные комиссии и передав производство предварительного следствия единоличному народному следователю. Положение 1920 г. уже не предусматривает возможности участия защитника в данной стадии процесса. Но это ни в какой мере не означало лишение права обвиняемого на защиту в стадии предварительного следствия. Напротив, Положение 1920 года существенно расширило это право обвиняемого. Согласно примечанию к статье 34-й, «всякий гражданин, подвергнутый задержанию по подозрению в совершении преступления, должен быть допрошен народным судьей или следователем не позднее суток с момента задержания». Тем самым задержанному обеспечивалась реальная возможность защищаться путем дачи показаний и объяснений и притом в кратчайший, с момента задержания, срок.

Положение о народном суде 1920 года упразднило существовавшие до того времени, коллегии правозаступников и в качестве защитников в судах выступали граждане, способные испол-

1) СУ РСФСР 1918 г. № 85, ст. 889.

2) СУ РСФСР 1920 г. № 83, ст. 407.

нять эту обязанность, внесенные в особые списки, составляемые местными Исполнительными Комитетами; в случае недостатка в защитниках из указанных лиц, к участию в деле для защиты привлекались консультанты, состоявшие при местных Отделах Юстиции. Кроме того, могли участвовать в деле в качестве защитников члены той организации, в которой состоял обвиняемый, а также ближайшие его родственники (ст. ст. 43—46).

Вопрос об участии защитника в деле разрешался каждый раз судом с тем, однако, что суд обязан был допустить или назначить защитника, если о том просил обвиняемый, содержащийся под стражей; участие защитника было обязательным также и в тех случаях, когда по делу выступал обвинитель (ст. 47).

Вся совокупность процессуальных прав обвиняемого еще не получила прямого своего выражения в законодательстве рассматриваемого периода, так как законодательство это, особенно на первых порах, определяло порядок деятельности народного суда лишь в отдельных ее моментах. Но основные права обвиняемого были уже очерчены в законе и это открывало возможность осуществления и всех других прав, принадлежащих обвиняемому в советском уголовном процессе. Например, в относящихся к тому времени нормативных актах еще не было прямо предусмотрено право обвиняемого участвовать в допросе других подсудимых, в допросе свидетелей и экспертов, право представлять доказательства, возражать против ходатайств и заявлений обвинителя, но поскольку в стадии судебного разбирательства обвиняемый рассматривался как сторона, эти его права не вызвали никаких сомнений и получали широкое осуществление в повседневной судебной практике.

Положение о народном суде от 21 октября 1920 года содержало в себе лишь очень немногие постановления, относившиеся к предварительному следствию. Между тем по мере расширения компетенции народного суда и развертывания его деятельности, становилось все более необходимым четко определить основные моменты деятельности органов расследования. Эта задача была разрешена «Инструкцией народным следователям по производству предварительного следствия», изданной Народным Комиссариатом Юстиции в октябре 1920 года.¹⁾

Устанавливая основные положения предварительного следствия в советском уголовном процессе, Инструкция указывает, что «в отношении следственных действий, народный следователь не ограничен никакими формальностями и обязан всегда руководствоваться социалистическим правосознанием, требова-

¹⁾ Инструкция народным следователям по производству предварительного следствия. Издание НКЮ РСФСР, М. 1920 г.

ниями законности и интересами дела» (п. 9). «Целью предварительного следствия является установить, совершено ли преступление, в чем именно оно состоит, кто его совершил; собрать улики и доказательства как против, так и за обвиняемого...» (п. 12). При наличии достаточных собранных по делу улик следователь составляет мотивированное постановление о предъявлении обвинения и немедленно вызывает обвиняемого для допроса. Лица, подвергнутые задержанию по распоряжению следователя, должны быть допрошены не позднее суток с момента лишения их свободы (пп. 25, 26). Перед допросом обвиняемого народный следователь объявляет ему сущность предъявленного обвинения. Обвиняемому должна быть предоставлена полная свобода в даче показаний и объяснений по поводу предъявленного ему обвинения; он может также совсем не давать показаний. Какие бы то ни было меры воздействия со стороны следователя вроде насилия, угроз и т. п., с целью добиться сознания обвиняемого или желательных, по ходу следствия, результатов недопустимы» (п. 27).

По окончании расследования, если в деле имеется достаточно доказательств для предания обвиняемого суду, «законченное предварительное следствие народный следователь предъявляет обвиняемому и дополняет следствие проверкой лишь тех из указанных обвиняемым данных, которые существенны по делу» (п. 32). После этого народный следователь составляет постановление о предании обвиняемого суду с точным указанием, в каком именно преступлении обвиняется данное лицо и какие собраны по делу доказательства в обоснование этого обвинения (ст. 33).

Одновременно с местными судами были учреждены декретом о суде № 1 революционные трибуналы для борьбы с контрреволюционными и иными наиболее опасными преступлениями. Декрет не определял порядок судопроизводства в революционных трибуналах и лишь указывал, что трибунал рассматривает дела в составе председателя и шести очередных заседателей, избираемых губернскими или городскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов; для расследования дел, подсудных трибуналам, при Советах были организованы особые следственные комиссии.

Первоначально порядок дел в революционных трибуналах был установлен Инструкцией Народного комиссариата юстиции «О революционном трибунале, его составе, делах, подлежащих его ведению, налагаемых им наказаниях и о порядке ведения его заседаний» от 19 декабря 1917 года.¹⁾ Здесь получили четкое выражение гласность и состязательность судебного разбира-

¹⁾ СУ РСФСР 1917 г. № 12, ст. 170.

тельства, а также право обвиняемого на защиту в данной стадии процесса. Согласно Инструкции, «Заседания революционного трибунала публичны» (ст. 4); «Судебное следствие происходит при участии обвинения и защиты» (ст. 6); «В качестве обвинителей и защитников, имеющих право участия в деле, допускаются по выбору сторон все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола» (ст. 7). Кроме того, трибунал мог пригласить в качестве общественного обвинителя одного из членов учрежденной при трибунале коллегии правозащитников. Если обвиняемый почему-либо не воспользовался своим правом пригласить защитника, трибунал, по его просьбе, назначал ему защитника из состава коллегии правозащитников. Кроме того, могли принимать участие в судебных прениях один обвинитель и один защитник из лиц, присутствующих в зале судебного заседания (ст. ст. 8—10).

Такое же разрешение получил вопрос о праве обвиняемого на защиту в Постановлении Народного Комиссариата Юстиции «О революционном трибунале печати» от 18 декабря 1917 года.¹⁾

Принципы гласности, состязательности и обеспечения обвиняемому права на защиту были также положены в основу судопроизводства в Революционном трибунале печати, учрежденном декретом от 28 января 1918 года.²⁾ Этот трибунал рассматривал дела без участия заседателей в составе трех постоянных членов, избираемых Советами; судебное разбирательство происходило открыто, с обязательным участием представителей обвинения и защиты; в качестве обвинителей и защитников могли участвовать в деле все пользующиеся политическими правами граждане обоего пола (ст. ст. 3, 5—7).

Имевший своей задачей перестройку системы революционных трибуналов декрет «О революционных трибуналах» от 4 мая 1918 г.³⁾ содержал в себе ряд процессуальных норм и, в том числе, положение, которое существенно расширяло право обвиняемого на защиту в стадии предварительного следствия. Именно, согласно статье 9 декрета, «оконченное следственное производство по каждому делу предъясняется обвиняемому или его защитнику, коим представляется право делать свои замечания по поводу произведенного следствия», после чего следственная комиссия разрешала вопрос о дальнейшем направлении дела. Этим обвиняемому обеспечивалась возможность, как с помощью защитника, так и лично дополнять произведенное по делу предварительное следствие путем ссылок на соответст-

1) СУ РСФСР 1917 г. № 10, ст. 156.

2) СУ РСФСР 1918 г. № 28, ст. 362.

3) СУ РСФСР 1918 г. № 35, ст. 471.

вующие доказательства и возбуждать ходатайства об истребовании этих доказательств органами расследования.

Первоначально приговоры революционных трибуналов являлись окончательными, но уже 25 января 1918 г. было издано постановление НКЮ об организации при Народном Комиссариате Юстиции кассационного отделения, предназначенного для рассмотрения жалоб, приносимых на приговоры революционных трибуналов.¹⁾ Вскоре затем декретом от 11 июня 1918 г.²⁾ был учрежден Кассационный Отдел при Всероссийском Центральном Исполнительном Комитете и сторонам было предоставлено право обжаловать приговоры революционных трибуналов, а также право «присутствовать при рассмотрении кассационных жалоб лично или через своих представителей» (ст. 3). Это означало, что кассационное производство по делам данной категории являлось состязательным и обвиняемому при этом обеспечивалось право на защиту.

В обстановке, созданной иностранной военной интервенцией и гражданской войной, нужно было сделать революционные трибуналы органом усиленной и ускоренной революционной репрессии для успешной борьбы с наиболее опасными преступлениями. В своих заметках «К декрету о революционных трибуналах» В. И. Ленин указывал на важность работы «по созданию судов, действительно скорых и действительно революционно-беспощадных к контрреволюционерам, взяточникам и дезорганизаторам, нарушителям дисциплины».³⁾

Для этого требовалось, прежде всего, расширить полномочия трибуналов в области назначения наказаний. Поэтому постановлением Народного Комиссариата Юстиции от 16 июня 1918 года⁴⁾ были отменены все ранее изданные циркуляры о революционных трибуналах и было указано, что «революционные трибуналы в выборе мер борьбы с контрреволюцией, саботажем и пр. не связаны никакими ограничениями, за исключением тех случаев, когда в законе определена мера в выражениях: «Не ниже» такого-то наказания».

Наряду с этим возникла необходимость разграничить компетенцию революционных трибуналов с одной стороны и органов Чрезвычайной Комиссии с другой, а также внести соответствующие изменения в структуру трибуналов и в порядок их деятельности. Это было осуществлено постановлением Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета «О Всероссий-

1) СУ РСФСР 1918 г. № 21, ст. 314.

2) СУ РСФСР 1918 г. № 54, ст. 545.

3) В. И. Ленин. Соч., том 27, стр. 193.

4) СУ РСФСР 1918 г. № 44, стр. 533.

ской чрезвычайной комиссии» от 17 февраля 1919 года.¹⁾ «Для решительного пресечения преступлений и быстроты разбора дел — указывается в этом постановлении — революционные трибуналы реорганизуются на следующих началах: а) Революционный трибунал состоит из трех членов. Судьи избираются на месячный срок Губернскими Исполнительными Комитетами... б) Суд должен назначаться не позже чем 48 часов после окончания следствия. в) Заседания трибунала публичны и имеют место в присутствии обвиняемого. Вызов или невызов свидетелей, равно как допущение или недопущение защиты и обвинения при рассмотрении дела зависит от трибунала. Трибуналы ничем не связаны в определении меры наказания...».

Постановление от 17 февраля 1919 г. легло в основу всего последующего законодательства РСФСР о революционных трибуналах. Положение о революционных трибуналах от 12 апреля 1919 г. ²⁾, изданное в отмену ранее действовавших Положений о трибуналах, декретов и инструкций о них, устанавливало, что трибунал рассматривает подсудные ему дела в составе трех постоянных своих членов и вправе проводить судебное разбирательство в ускоренном порядке с некоторым сокращением процессуальной формы. Так, вопрос о вызове в судебное заседание дополнительных свидетелей был полностью передан на разрешение трибунала; при неявке вызванных в судебное заседание свидетелей от трибунала зависело отложить слушанием дела для повторного их вызова или же ограничиться прочтением показаний, ранее данных ими на предварительном следствии (ст. 20).

Допуская, в целях ускорения производства по делу, некоторое сужение устности и непосредственности, Положение от 12 апреля 1919 г., сохраняет гласность судопроизводства (ст. 19) и право обвиняемого на защиту. По окончании предварительного следствия материалы дела, вместе с заключением следственной комиссии, должны были быть предъявлены обвиняемому, который имел право, в течение 24 часов, заявлять соответствующие ходатайства, а также приносить жалобы по поводу проведенного следствия (ст. 15). Допущение к участию в деле обвинителя и защитника зависело от трибунала, но в случае допущения обвинителя трибунал обязан был допустить или назначить защитника. Дело слушалось по общему правилу в присутствии подсудимого, заочное же рассмотрение дела допускалось только в том случае, если подсудимый уклонился от суда

1) СУ РСФСР 1919 г. № 12 ст. 130.

2) СУ РСФСР 1919 г. № 13 ст. 132.

либо находился вне пределов РСФСР (ст. ст. 18, 19). «Подсудимый при рассмотрении дела пользуется всеми правами сторон. Подсудимому принадлежит последнее слово» (ст. 21). В течение 48 часов с момента вручения ему копии приговора осужденный вправе был принести кассационную жалобу и мог лично или через защитника поддерживать эту жалобу в заседании Кассационного Трибунала (ст. ст. 28, 33).

Последующее законодательство о революционных трибуналах шло по тому же пути. Предоставляя трибуналам—для успешного осуществления возложенных на них задач—право некоторого сужения процессуальной формы, закон оставлял при этом неизменным и незыблемым право обвиняемого на защиту. Обе эти тенденции были четко выражены в новом Положении о революционных трибуналах от 20 марта 1920 г. ¹⁾

Допуская известное сужение устности и непосредственности в судебном разбирательстве, Положение от 18 марта 1920 года предоставляет трибуналу широкие полномочия при разрешении вопроса о вызове в судебное заседание лиц, ранее допрошенных в качестве свидетелей: «При признании полноты, категоричности, достоверности и совершенной ясности показаний этих лиц, трибунал вправе не вызывать их на судебное рассмотрение дела, независимо от существенности их показаний по делу» (ст. 14). Кроме того, трибунал имел право не допрашивать явившихся в судебное заседание свидетелей, если признает, что достаточно выяснены те обстоятельства, для выяснения которого эти свидетели вызывались (ст. 19).

Допущение к участию в деле представителей обвинения и защиты всецело зависело от трибунала. Если обвинитель и защитник участвовали в деле, они имели право в своих выступлениях ссылаться на все имеющиеся в деле документы и протоколы показаний, независимо от того, оглашались ли эти документы и протоколы в судебном заседании. Трибунал мог постановить о недопущении прений сторон, если находил, что дело достаточно выяснено во время судебного следствия (ст. ст. 17, 20).

Положение от 18 марта 1920 года обеспечивало обвиняемому право на защиту и для этого указывало, что составленное следователем по окончании следствия и утвержденное трибуналом заключение, а также определение распорядительного заседания трибунала о вызове свидетелей и экспертов, о допущении обвинения и защиты должны быть в копии вручены обвиняемому, которому в случае его о том просьбы, должна быть предоставлена возможность ознакомиться со всем производством по де-

¹⁾ СУ РСФСР 1920 г. № 22—23, стр. 115.

лу. Обвиняемый имел право возбуждать ходатайства и приносить жалобы в связи с произведенным следствием. Рассмотрение дела в судебном разбирательстве допускалось не ранее, чем через 24 часа после вручения обвиняемому копии заключения следователя (ст. 16).

В особой (21-й) статье Положение определяет право обвиняемого на защиту и его процессуальное положение как стороны в стадии судебного разбирательства. «...Подсудимый имеет право задавать вопросы свидетелям и давать объяснения как по существу всего дела, так и по поводу каждого документа или показания в любой момент судебного следствия... Подсудимому всегда принадлежит последнее слово».

Осужденному обеспечивалось также право обжалования вынесенного трибуналом приговора в течение 48 часов с момента вручения его копии. С разрешением Кассационного Трибунала осужденный мог поддерживать, лично или через защитника, эту жалобу в заседании суда второй инстанции (ст. ст. 26, 32).

В таком же, в основном, объеме обеспечивалось обвиняемому право на защиту в органах военной юстиции рассматриваемого периода — в революционных военных трибуналах. Для предварительного расследования подсудных этим трибуналам дел о преступлениях, совершенных военнослужащими, были учреждены военные следователи. Утвержденное приказом Реввоенсовета Республики от 30 сентября 1919 года «Положение о военных следователях»¹⁾, определяя порядок расследования указанных дел, требует обоснованности привлечения обвиняемого к ответственности. «О привлечении того или иного лица к следствию в качестве обвиняемого военный следователь постановляет лишь при наличии достаточных доказательств его виновности (ст. 72). Составив это постановление, следователь обязан в кратчайший срок допросить обвиняемого — не позже чем через 12 часов после его явки или привода (ст 76). — «Прежде допроса обвиняемого военный следователь удостоверяется в его самоличности и объявляет ему, в чем он обвиняется. Предлагаемые обвиняемому вопросы должны быть кратки и ясны. Давать сознание обвиняемому обещаниями, угрозами, насилием и т. п. способами воспрещается» (ст. 77). Учитывая, что для обвиняемого имеет важное значение возможность дополнить материалы произведенного расследования по делу, Положение указывает, что «По окончании следствия военный следователь предъявляет обвиняемому, если имеется о том его просьба, следственное производство, причем спрашивает обвиняемо-

1) История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры. 1955 г. стр. 104.

го, не желает ли он представить еще что-либо в свое оправдание. Если обвиняемый укажет на какие-либо новые обстоятельства, то военный следователь обязан проверить те из них, которые могут иметь влияние на решение дела» (ст. 86). Во время производства следствия обвиняемый имеет право обжаловать следственные действия, нарушающие или стесняющие его права (ст. 90).

Согласно Положению о революционных военных трибуналах от 20 ноября 1919 г.¹⁾ судебное разбирательство протекало в таком же порядке как и в губернских трибуналах, в частности, здесь допускалось такое же сужение устности и непосредственности и от трибунала зависело допущение или недопущение представителей обвинения и защиты к участию в деле (ст. ст. 15, 21). Особенностью производства дел в революционных военных трибуналах являлось отсутствие стадии кассационного пересмотра приговоров. Это определялось обстановкой, в которой действовали революционные трибуналы в тот период, когда вся страна представляла собой, по существу, военный лагерь. Приговоры трибуналов не подлежали обжалованию, но в известных случаях могли быть пересмотрены и отменены или изменены в порядке надзора (ст. ст. 35—37).

В остальном Положение от 20 ноября 1919 г. четко обрисовывает процессуальное положение обвиняемого как субъекта права на защиту.

Приняв дело к своему производству, трибунал должен предоставить обвиняемому 24 часа для ознакомления с предъявленным обвинением и для возбуждения ходатайств о допущении защитника, о вызове свидетелей и истребовании других доказательств. Судебное разбирательство происходит открыто и — обязательно — в присутствии обвиняемого; дело может быть рассмотрено заочно только тогда, когда обвиняемый находится вне пределов РСФСР или же уклоняется от суда. Если в деле участвует обвинитель, должен быть допущен или назначен защитник (ст. ст. 15, 22, 23). «Присутствующему в заседании обвиняемому предоставляется право давать объяснения по каждому следственному действию и по каждому заявлению противной стороны. Сам же обвиняемый имеет право не отвечать на задаваемые ему вопросы» (ст. 29). Обвиняемому всегда должно быть предоставлено последнее слово (ст. 24).

Такие же постановления содержало в себе изданное в последующем Положение о революционных военных трибуналах от 4 мая 1920 г.²⁾

1) СУ РСФСР 1919 г. № 58, ст. 549.

2) СУ РСФСР 1920 г. № 54, ст. 236.

В связи с введением военного положения на железных дорогах, были учреждены революционные военные железнодорожные трибуналы, которые, согласно Положению о них от 18 марта 1920 г.¹⁾, действовали в таком же порядке как и революционные военные трибуналы.

Содержавшиеся в законодательстве рассматриваемого периода положения, определявшие право обвиняемого на защиту, были разъяснены и, в известной мере, дополнены наказами и циркулярами Кассационного Отдела ВЦИК, Верховного Трибунала при ВЦИК, Народного Комиссариата Юстиции и решениями Отдела Высшего судебного контроля. Рассматривая, в полном соответствии с законом, обеспечение обвиняемому права на защиту как один из принципов, лежащих в основе советского уголовного процесса, руководящие органы юстиции того времени подчеркивали обязательность строгого соблюдения процессуальных прав обвиняемого и недопустимость какого бы то ни было их нарушения. Так, циркуляр Кассационного Отдела ВЦИК от 6 октября 1918 года указывает, что предъявление обвиняемому материалов предварительного следствия является безусловно обязательным и что несоблюдение этого требования влечет за собой отмену приговора, если обвиняемый принес жалобу по поводу этого нарушения его прав в распорядительное заседание трибунала, либо сделал соответствующее заявление непосредственно в судебном заседании и если эта жалоба или заявление остались безрезультатным.²⁾

Одним из важнейших прав обвиняемого является его право присутствовать и активно участвовать в судебном разбирательстве. Поэтому, как было указано, закон допускал заочное рассмотрение дела только, в виде исключения, в немногих точно предусмотренных случаях. В соответствии с этим Верховный Трибунал при ВЦИК в своем изданном в 1921 году Наказе разъясняет, что рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого, если не доказано его уклонение от суда и если обвиняемый не находится вне пределов РСФСР, является безусловным кассационным основанием (по терминологии Наказа — поводом) т. е. таким нарушением, которое всегда и обязательно влечет за собой отмену приговора. Таким же безусловным кассационным поводом Наказ считает рассмотрение дела с участием обвинителя и без участия защитника.

Наказ Верховного Трибунала предусматривает в качестве кассационных поводов и другие нарушения процессуальных прав обвиняемого и подчеркивает, что независимо от того, име-

1) СУ РСФСР 1920 г. № 21, ст. 112.

2) История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации прокуратуры. 1955 г., стр. 62.

ются соответствующие ссылки в кассационной жалобе, приговор подлежит отмене «в случаях установления фактов ограничения председателем прав подсудимого на участие в деле, как стороны, путем задавания вопросов свидетелям и экспертам или путем удаления его из зала заседания на время допроса иных подсудимых или свидетелей, кроме случаев удаления из зала суда за несоответствующее достоинству судебного места поведение, или недопущения председателем вопросов, как не относящихся к делу или в случаях нежелания самого обвиняемого присутствовать при рассмотрении дела». 1)

При рассмотрении дел в порядке надзора Верховный Трибунал при ВЦИК установил, что имели место случаи, когда председательствующий в судебном разбирательстве ограничивал реплики обвинителя и защитника определенным временем, а иногда и лишал защитника права ответить на реплику обвинителя за истечением времени отведенного для реплик. Находя это совершенно неправильным, Верховный Трибунал в своем циркуляре от 27 апреля 1922 года предлагает «принять к неуклонному руководству, что прения сторон суть доводы и объяснения в процессе, продолжительность коих зависит от обстоятельств каждого данного дела. Единственным ограничением прений сторон может быть требование о том, чтобы доводы и соображения представителей обвинения и защиты относились к обстоятельствам данного дела и не касались бы тем, не имеющих связи с рассматриваемым делом. Лишение же защитника слова за истечением назначенного на ответ времени представляет собой незаконное лишение подсудимого права защиты и ни в коем случае не может быть допускаемо. Приговоры по делам, по которым защита или обвинение были ограничены в речах временем или лишены были слова за истечением времени назначенного председателем для речей, будут отменяться в порядке судебного контроля и надзора». 2)

Право обвиняемого на защиту обеспечивает ему возможность представлять возражения против каждого предъявленного ему обвинения и оспаривать каждое такое обвинение. Поэтому осуждение обвиняемого за такое преступление, в котором он не обвинялся, является существенным нарушением его прав и законных интересов. Это положение проводит — хотя и не до конца — Верховный Трибунал при ВЦИК в своем циркуляре от 3 декабря 1921 г. Он отмечает, что некоторые трибуналы «при вынесении приговора допускают включение в него обвинений, которые не являлись предметом рассмотрения предварительного

1) Сборник циркуляров Пленума Верховного Трибунала при ВЦИК 1921 г., стр. 49.

2) Ежедельник Советской Юстиции 1922 г., № 31—32. Приложение.

следствия, причем... вынося приговор уже по совокупности всех обвинений, трибуналы увеличивают вследствие вновь выявленных обвинений меру репрессии». Для устранения таких случаев в дальнейшем Верховный Трибунал предписывает «впредь к неуклонному руководству следующую норму. При признании трибуналом доказанным, на основании судебного следствия и прений сторон, новых обвинений, не бывших предметом рассмотрения предварительного следствия и не предъявленных подсудимым по обвинительному акту—приговор может быть вынесен по совокупности всех обвинений только в том случае, если признание новых обвинений не влечет повышения наказания. В противном случае... дело должно быть слушанием снято и направлено на доследование. Нарушение означенной меры обязательно влечет отмену приговора»¹⁾ Таким образом, Верховный Трибунал, хотя и не исключал полностью возможность осуждения обвиняемого за преступление, в котором он ранее не обвинялся, но охранял права обвиняемого тем, что допускал такое осуждение только тогда, когда это не влияло на меру наказания, назначенного осужденному.

В практике того времени встречались случаи, когда суды привлекали к ответственности лиц, вызванных по делу в качестве свидетелей, и в том же судебном заседании выносили о них приговор. Усматривая в этом нарушение права обвиняемого на защиту, приведенный выше циркуляр Кассационного Отдела ВЦИК указал, что «ни один из допрошенных свидетелей в стадии судебного следствия не может быть предан суду в качестве обвиняемого без особого в нем производства следствия со всеми представленными ему законом гарантиями»²⁾ Равным образом Народный Комиссариат Юстиции в своем циркуляре от 2 октября 1920 г. отмечал, что «на практике бывают нередко случаи, что лица, вызванные в суд не в качестве обвиняемых, а в качестве свидетелей, потерпевших и т. д., привлекаются затем судом в самом судебном заседании в качестве обвиняемых в том или ином преступлении, причем суд, без предъявления даже привлеченному обвинению и без предоставления ему возможности представить объяснения и доказательства своей невиновности, выносит обвинительный приговор». Разъясняя неправильность таких действий суда, Народный Комиссариат Юстиции указывает, что «о всех случаях обнаружения при слушании дела обстоятельств, изобличающих то или иное находящееся в суде, кроме обвиняемого, лицо в совершении преступления, суд обязан сделать особое постановление о привлечении такого ли-

1) Сборник циркуляров Пленума Верховного Трибунала при ВЦИК, за 1921 г. стр. 44.

2) История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, 1955 г. стр. 62.

ца к суду, разрешив одновременно вопрос о мере пресечения, предъявить привлеченному к суду это обвинение и дать возможность представить доказательства своей невиновности, хотя бы для этого пришлось отложить слушание дела. Вынесение же приговоров без соблюдения указанных условий является недопустимым» 1).

Развернутые указания на обязательность соблюдения установленных законом форм судопроизводства как условия стабильности и авторитетности приговора и охраны прав и законных интересов обвиняемого, содержит в себе циркуляр Верховного Трибунала ВЦИК от 13 марта 1922 года. — «Непосколемость приговоров военных революционных трибуналов — разъясняет циркуляр — имеет существенное значение, так как упрочивает авторитет трибуналов и внушает уважение к постановлениям их. Посему трибуналы должны при рассмотрении дел и постановлениях приговоров отнюдь не допускать нарушения законов, дабы не подвергать приговоры отмене». Ввиду этого председателям трибуналов предлагается «по каждому делу убеждаться, прежде чем назначать дело к слушанию, в своевременном предъявлении подсудимому следственного производства, а равно вручения копий заключительного постановления следователя или постановления распорядительного заседания трибунала об утверждении заключения следователя». Невыполнение этих требований «лишает подсудимого возможности представить объяснения по делу, осветить его всесторонне, выяснить действительное участие подсудимого в данном деянии, и рассмотрение дела получает односторонний обвинительный характер без учета обстоятельств, смягчающих вину подсудимого, а иногда и совершенно его оправдывающих» 2).

Наряду с обеспечением обвиняемому права на защиту получают свое развитие в судебной практике рассматриваемого периода и другие, тесно с этим принципом связанные принципы советского уголовного процесса, в том числе устность и непосредственность судебного разбирательства. В частности, Отдел Высшего судебного Контроля Народного Комиссариата Юстиции в своих решениях по отдельным рассмотренным им делам, указывал, что «письменное удостоверение свидетеля не может быть принято в качестве свидетельского показания, так как, согласно ст. 70 Положения о народном суде, свидетели допрашиваются в присутствии суда и сторон». Ввиду этого Отдел Высшего Судебного Контроля отменил приговоры, вынесенные по некоторым делам, в связи с тем, что при рассмотрении указан-

1) Материалы НКЮ РСФСР 1920 г. выпуск VII. стр. 63.

2) Сборник циркуляров Верховного Трибунала ВЦИК с 1 января до 1 октября 1922 г., стр. 30.

ных дел суд первой инстанции заменил устные показания свидетелей письменными их заявлениями. ¹⁾

Непрерывность судебного разбирательства, вытекающая из принципов устности и непосредственности, является одним из условий правильного исследования и разрешения дела и — тем самым — одной из гарантий законных интересов обвиняемого. Это значение непрерывности рассмотрения уголовных дел было подчеркнуто в циркуляре Кассационного Отдела при ВЦИК от 11 марта 1921 г., специально посвященном данному вопросу. Некоторые трибуналы — говорится в этом циркуляре — «начав слушать одно дело, прерывают его и в перерыве, в том же составе трибунала, заслушивают другие дела, после чего возобновляют рассмотрение первого». Кассационный Трибунал находит такой порядок слушания дел совершенно недопустимым и разъясняет, что «при непрерывном слушании дела у судьи должно создаться определенное цельное впечатление как о личности преступника, так и о совершенном им деянии, что и даст судье основание вынести справедливый приговор». Кроме того, нарушение непрерывности рассмотрения дела может создать у слушателей впечатление, что трибунал допустил в перерыве те или иные действия или принял во внимание факты, не бывшие предметом публичного рассмотрения. По этим соображениям, Кассационный Трибунал «категорически предлагает всем трибуналам неуклонно соблюдать непрерывность процесса, ни в коем случае не прерывая слушание дела для рассмотрения какого-либо иного дела. Неисполнение означенного циркуляра поставит Кассационный Трибунал при ВЦИК в необходимость кассировать приговор». ²⁾

Одной из важнейших гарантий правосудности приговора и тем самым — гарантией прав и законных интересов обвиняемого является объективность и беспристрастность судей, рассматривающих дело. Эта объективность и беспристрастность достигается, в числе других условий, тем, что судьи выносят свой приговор исключительно на основе тех сведений, какие получены ими в ходе судебного разбирательства. Поэтому какое-бы то ни было предшествующее участие данного лица в деле исключает для этого лица возможность быть судьей в этом же деле. Это положение было сформулировано в циркуляре Верховного Трибунала при ВЦИК от 31 января 1922 г. Циркуляр запрещает членам трибунала, ранее производившим расследование по делу, принимать затем участие в том же деле в качестве судей, и

1) Материалы НКЮ РСФСР. 1922 г. выпуск XVIII, стр. 48.

2) Сборник Циркулярлов Пленума Верховного Трибунала ВЦИК за 1921 год, стр. 8.

подчеркивает, что это является «совершенно нежелательным в интересах беспристрастности приговора». 1)

Уголовный процесс в Украинской ССР строился на тех же, единых для всего советского процесса, принципах социалистического демократизма, с широким использованием опыта судебного строительства РСФСР. Первым в Украинской ССР законодательным актом о суде явилось «Постановление Народного Секретариата Украинской Республики о введении народного суда» от 4 января 1918 года. 2) Этим постановлением были упразднены все ранее действовавшие на территории Украинской республики судебные учреждения и были организованы городские, уездные и участковые народные суды.

Как и другие изданные в начале рассматриваемого периода законы о суде, Постановление от 4 января 1918 года уделяет основное свое внимание вопросам судоустройства, в отношении же порядка производства дел ограничивается указанием на то, что «все заседания суда открытые» (ст. 17) и что «все граждане старше 18 лет могут быть обвинителями и защитниками в суде и на предварительном следствии» (ст. 18). Но эти немногие процессуальные нормы, содержащиеся в Постановлении, ясно и четко говорили о том, что в основе судебного разбирательства лежат принципы обеспечения обвиняемому права на защиту, гласности, состязательности, а, следовательно, и тесно с ними связанные принципы устности и непосредственности.

Временно прерванное немецкой оккупацией судебное строительство в Украинской ССР возобновилось тотчас же после того, как руководимый партией большевиков украинский народ с помощью братского русского народа изгнал оккупантов. Опубликованным 19 февраля 1919 года декретом «О суде» были упразднены все судебные учреждения, существовавшие на территории Украины до установления Советской власти, были организованы новые суды и утверждено «Временное Положение о народных судах и революционных трибуналах Украинской Советской Социалистической Республики. 3)

Дела о более тяжких преступлениях (убийство, разбой, грабеж, подделка денежных знаков и некоторые друг.), рассматривались согласно Временному Положению, народным судом в составе народного судьи и шести народных заседателей; остальные дела были отнесены к компетенции народного суда в составе народного судьи и двух народных заседателей. По всем делам рассматриваемым с участием шести народных заседателей было обязательным участие обвинителя и защитника; в

1) Сборник циркуляров Верховного трибунала ВЦИК с 1 января до 1 октября 1922 г., стр. 19.

2) Вестник Украинской Народной Республики, 1918 г., № 5.

3) СУ УССР 1919 г. № 11, стр. 141.

остальных случаях вопрос об участии в деле представителей обвинения и защиты разрешался каждый раз судом с тем, что если в деле участвовал обвинитель, то суд обязан был допустить или назначить защитника. В дополнение к этому Временное Положение устанавливало правило, которого не знало законодательство РСФСР — именно, что если в деле участвовал защитник, то обязательным было также участие обвинителя (ст. 46). Защитник мог также принимать участие в стадии предварительного следствия, если следователь находил это возможным (ст. 35).

Кроме этих указаний на участие обвинителя и защитника в деле, Временное Положение не содержало в себе каких-либо иных постановлений о порядке судебного разбирательства и лишь устанавливало общее правило, согласно которому «при производстве дела народный суд не связан никакими ограничениями в отношении способов раскрытия истины» (ст. 48). Это означало не только право суда собирать и исследовать все доказательства, какие он считал необходимым, и оценивать эти доказательства по своему внутреннему убеждению, но также и право устанавливать самый порядок рассмотрения дела. Исходя из этого и из указаний Временного Положения об участии в деле сторон и их представителей, народные суды рассматривали дела на началах гласности, устности, непосредственности и состязательности с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Временное Положение 1919 г. допускало обжалование приговоров народного суда и этим обеспечивало обвиняемому право на защиту в кассационном производстве (ст. ст. 50, 54).

В последующем Временное Положение 1919 года — в части, относящейся к народным судам — было заменено Положением о народном суде от 26 октября 1920 года.¹⁾ Это Положение строит судебное разбирательство на началах гласности, устности, непосредственности и состязательности и уже более полно формулирует право обвиняемого на защиту. Участие защитника допускается, согласно Положению, и в стадии предварительного расследования с тем, однако, что участие это может быть ограничено следователем, «если того требуют интересы раскрытия истины» (ст. 25). В стадии судебного разбирательства должен быть назначен или допущен защитник каждый раз, когда в деле участвует обвинитель (ст. 42, примечание). До рассмотрения дела судом обвиняемому должна быть сообщена сущность предъявленного обвинения; кроме того, по делам, рассматриваемым народным судом в составе народного судьи и шести народных заседателей, обвиняемому должно быть заблаговременно предъявлено для ознакомления все следственное произ-

¹⁾ СУ УССР 1920 г. № 25, ст. 536.

водство по делу (ст. 50). Обвиняемый, как и другие участвующие в деле стороны, имеет право обжаловать приговор народного суда и участвовать—лично или через защитника—в пересмотре этого приговора кассационной инстанцией. (ст. ст. 63, 75).

Постановлением Народного Секретариата Украинской Республики от 4 января 1918 года, впервые определившим организацию народных судов в Украинской ССР, было предусмотрено также создание революционных трибуналов «в целях беспощадного преследования мародерства и всех видов злоупотреблений промышленников и торговцев, а равно для борьбы с саботажем чиновников и прочих служащих всех учреждений; вообще для решительной борьбы с врагами революции» (ст. 26). На основе этого, 23 января 1918 года было издано Положение о революционных трибуналах.¹⁾ Немногие содержавшиеся в этом Положении процессуальные нормы говорили главным образом о праве обвиняемого на защиту. Следственные комиссии, которые производили предварительное расследование по делам, подсудным трибуналам, должны были предъявить обвинение задержанному в течение 48 часов с момента задержания; участие защитника допускалось на предварительном следствии и суде, причем защитниками как и обвинителями, могут быть все граждане старше 18 лет; обвиняемому было предоставлено право заявлять отвод членам трибунала, входящим в состав суда по делу (ст. ст. 11, 12, 16). Что же касается права обвиняемого на обжалование приговора, то оно еще не было предусмотрено Положением, как и Постановлением от 4 января 1918 г., почему приговоры революционных трибуналов и народных судов являлись в то время окончательными.

Декретом от 11 декабря 1918 года было утверждено Положение об Особых военных трибуналах в Украинской Красной Армии.²⁾ Это Положение действовало короткое время, так как вскоре Особые военные трибуналы были заменены едиными для всей советской Красной Армии революционными военными трибуналами, которые при рассмотрении подсудных им дел руководствовались законодательством РСФСР. Но для истории советского уголовного процесса Положение от 11 декабря 1918 года представляет значительный интерес, так как является единственным в рассматриваемый период законодательным актом, в котором общим образом—хотя и не исчерпывающе точно—определены исходные начала судебного разбирательства. Именно, согласно статье 15 Положения, в основу судопроизводства «полагается: а) целесообразность, б) беспристрастность,

1) Вестник Украинской Народной Республики 1918 г. № 15.

2) СУ РСФСР 1919 г. № 1, ст. 9.

в) непосредственность, г) равноправность сторон, д) гласность и е) устность». Сюда же должно быть отнесено и право обвиняемого на защиту, которое хотя прямо и не указано в Положении, но вытекает из наличия в деле равноправных сторон, т. е. из принципа состязательности.

Важнейшим законодательным актом, определявшим организацию и порядок деятельности губернских революционных трибуналов в Украинской ССР явилось указанное выше Временное Положение от 19 февраля 1919 года, которое в части, относящейся к трибуналам, оставалось в силе вплоть до введения в действие первого Уголовно-процессуального кодекса УССР 1922 года.

Временное Положение не предусматривало возможности того сужения устности и непосредственности, какое допускалось законодательством РСФСР и какое в судебной практике имело место в действовавших в Украинской ССР революционных военных и революционных военных железнодорожных трибуналах. Временное Положение, не определяя порядок производства дел в губернских революционных трибуналах, лишь указывало, что допускается участие защитника в стадии предварительного следствия, при чем вопрос этот каждый раз разрешается по усмотрению следователя, в судебном же разбирательстве участие обвинителя и защитника было во всех случаях обязательным (ст. ст. 14, 17, 19). В соответствии с этим губернские революционные трибуналы в Украинской ССР рассматривали дела в таком же, в основном, порядке как и народные суды, на началах гласности, устности, непосредственности и состязательности с обеспечением обвиняемому права на защиту.

Временное Положение не содержало в себе никаких указаний на обжалование и пересмотр приговоров революционных трибуналов, но изданным несколько позже декретом от 16 апреля 1919 года ¹⁾ в составе Народного Комиссариата Юстиции был учрежден Верховный Кассационный Суд, на который было возложено рассмотрение жалоб, принесенных сторонами на приговоры революционных трибуналов. Это означало расширение права обвиняемого на защиту путем предоставления ему, как одной из сторон в процессе, возможности обжаловать вынесенный о нем приговор.

В развитие декрета от 16 апреля 1919 года Народный Комиссариат Юстиции УССР издал 29 июня того же 1919 года Инструкцию, ²⁾ которая строит кассационный пересмотр вынесенных трибуналами приговоров на началах состязательности и определяет право обвиняемого на защиту в данной стадии процесса. Инструкция требует, чтобы стороны, обжаловавшие при-

1) СУ УССР 1919 г. № 37, ст. 444.

2) СУ УССР 1919 г., часть II, № 150.

Говор, если они проживают в месте нахождения Верховного Кассационного Суда, извещались о дне слушания дела; однако, неявка их не останавливала рассмотрение дела. В отдельных случаях Верховный Кассационный Суд мог признать явку той или другой стороны обязательной (ст. ст. 10, 11). Слушание дела происходило открыто и начиналось докладом одного из судей; стороны, если они явились, могли дать свои объяснения, после чего подсудимому должно было быть предоставлено последнее слово (ст. ст. 12—14, 17). Вопрос о допущении к участию в деле представителей обвинения и защиты разрешался каждый раз Верховным Кассационным Судом с тем, однако, что при участии в деле обвинителя, должен был быть назначен или допущен защитник; равным образом, если в деле участвовал защитник, то обязательно было также участие обвинителя (ст. 16).

Законодательство Украинской ССР о народных судах и революционных трибуналах, как и соответствующие законодательные акты рассматриваемого периода в РСФСР, оставляло открытым ряд вопросов, относящихся к порядку производства уголовных дел. Настоятельная необходимость хотя бы частично разрешения этих вопросов вызвала издание Народным Комиссариатом Юстиции УССР ряда циркуляров и инструкций, в которых получили дальнейшее свое развитие отдельные принципы советского уголовного процесса, и в том числе, принцип обеспечения обвиняемому права на защиту.

Останавливаясь лишь на важнейших из этих нормативных актов, следует указать на циркуляр Народного Комиссариата Юстиции от 10 ноября 1920 года «О проверке сведений, указываемых сторонами в процессе».¹⁾ Отмечая, что следственные органы иногда не проверяют ссылок и заявлений обвиняемых и других участвующих в деле лиц на обстоятельства, которые имеют значение для дела, циркуляр разъясняет, что «непроверка подобного рода ссылок и заявлений создает неполноту дела в смысле выяснения всех его обстоятельств и крайне вредно отражается на правильном отправлении правосудия, побуждая суд либо самому наводить надлежащую справку, что затрудняет обычную деятельность суда, либо направить дело к исследованию, что замедляет производство по делу». Циркуляр подчеркивает, «что непроверка обстоятельств, имеющих отношение к делу, по ссылке сторон в процессе, не соответствует требованиям социалистического права и законодательства, что принцип проверки доказательств должен проводиться в жизнь с особенной настойчивостью»; поэтому следователи должны всеми доступ-

1) Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров по Народному Комиссариату Юстиции. Выпуск второй, 1921 г. стр. 48—49.

ными им средствами проверять заявления и ссылки обвиняемого и других участвующих в деле лиц на такие обстоятельства, которые могут оказать существенное влияние на ход дела.

Другие вопросы, относящиеся к предварительному расследованию и связанные с правом обвиняемого на защиту, получили развернутое освещение в Инструкции народным следователям 1921 г. ¹⁾

Определяя сущность предварительного следствия в советском уголовном процессе, Инструкция указывает, что данная стадия «имеет своей задачей: 1) точно и всесторонне выяснить: когда, где и кем и при каких обстоятельствах, и какого рода совершено преступление; 2) установить путем собранных улик связь между совершенным преступлением и лицом, подозреваемым в совершении его; 3) выяснить и исследовать мотивы, побудившие виновного совершить приписываемое ему преступление» (ст. 1). Для достижения этой цели следствие по каждому делу должно быть проведено полно, всесторонне и объективно. «При производстве предварительного следствия следователь обязан соблюдать полную беспристрастность. Он должен с одинаковым вниманием и в одинаковой мере выяснять обстоятельства, не только клонящиеся к обвинению заподозренного в преступлении лица, но и обстоятельства, оправдывающие его или смягчающие его вину» (ст. 10). «Целью предварительного следствия — говорит Инструкция — является выяснение истины, а не отыскание улик во что бы то ни стало» (ст. 59).

Следуя за Положением о народном суде от 26 октября 1920 года, Инструкция допускала участие защитника в стадии предварительного следствия как по ходатайству обвиняемого, так и по инициативе самого следователя. При этом следователь имел право ограничить участие защитника определенными следственными действиями (ст. 13).

Обвиняемый, а равно и представитель коллегии правозаступников, если он принимал участие в деле в качестве защитника, имел право просить следователя о допросе указанных им свидетелей и о производстве других следственных действий, а также право, с разрешения следователя, присутствовать при производстве следственных действий и задавать вопросы другим фигурирующим в деле обвиняемым, а равно свидетелям и экспертам (ст. 28).

Особое внимание уделено в Инструкции привлечению к ответственности и допросу обвиняемого. Признав, что в деле имеется достаточно данных для привлечения определенного лица в качестве обвиняемого, следователь составляет мотивированное постановление. В этом постановлении «должны быть изложены

¹⁾ Инструкция для народных следователей. Издание Народного Комиссариата Юстиции УССР. Харьков, 1921 г.

в сжатой форме обстоятельства дела со ссылками, в случае необходимости, на показания свидетелей и данные, обнаруженные осмотром и освидетельствованием; выводы из этих обстоятельств, дающие основание народному следователю для предъявления обвинения данному лицу; точное указание личности обвиняемого и того преступления, в котором он подозревается» (ст. 186). Обвиняемый должен быть допрошен в течение 12 часов после его явки или привода; если же допрос произведен позже, то причины этого должны быть отмечены в протоколе. Перед допросом следователь удостоверяется в личности обвиняемого, спрашивает его, на каком языке он желает давать показания и прочитывает ему свое постановление о привлечении в качестве обвиняемого (ст. ст. 125, 126). «Обвиняемый имеет право отказаться от дачи показаний или не отвечать на отдельные вопросы народного следователя» (ст. 127). «Об этом праве обвиняемому должно быть объявлено перед допросом» (ст. 128). Предлагаемые обвиняемому вопросы должны быть кратки и ясны (ст. 129). «Народный следователь не имеет права домогаться сознания обвиняемого путем насилия, угроз или обещания выгод и т. п. средствами» (ст. 130).

Признав, что собранные по делу данные дают вполне ясную картину преступления и потому продолжение следствия не является необходимым, «народный следователь: а) предъявляет все следственное производство обвиняемому, а по его требованию, и правозаступнику, б) спрашивает обвиняемого, не желает ли он представить еще что-нибудь в свое оправдание» (ст. 155). Следователь обязан проверить те указанные обвиняемым или его защитником обстоятельства, которые имеют значение для дела, и произвести необходимые для этого следственные действия, после чего материалы дела должны быть вновь предъявлены обвиняемому и его защитнику. Затем следователь объявляет обвиняемому и другим участвующим в деле лицам, что следствие закончено и что дело будет направлено в суд, о чем составляется особый протокол, подписываемый следователем и обвиняемым. Выполнив все эти действия, следователь составляет особый заключительный акт и передает дело в народный суд (ст. ст. 156—159).

Полнота исследования дела, как одно из важнейших условий правильного его разрешения и как одна из гарантий прав и законных интересов обвиняемого, является в равной мере обязательной в предварительном расследовании и в судебном разбирательстве. При этом активность участвующих в судебном разбирательстве сторон ни в какой мере не исключает активности суда, который, в силу принципа публичности (официальности), обязан, каждый раз, когда это окажется необходимым, проявлять свою инициативу в исследовании дела в целях правильно-

го его разрешения. Исходя из этого, циркуляр Народного Комиссариата Юстиции от 14 февраля 1920 года, носящий название «Права и обязанности народных судов по отношению к сторонам в процессе»¹⁾, разъясняет: «Задачей суда по рассмотрению как уголовных так и гражданских дел является достижение интересов правосудия путем вынесения такого приговора или решения, которые соответствовали бы требованиям справедливости и социалистического правосознания. Сторонам предоставлено право отстаивать свои интересы путем представления доказательств, объяснений и возражений, каковая деятельность сторон имеет целью дать суду нужный материал для вынесения правильного приговора или решения». Но отсюда вовсе не следует, что обязанности суда заключаются только в рассмотрении представленных сторонами доказательств и соображений и в решении дела на этой только основе. Напротив: «суд не может оставаться пассивным и не должен ограничиваться лишь теми доказательствами, которые будут представлены сторонами: суд может и должен сам, если найдет это нужным, собирать доказательства, которые могут оказаться необходимыми по ходу дела».

Как было уже сказано, Временное Положение от 19 февраля 1919 г. содержало в себе лишь очень немногие постановления, относившиеся к порядку производства дел, подсудных революционным трибуналам. Поэтому Народный Комиссариат Юстиции УССР, учитывая требования практики, издал 15 ноября 1920 года циркуляр «О порядке производства судебных дел», в котором содержался ряд указаний, вытекающих из отдельных принципов советского уголовного процесса и, в частности, из принципа обеспечения обвиняемому права на защиту.²⁾

Циркуляр требует, чтобы в каждом деле, поступающем на рассмотрение революционного трибунала, имелся процессуальный документ, в котором были бы изложены результаты произведенного по данному делу предварительного следствия и указано обвинение, предъявленное обвиняемому. Поэтому следователь, по окончании предварительного следствия, обязан составить заключительное постановление, содержащее в себе краткое изложение фактических обстоятельств дела и точную формулировку того обвинения, которое подлежит рассмотрению суда. Если же по делу не производилось предварительное следствие, то коллегией обвинителей должен быть составлен обвинительный акт такого же содержания, как заключительное

1) Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров по Народному Комиссариату Юстиции, 1921 г. Выпуск второй, стр. 82—83.

2) Сборник декретов, положений, инструкций, циркуляров по Народному Комиссариату Юстиции вып., 1921 г. Выпуск второй, стр. 82—83.

постановление следователя. Равным образом составляет коллегия обвинителей обвинительный акт и тогда, когда она не согласна с заключительным постановлением следователя и находит нужным внести в него какие-либо изменения, в частности, полагает необходимым изменить сущность обвинения предъявленного подсудимому (п. п. 1,2).

Все без исключения дела, поступающие в революционный трибунал, подлежат рассмотрению в распорядительном заседании, которое является органом предания суду. Если трибунал согласен с заключительным постановлением следователя или с обвинительным актом коллегии обвинителей, он ограничивается кратким определением о назначении дела к слушанию; в противном случае распорядительное заседание трибунала выносит мотивированное определение такого же содержания, как и заключительное постановление следователя.

Копия заключительного постановления следователя либо копия заменяющих его обвинительного акта коллегии обвинителей или мотивированного определения трибунала о предании обвиняемого суду должна быть вручена обвиняемому не менее как за двое суток до дня слушания дела (п. 4).

В циркуляре предусмотрены вытекающие из принципов устности и непосредственности непрерывность судебного разбирательства и неизменность состава суда по делу. «Судебное заседание по каждому делу должно происходить непрерывно за исключением времени перерывов, назначаемых для отдыха или на ночь; рассмотрение в перерыве других дел, до окончания слушания дела ранее начатого, недопустимо. Дело должно быть заслушано в одном и том же составе судей; если кто-либо из судей по какой-либо причине лишен будет возможности продолжать участвовать в деле, он должен быть заменен другими судьями и все дело должно быть начато слушанием с самого начала» (п. 6).

Циркуляр, далее, требует обязательного предоставления подсудимому последнего слова, строгого соблюдения тайны совещательной комнаты, мотивировки приговора и такого его изложения, «чтобы не возникало никакого сомнения относительно рода и размеров назначенного наказания». В приговоре должны быть также указаны срок и порядок его обжалования (пп. 7, 8, 11, 12). Циркуляр заканчивается указанием на то, что все эти требования «представляют собой гарантию правильного отправления правосудия, почему соблюдение их является для революционных трибуналов обязательным и неисполнение какого-либо из условий, указанных в настоящем циркуляре, является поводом к отмене приговора в кассационном порядке».

Первый проект советского уголовно-процессуального кодекса носивший название «Проект положения о порядке производства

уголовных дел», был составлен в конце 1921 года комиссией Народного Комиссариата Юстиции УССР.¹⁾ В этот проект вошли многие положения действовавшего в то время законодательства РСФСР и УССР, а также ряд положений, содержащихся в приведенных выше циркулярах, инструкциях, наказах и разъяснениях руководящих органов юстиции. Вскоре затем в феврале—марте 1922 года комиссией Народного Комиссариата Юстиции РСФСР был составлен другой проект Положения о порядке производства уголовных дел в основу которого было положено действовавшее законодательство и судебная практика РСФСР и УССР. При этом был широко использован украинский проект, из которого была заимствована—в значительной ее части—система расположения материала и был воспроизведен ряд статей, в исправленной и улучшенной их редакции. Этот второй проект, с изменениями, внесенными в него Коллегией Народного Комиссариата Юстиции РСФСР, был принят—с немногими поправками—III Сессией Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета 25 мая 1922 года и назван Уголовно-процессуальным кодексом РСФСР.²⁾

Таким путем в первый Уголовно-процессуальный Кодекс РСФСР 1922 года, в изданный в том же году первый Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР, а затем в Основы уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик и во все ныне действующие уголовно-процессуальные кодексы вошли выработанные законодательством и судебной практикой рассматриваемого периода нормы, в которых получают свое выражение принципы советского уголовного процесса и в том числе—нормы, определяющие процессуальное положение обвиняемого и обеспечиваемое ему советским законом его право на защиту.

1) Вестник советской юстиции на Украине, 1922 г., № 1, стр. 29—84.

2) СУ РСФСР 1922 г., № 20—21, ст. 230.

СОЗДАНИЕ СОВЕТСКОГО СУДА В УССР

Великая Октябрьская социалистическая революция разрушила и сдала на слом весь старый буржуазно-помещичий государственный аппарат. Вместе со всем старым государственным аппаратом был ликвидирован буржуазно-помещичий суд, являвшийся орудием угнетения и подавления трудящихся масс, орудием господства эксплуататорских классов.

Победивший трудовой народ создал новое, советское государство и для защиты нового порядка, установленного революционной властью, создал новый государственный аппарат и, в том числе, новый, советский, подлинно народный суд.

Ликвидация старого суда и создание нового суда, осуществленные сначала в РСФСР, вслед затем были проведены и в Украинской ССР.

Этот процесс освещен в нашей литературе недостаточно и неполно. В настоящей статье делается попытка шире осветить вопросы советского судебного строительства этого периода с привлечением неопубликованных до сих пор и неиспользованных в литературе архивных материалов.

I. Победа Великой Октябрьской Социалистической революции и организация первых советских судов на Украине по инициативе масс. Указание В. И. Ленина, что «революционные массы после 25 октября 1917 г., вступили на верный путь и доказали жизненность революции, начав устраивать свои рабочие и крестьянские суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата»¹⁾, полностью относятся и к Украине.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., том 27, стр 236.

В течение более чем двух месяцев, начиная со дня победы пролетарской революции в Петрограде и до издания первых декретов о суде на Украине, по инициативе трудящихся масс Украины создавались новые, советские суды. Первые декреты о суде закрепили результаты революционного правотворчества народных масс в организации народных судов.

Но было бы грубой ошибкой полагать, что правотворчество народных масс носило стихийный характер, а законодательные органы ограничивались закреплением его результатов. Напротив, правотворчество народных масс было организовано Коммунистической партией, направлялось директивами партии, а позже и советскими законами.

Решающее значение имели и в этом отношении указания В. И. Ленина. Говоря о новом государстве, за которое трудящиеся должны были вести борьбу, В. И. Ленин в мае 1917 г. писал: «Народу нужна республика, чтобы воспитывать массы к демократии. Необходимо **не только** представительство, по типу демократии, но и постройка всего управления государством снизу, самими массами, их действительное участие в каждом шаге жизни, их активная роль в управлении. **Заменить** старые органы угнетения, полицию, чиновничество, постоянную армию всеобщим вооружением народа, действительно всеобщей милицией — вот единственный путь, гарантирующий страну в наибольшей степени от восстановления монархии и дающий **возможность** идти планомерно, твердо и решительно к социализму, не «вводя» его сверху, а поднимая громадные массы пролетариев и полупролетариев к искусству государственного управления, к распоряжению **всей** государственной властью»¹⁾.

Придавая большое значение творческой инициативе трудящихся масс в управлении советским государством, В. И. Ленин призывал массы брать власть в свои руки, не дожидаясь указаний сверху: «Надо **строить** демократию тотчас, снизу, почином самих масс, их действительным участием **во всей** государственной жизни, без «надзора» сверху, без чиновников»²⁾. При этом В. И. Ленин указывал, что самодеятельность масс в организации и деятельности нового государства должна проходить под лозунгом строгой пролетарской организованности и революционного порядка. «Не на беспорядки и бунты, а на сознательную революционную борьбу зовут большевики пролетариат, беднейших крестьян и всех трудящихся и эксплуатируемых»³⁾.

В. И. Ленин, призывая народные массы к активной творческой работе и предупреждая о необходимости строжайшего соблюдения революционного порядка, уже в первые дни существ-

1) В. И. Ленин. Соч., том 24, стр. 152.

2) В. И. Ленин. Соч., том 24, стр. 140.

3) В. И. Ленин. Соч., том 24, стр. 531.

вованая Советской власти требовал создания революционного суда и предания этому суду всех нарушающих дисциплину и революционный порядок. Так, в чрезвычайно важном обращении к народам России 5-го ноября 1917 года В. И. Ленин, указывая какие действия вредят народному делу, предлагал предавать виновных в них «революционному суду народа»¹⁾ и тем самым подчеркивал важность инициативы трудящихся в создании этого суда.

Обращение вождя Великой Октябрьской социалистической революции было услышано и правильно воспринято также рабочими и крестьянами Украины, которые создали на местах новые органы государственной власти — Советы, а вместе с ними и свои, рабочие и крестьянские суды.

Первый декрет о суде Совета Народных Комиссаров РСФСР был опубликован 24 ноября 1917 года. Постановление Народного Секретариата Украинской республики (первого советского правительства УССР) о введении народного суда на Украине было опубликовано 10 января 1918 года. В ряде мест на территории Украины декреты были получены значительно позже. Но еще до получения декретов о суде из центра, во многих местах на Украине началось стихийное упразднение трудящимися ненавистных им царских судов и создание новых судов. Это был начальный период строительства нового, советского суда.

Формы судов, организованных по почину трудящихся масс, были очень разнообразны, но особой популярностью пользовалась идея создания революционных трибуналов. Такие суды создавались стремительно по почину местных Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по мере установления на Украине Советской власти. Учреждались суды не только в крупных городах, но и в отдельных уездах и даже в отдельных селах.

К сожалению, мы не располагаем данными о численности судов, созданных по почину местных Советов в первый период существования Советской власти на Украине, так как сведения об организации и деятельности этих судов чрезвычайно скудны. Центральный Государственный Архив Октябрьской революции УССР не содержит специальных документов по данному вопросу, газеты же того времени посвящали этому вопросу крайне редкие и скудные заметки. Но и нижеприведенные примеры достаточно ярко свидетельствуют о том, какое значение имело революционное правотворчество масс в области судостроительства.

Так, еще до издания Советской властью декретов о суде

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., том 26, стр. 266.

«Известия Полтавского Совета Революции» в № 6 от 8 ноября 1917 года сообщали, что «по получении в Полтаве первых известий о революции в Петрограде, на экстренном заседании Полтавского Исполнительного Комитета Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был рассмотрен вопрос об образовании революционного суда. На этом же заседании Исполнительного Комитета был избран революционный суд в составе трех человек» 1).

21 ноября 1917 года в заседании Исполнительного Комитета Полтавского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов по настоянию большевиков в повестку дня был включен и рассматривался вопрос об организации при Совете следственной комиссии для разбора дел лиц, арестованных Советской властью за кражу и спекуляцию. Указывая, что старому суду нельзя доверять, большевики настаивали на создании следственной комиссии, в состав которой по их требованию должны были войти представители революционных масс. Вопреки эсеровско-меньшевистской группе исполкома, возражавшей против создания следственной комиссии и ссылавшейся на то, что Совет «не должен вмешиваться в уголовщину», в результате обсуждения указанного вопроса Исполнительным Комитетом было принято постановление об организации следственной комиссии с правом выполнения и судебных функций 2).

В начале декабря 1917 г. комитет охраны города Одессы, образованный при Исполкоме Совета рабочих, солдатских и матросских депутатов, учредил в Одессе 2 революционных трибунала и при них следственные комиссии. Как трибуналы, так и следственные комиссии были организованы без каких-либо указаний об этом из центра. В состав каждого революционного трибунала и следственной комиссии входили 5 человек, избранных Советом рабочих, солдатских и матросских депутатов. В состав избранных входило равное число представителей от Совета рабочих депутатов и от Совета солдатских и матросских депутатов. Круг дел подведомственных комиссии и революционным трибуналам был определен следующим образом: «...ими разбираются убийства, поранения, избиения, разгром винных складов, самочинные обыски, самозванство (ношение неприсвоенной формы), дела арестованных за пьянство, скупку, продажу и хранение спиртных напитков, контрреволюционная агитация и национальная травля (призыв к погромам)...». Следственная комиссия собирала доказательства, которые она затем передавала революционному трибуналу. «Трибунал вы-

1) Цитируется по работе А. И. Рогожина «Законодательная деятельность в УССР». Сборник по истории советского государства и права УССР, 1954 г., стр. 10.

2) ЦГАОР УССР, ф-2098, оп.-I, д-5, л-211.

носит свои решения на основании материалов, добытых следственной комиссией, свидетельских показаний, допросов и медицинской экспертизы». Приговоры революционного трибунала были окончательными, «за исключением случаев, когда им самим будет признана необходимость перерешить дело или передать в ведение трибунала в другом составе». Объявленные приговоры приводились в исполнение немедленно. Заседания как следственной комиссии, так и революционного трибунала были открытыми ¹⁾.

В середине декабря 1917 г. в Одессе были организованы суды при районных комитетах Юго-Западной железной дороги. Эти суды избирались районными железнодорожными Советами в составе 10 членов каждый и назывались «дорожными дисциплинарными судами». Такие суды были организованы при шестнадцати районных комитетах дороги. При управлении же дороги был организован «Главный дисциплинарный суд дороги»²⁾.

31 декабря 1917 года на общем собрании делегатов военно-морских организаций Одессы было принято решение об учреждении в Одессе Военно-Морского революционного трибунала. Трибунал был организован при Совете матросских депутатов Одесского порта. Задачей трибунала являлось «обсуждение проступков и действий членов военно-морской организации, уличенных в действиях во вред Революции». В состав трибунала входило 9 выборных представителей судовых команд и частей флота³⁾.

31 декабря 1917 года Президиум Одесского Совета рабочих депутатов поручил заводскому комитету Черноморского канатного завода организовать суд над рабочим этого завода Яковлевым, предъявив ему обвинение в насилии над красногвардейцами во время кровавых событий 1—5 декабря 1917 года. В состав этого трибунала вошли представители Совета рабочих депутатов, заводского комитета Черноморского канатного завода и Красной Гвардии⁴⁾.

2 января 1918 года на объединенном заседании президиумов Советов рабочих, военных и крестьянских депутатов Одессы был одобрен проект учреждения революционного трибунала

1) Газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота» № 200 от 5 декабря и № 201 от 6 декабря 1917 года.

2) Там же № 207 от 14 декабря 1917 года.

3) Там же № 220 от 1 января 1918 года.

4) Там же № 221 от 3 января 1918 года.

для суда над Зубрицким, обвиняемым в совершении целого ряда злоупотреблений в Совете солдаток¹⁾.

Газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота» в № 232 от 19 января 1918 года сообщала, что при революционном Комитете Одессы для борьбы с контрреволюцией была организована следственная комиссия с полномочиями суда.

Что касается процессуального порядка установленного для рассмотрения дел в судах Одессы, организованных по инициативе масс, то сообщения газеты «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота»²⁾ видно, что дела рассматривались в открытом судебном заседании; после чтения протокола, предъявленного в суд следственной комиссией, начиналось судебное следствие, в котором принимали активное участие лица, присутствовавшие в зале заседания. Это участие заключалось в том, что каждый из присутствовавших мог задавать вопросы как обвиняемому, так и свидетелям и, кроме того, мог выступать в качестве обвинителя или защитника. Суды выносили приговоры, руководствуясь революционной совестью и революционным правосознанием.

Та же газета в статье «В революционном трибунале» описывает отношение населения Одессы к новым советским судам, организованным по почину трудящихся масс. Автор статьи указывает, что население «принимало горячее участие в разбирательстве дела». После вынесения судом приговора «присутствовавшая в суде публика горячо приветствовала свободные принципы революционного суда и выразила свою благодарность членам трибунала за их беспристрастную работу...»³⁾.

Сравнивая революционные трибуналы, организованные в декабре 1917 года в Одессе, с революционными трибуналами, учреждение которых предусматривалось декретом «О суде» № 1, мы видим, что революционные трибуналы Одессы во многом отличались от предусмотренных декретом, чем подтверждается создание новых судов на Украине революционным протворчеством трудящихся масс.

Так, например, одесские революционные трибуналы состояли из пяти человек, а военно-морской одесский трибунал состоял из девяти человек; по декрету же «О суде» № 1 революционные трибуналы учреждались в составе одного председателя и шести очередных народных заседателей.

1) Газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота» № 221 от 3 января 1918 года.

2) Там же № 225 от 11 января и № 228 от 14 января 1918 года.

3) Там же № 228 от 14 января 1918 года.

Различен был и круг дел, подсудных трибуналам. Декрет «О суде» № 1 указывал, что революционные трибуналы учреждались «для борьбы против контрреволюционных сил в видах принятия мер ограждения от них революции и ее завоеваний, а равно для решения дел о борьбе с мародерством и хищничеством, саботажем и прочими злоупотреблениями торговцев, промышленников, чиновников и проч. лиц...». Компетенция же революционных трибуналов Одессы была, как указано выше, значительно шире и не исключала рассмотрение общеуголовных преступлений.

Общим для трибуналов Одессы и трибуналов, предусмотренных декретом «О суде» № 1, являлось, главным образом, то, что все они избирались Советами. Несомненно, однако, что создание следственной комиссии при Петроградском Военно-революционном Комитете и опыт народного судебного строительства в Петрограде до издания декрета «О суде» № 1, а позже и идеи этого декрета оказали решающее влияние на формирование большинства созданных в это время в Одессе судов. Хотя здесь и не копировали содержание этого декрета, но, руководя всей революционной деятельностью масс, коммунисты Одессы, конечно, ориентировали творчество масс в области судебного строительства на использование и в этом отношении передового опыта революционного центра.

Имеются данные о судебном строительстве и в других городах Украины. Так, 14 января 1918 года на общем собрании секции безопасности Изюмского уездного Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов был учрежден революционный трибунал для рассмотрения дела группы контрреволюционеров, совершивших в Изюме ряд преступлений ¹⁾.

В газете «Наш Юг» № 22 от 20 февраля 1918 года в заметке «Чрезвычайный революционный железнодорожный трибунал» сообщалось, что «при управлении Северо-Донецкой железной дороги образуется Чрезвычайный Революционный Трибунал союза служащих Северо-Донецкой железной дороги с полномочиями как следственной, так и судебной власти. Каждую сессию в Трибунал входят новые выборные члены». На первую сессию было избрано пять товарищей.

В работе проф. П. П. Михайленко²⁾ имеются указания на организацию новых, народных судов по инициативе трудящихся масс в Луцке, Житомире, Виннице, Умани, Нежине и ряде других городов Украины.

Чрезвычайно интересным является «Положение о революционном трибунале», принятое 13 января 1918 года Харьков-

1) ЦГАОР УССР, ф-1775, оп-1, д-16, л-41.

2) «Труды военно-юридической академии», выпуск X, 1949 г., стр. 51.

ским Советом рабочих и солдатских депутатов ¹⁾ и положенные в основу Положения о революционных трибуналах, изданного позже Народным Секретариатом по судебным делам Украинской Республики.

Это «Положение» было издано в связи с тем, что постановление Народного Секретариата «О введении народного суда» от 4 января 1918 года предусмотрел «в целях беспощадного преследования мародерства и всех видов злоупотреблений промышленников и торговцев, а равно для борьбы с саботажем чиновников и прочих служащих всех учреждений и вообще решительной борьбы с врагами революции...», учреждение революционных трибуналов, не устанавливало порядка их организации и деятельности. Обстановка же того периода настойчиво требовала быстрейшей организации революционных трибуналов. Поэтому Харьковский Совет рабочих и солдатских депутатов в своем заседании 13 января 1918 года, приняв указанное Положение, сам определил порядок организации и деятельности революционного трибунала.

Положение это устанавливало, что революционный трибунал избирается Советом рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе постоянного председателя, его заместителя и двенадцати членов, являвшихся представителями следующих организаций: «1—от Совета рабочих и солдатских депутатов, 1—от партии «левых» с. р., 1—от партии большевиков, 1—от штаба Северного отряда, 1—от союза «Металлистов», 1—от Харьковского гарнизона, 1—от комиссии по борьбе с контрреволюцией, 1—от профессионального союза (Совет фабрично-заводских комитетов—М. Д.), 1—от штаба Красной Гвардии, 3—от Совета крестьянских депутатов». Срок полномочий всех судей был установлен трехмесячный, но Совету было предоставлено право лишить судью полномочий и ранее этого срока.

Трибунал рассматривал дела в составе одного постоянного судьи—председателя трибунала или его заместителя—и четырех членов трибунала, избранных по жребию из числа двенадцати. Таким образом, в отличие от декрета «О суде» № 1, «Положение о революционном трибунале» Харьковского Совета рабочих и солдатских депутатов не знало участия народных заседателей в революционном трибунале.

Производство предварительного расследования возлагалось на специально образованную при революционном трибунале следственную комиссию, состоящую из шести лиц.

Кроме следственной комиссии, при революционном трибунале состояли: 1) революционный обвинитель и два товарища

¹⁾ Газета «Донецкий пролетарий» № 59 от 17 января 1918 года.

его, 2) секретарь и 3) трибунальный исполнитель. Все указанные лица избирались общим собранием Совета на 3 месяца и могли быть им отозваны.

В Положении Харьковского Совета от 13 января 1918 года впервые в истории советского суда была высказана мысль о создании государственного органа, который осуществлял бы одновременно функции обвинения и функции надзора за законностью. Статья 9-я Положения гласит: «Революционный обвинитель и его товарищи являются государственными обвинителями и высшими местными органами революционного надзора».

Попытка создания Харьковским Советом такого органа в рассматриваемый период осуществлена не была, так как Харьковский революционный трибунал был открыт лишь в конце января и потому руководствовался в своей деятельности «Положением о революционных трибуналах» Украинской Советской Республики, опубликованным 23 января 1918 года, в котором ничего не говорилось о надзорных функциях обвинителей; тем не менее высказанная в Положении мысль о создании единого государственного органа для осуществления функции обвинения и функции надзора за законностью представляет большой интерес.

Такой орган был организован, как известно, лишь в 1922 году в лице прокуратуры в РСФСР 28 мая постановлением 3-й сессии ВЦИК IX созыва ¹⁾ и в УССР 28 июня постановлением ВУЦИК ²⁾.

Инициатива возбуждения уголовного дела, согласно ст. 10 Положения, принадлежала государственному обвинителю и исполнительному комитету Совета. Далее в ст. 10 указывалось, что «обвинителями и защитниками как в процессе, так и в предварительном следствии могут выступать также все не лишённые политических прав граждане».

Особого внимания заслуживает статья 7-я Положения, согласно которой «Революционный трибунал, руководствуясь декретами Народных Комиссаров (Совет Народных Комиссаров РСФСР — М. Д.), ЦИКа Советов Украины и Харьковского Совета Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов, а в случаях отсутствия таковых — классовой пролетарской справедливостью и революционным правосознанием, присуждает лиц, признанных виновными...».

В положении указано, что приговоры трибунала окончатель-

1) СУ РСФСР, 1922 г., № 36, ст. 424.

2) СУ УССР, 1922 г., № 28, ст. 440.

ны и обжалованию не подлежат, но « в случае обнаружения новых и существенных обстоятельств дело пересматривается тем же трибуналом».

В некоторых сельских местностях борьбу с преступлениями и разрешение имущественных споров между гражданами брали на себя волостные и сельские сходы. Здесь характерно то, что трудящиеся массы сами осуществляли правосудие над ворами, спекулянтами и другими нарушителями нового революционного порядка, не создавая для этого специальных судебных органов.

В. И. Ленин отметил такую форму народного правосудия еще в опыте революции 1905—1907 гг.: «...Народ, масса населения, неоформленная, «случайно» собравшаяся в данном месте, сама и непосредственно выступает на сцену, сама чинит суд и расправу, применяет власть, творит новое революционное право» 1).

Об осуществлении судебных функций в рассматриваемое нами время сельскими сходами говорят примеры такой деятельности сельских сходов в Харьковской и Черниговской губерниях.

15 февраля 1918 года общее собрание крестьян села Бугаевки, Изюмского уезда, Харьковской губернии, рассматривая вопрос о местном кулаке Савченко, который оказал сопротивление членам комиссии волостного Совета, явившимся к Савченко по поручению Совета для взятия на учет его имущества, вынесло следующее постановление: «Ввиду того, что Платон Савченко угрожал комиссии Совета крестьян Бугаевской волости, явившейся для переписи его нетрудового хозяйства, общее собрание постановляет оштрафовать Савченко на 50 пудов хлеба» 2).

16 февраля 1918 года общее собрание села Локнистого Черниговской губернии рассмотрело дело кулака Луцика о краже леса, взятого на учет земельным комитетом Совета. Собрание постановило: «Подвергнуть Гавриила Луцика штрафу в сумме 1000 руб. и взять на учет его живой и мертвый инвентарь, землю и лес» 3).

На одном из собраний крестьяне с. Авдеевки, Черниговской губернии, рассмотрев дело о краже сена Тихоном Нехаем у Павла Горвина, постановили: «С Тихона Нехая взыскать 20 рублей (стоимость сена) в пользу Павла Горвина, а за кражу сена подвергнуть штрафу в сумме 50 руб. в пользу организа-

1) В. И. Ленин. Соч., том 10, стр. 220.

2) ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-10, л-1.

3) Газета «Земля», № 1 от 14 марта 1918 года.

ций (организация районного комитета с. Авдеевки) и за кражу сена Тихону Нехаю вынести порицание»¹⁾).

В этом же собрании было рассмотрено дело Павла Горваля о краже леса в с. Авдеевке. Собрание постановило: «За кражу дубового гилля (хворосту) подвергнуть Павла Горваля взысканию за лес 20 руб. в пользу организации с. Авдеевки и штраф в сумме 50 руб. на организацию». А так как Горваль замечался в краже неоднократно, то постановлено «подвергнуть его аресту при Черниговской губернской тюрьме на своем содержании на 15 суток». Исполнение приговора было возложено на исполнительный комитет Совета.

Приведенные примеры дают основание полагать, что сельские сходы сыграли в это время положительную роль в борьбе с преступными элементами. Сельские сходы не являлись случайными объединениями толпы, они были формой организации крестьянских масс и проходили под руководством местных Советов. В деятельности сельских сходов было, конечно, много недочетов, но попытка проф. Исаева²⁾ охарактеризовать судебную деятельность сельских сходов как самосуд является грубым извращением существа этой деятельности.

Иногда функции отправления правосудия осуществлялись непосредственно местными Советами. Так, 15 февраля 1918 года Изюмский Уездный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов рассмотрел дело П. С. Левина и Б. З. Левина, обвиняемых в спекуляции и, признав обвинение доказанным, постановил первого оштрафовать на 1000 рублей, а второго — на 5000 рублей³⁾.

20 февраля 1918 года Изюмский Исполнительный Комитет, рассмотрев дело Климашева, обвиняемого в контрреволюционной агитации, постановил: «Взыскать с Климашева штраф в сумме 15.000 руб. Срок для взноса этих денег назначить семидневный. Впредь до взноса означенного штрафа Климашев должен содержаться под стражей в Изюмской тюрьме⁴⁾».

В одном из протоколов заседаний Михайловского сельского Совета (Изюмского уезда) читаем следующую запись: «Слушали: Вопрос об оскорблении представителя советской власти гражданином Диканем. Постановили: Подвергнуть Диканя 52 л. тюремному заключению на один месяц, но так как Дикань происходит не из буржуазного класса, то первый раз простить

1) Газета «Земля» № 1 от 14 марта 1918 года.

2) Исаев М. М., Общая часть уголовного права РСФСР, 1925 г., стр. 63—64.

3) ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-5, л-23.

4) ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-5, л-23.

с предупреждением, что если это повторится, то он будет обязан понести наказание»¹⁾).

Приведенные выше данные об организации и деятельности первых судов на Украине позволяют сделать следующие выводы:

1) Слом старой судебной системы и строительство новых советских судов на Украине, так же как и в РСФСР, начались по инициативе самих трудящихся масс и притом еще до издания законодательных актов о суде или до получения этих законов на местах.

2) Суды строились на началах коллегиальности и, как правило, избирались местными Советами.

3) Разбирательство дел происходило на началах: гласности, состязательности и права обвиняемого на защиту; в качестве защитника выступал обычно кто-либо из присутствующих в судебном заседании.

4) Старыми законами суды, как правило, не пользовались, а руководствовались при вынесении своих решений социалистической совестью и революционным правосознанием.

Несмотря на организационное несовершенство этих судов, они сыграли большую роль в борьбе с контрреволюционерами, ворами, спекулянтами и другими преступными элементами, посягавшими на правопорядок молодой республики в период проведения социалистической революции на Украине.

Впервые в истории центральное правительство не стало силой, противоборствующей массам, стремившимся к управлению государством. Напротив, правительство нового, советского государства считало прямой и первой своей обязанностью содействовать революционному правотворчеству и участию масс в управлении государством. Вот что писал по этому поводу Владимир Ильич Ленин в декабре 1917 года в статье «Как организовать соревнование?»: «...Развивать как можно шире этот самостоятельный почин рабочих и всех вообще трудящихся и эксплуатируемых в деле творческой **организационной** работы. Во что бы то ни стало надо разбить старый, **нелепый**, дикий, гнусный и мерзкий предрассудок, будто управлять государством, будто ведать организационным строительством социалистического общества могут только так наз. «высшие классы», только богатые или прошедшие школу богатых классов»²⁾.

2. Слом буржуазно - помещичьей судебной системы на Украине. В работе «Государство и революция» В. И. Ленин пи-

1) ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-10, л-37.

2) В. И. Ленин. Соч., том 26, стр. 370.

сал, что «рабочие, завоевав политическую власть, разобьют старый бюрократический аппарат, сломают его до основания, не оставят от него камня на камне...»¹⁾).

В этих словах В. И. Ленина была изложена программа ближайших действий победившего пролетариата в отношении буржуазно-помещичьего государственного аппарата в целом и в отношении суда в частности. В соответствии с этими основными задачами пролетариата в области судебного строительства после победы Великой Октябрьской социалистической революции являлись: 1) полная ликвидация старой буржуазно-помещичьей судебной системы, 2) установление важнейших принципов организации и деятельности новых советских судов, 3) повсеместное учреждение новых рабоче-крестьянских судебных органов.

Эти задачи, которым был посвящен декрет «О суде» № 1 РСФСР, нашли свое выражение и в первом декрете о советском суде на Украине.

В заседании 4 января 1918 года Центральный Исполнительный Комитет Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины утвердил постановление Народного Секретариата о введении народного суда на Украине²⁾. Это был первый декрет о суде, изданный правительством Советской Украины³⁾.

Выше указывалось, что ликвидация старых судов и строительство новых, советских судов на Украине началось по инициативе трудящихся масс еще до того, как были изданы первые законодательные акты о суде, до того, как в законодательном порядке был уничтожен старый суд. Постановление от 4 января 1918 года «О введении народного суда» санкционировало фактически уже проводившиеся мероприятия по слому и уничтожению буржуазно-помещичьей судебной системы и по созданию новых рабоче-крестьянских судов. Оно упраздняло всю старую буржуазно-помещичью судебную систему: окружные суды, судебные палаты, военные и морские суды, коммерческий суд в Одессе, волостные и мировые суды, а также институты нотариата, прокурорского надзора, судебных следова-

1) В. И. Ленин. Соч., том 25, стр. 452.

2) См. приложение к статье А. Л. Ривлина в журнале «Советское государство и право», 1949 г., № 11, стр. 62.

3) Утверждение целого ряда авторов — Д. С. Карев (Ученые записки ВИЮН, вып. IV, 1945 г., стр. 44), М. А. Чельцов (Уголовный процесс, юриздат, М., 1948 г., стр. 150), М. В. Кожевников (История советского суда, Юриздат, 1948 г.) и др.—о том, что первым декретом о суде УССР, соответствующим декрету о суде № 1 РСФСР, является «Временное положение о народных судах и революционных трибуналах УССР» от 14 февраля 1919 года не соответствует исторической правде.

телей, судебных приставов, присяжной и частной адвокатуры.

Ликвидация старой судебно-прокурорской системы была поручена Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Украины. Для ликвидации всех старых учреждений суда, прокуратуры и присяжной адвокатуры, а также для принятия имущества, дел, находящихся в производстве, и архивов, была учреждена должность особых комиссаров, избираемых местными Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Вместо упраздненных буржуазно-помещичьих судов были созданы новые, подлинно народные суды, осуществлявшие подлинно народное правосудие.

В. И. Ленин писал: «...путь, который прошла Советская власть в отношении к социалистической армии, она сделала также и по отношению к другому орудию господствующих классов, еще более тонкому, еще более сложному — к буржуазному суду, который изображал собою защиту порядка, а на самом деле был слепым, тонким орудием беспощадного подавления эксплуатируемых, отстаивающим интересы денежного мешка. Советская власть поступила так, как завещали поступать все пролетарские революции, — она отдала его сразу на слом»¹⁾.

Враги Советской власти прекрасно понимали значение слова старого, царского суда и создания нового, советского суда. Старое и здесь не уходило без боя.

Сенат — верный защитник интересов буржуазии и помещиков царской России, узнав о принятии Советом Народных Комиссаров декрета «О суде» № 1, вынес 24 ноября 1917 года постановление, призывающее не подчиняться решениям этого декрета. Голос сената был подхвачен врагами Советской власти также и на Украине. Продажные контрреволюционные меньшевистско-эсеровские газеты, издававшиеся на Украине некоторое время и после установления Советской власти, подняли дикий клеветнический вой на своих страницах против декрета «О суде» Совета Народных Комиссаров от 24 ноября 1917 года и против Постановления правительства Украинской Народной Республики от 4 января 1918 года о введении на территории Украинской Народной Республики народного суда.

На борьбу с мероприятиями Советской власти по созданию советских революционных судов первыми выступили враждебные социалистической революции судебные и прокурорские чиновники, а также адвокатура Петрограда и Москвы.

Не отставали от них и судебно-прокурорские чиновники и адвокаты Украины.

¹⁾ В. И. Ленин. Соч., том 26, стр. 421.

Так, 2 января 1918 года в Харькове состоялось общее собрание судебного союза. В указанном собрании приняли участие члены судебной палаты, члены окружного суда, городские и уездные мировые судьи и отдельные адвокаты. Собранием единогласно была принята резолюция о «признании декрета о роспуске судов незаконным и о необходимости продолжать текущую работу вплоть до того момента, когда будет применена сила к исполняющим свои обязанности судебным деятелям»¹⁾.

15 января 1918 года состоялось собрание Харьковской присяжной адвокатуры, обсудившее декрет о суде правительства Украины. В принятом собранием решении указано, что «после всестороннего обсуждения декрета, как с юридической, так и с этической и чисто житейской стороны, адвокатура признает себя не упраздненной, как сословие; организованные новые суды адвокатура признает незаконными и выступления в них для членов сословия как по гражданским, так и по уголовным делам ни в коем случае недопустимыми». Исключение сделано, как указано в этом решении, «только для дел чисто политического характера, подлежащих рассмотрению в революционном трибунале». Постановление это признано обязательным для всех присяжных поверенных и их помощников²⁾.

Так же враждебно к новому, революционному суду отнеслись и судебные следователи. В собрании общества судебных следователей Харькова, происходившем 16 января 1918 года, обсуждался вопрос об отношении судебных следователей к предложению комиссара уголовно-следственного и тюремного отделения Харькова продолжать следственную работу. На этом собрании была принята следующая резолюция: «Принимая во внимание: 1) что деятельность Харьковского окружного суда приостановлена; 2) что деятельность судебных следователей тесно и неразрывно связана с деятельностью окружного суда, как органа, которому судебные следователи подчинены; 3) что нормальное отправление правосудия при таком положении не может быть восстановлено даже если бы следователи остались на своих местах; 4) что комиссар криминального отдела предлагает судебным следователям перейти на положение вольнонаемных служащих, с обращением их деятельности, ранее основывавшейся на законе и независимой судейской совести, лишь в механический квалифицированный труд, общее собрание постановило: предложение комиссара признать для себя неприемлемым»³⁾.

1) Газета «Жизнь России» № 17 от 4 января 1918 года.

2) Газета «Жизнь России» № 25 от 16 января 1918 года.

3) Газета «Жизнь России» № 27 от 18 января 1918 года.

17 января 1918 года Народный Секретарь по судебным делам разослал всем местным Советам циркулярное письмо, в котором указывал на возможность «использовать временно отдельных лиц, группы членов судебного ведомства в качестве инструкторов и помощников для разрешения всех затруднений в деле создания новых судов и упразднении старых...¹⁾). Однако судебские чиновники в большинстве своем саботировали это распоряжение. Так, в заметке, помещенной в харьковской газете «Жизнь России» (№ 30 от 21 января 1918 года) указывается, что комиссар юстиции г. Харькова предложил членам судебной палаты и окружного суда принять на себя обязанность инструктировать судей вновь организованных советских судов, однако, «все судьи от инструкторства отказались».

Многие из старых «служителей правосудия» — судебно-прокурорских чиновников и адвокатов — стали на путь активных контрреволюционных действий. Так, например, по распоряжению прокурора Полтавского окружного суда в ноябре 1917 года была освобождена из тюрьмы большая группа активных контрреволюционеров, которые были арестованы и содержались под стражей по постановлению Полтавского Совета рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

За эту контрреволюционную вылазку прокурор окружного суда был отстранен от должности и арестован. Узнав об этом, адвокатура, магистратура и прокуратура г. Полтавы, собравшись на объединенном своем общем собрании, вынесла резолюцию с требованием немедленного освобождения и восстановления в должности арестованного прокурора, а получив должный отпор, организовала в Полтаве саботаж судебных работников²⁾.

Приведенные примеры типичны для отношения чиновников судебно-прокурорского аппарата царской России и старой адвокатуры к мероприятиям Советской власти, в частности, к организации новых, советских революционных судов. Эти лица ненавидели советский суд и всеми доступными способами боролись против нового суда и нового законодательства. Они саботировали распоряжения Советской власти, вопили о гибели права и исчезновении правосудия с появлением советских судов. Руководителями этой контрреволюционной борьбы против Советской власти являлись меньшевики и эсеры.

Достойную отповедь клеветникам дал В. И. Ленин в своем докладе «О деятельности Совета Народных Комиссаров» на III Всероссийском съезде Советов в январе 1918 года. Он го-

1) ЦГАОР УССР, ф-1775, оп.-1, д-16, л-30.

2) ЦГАОР УССР, ф-2098, о-1, д-4, л-99.

ворил: «Пусть кричат, что мы, не реформируя старый суд, сразу отдали его на слом. Мы расчистили этим дорогу для настоящего народного суда...¹⁾».

По-иному встретили издание декрета о суде широкие трудящиеся массы Украины. Они рассматривали этот декрет, как акт, большой государственной важности, направленный на установление нового порядка, на защиту интересов трудящихся. Народные массы с доверием отнеслись к советскому суду и стремились к насаждению строгой законности в соответствии с указаниями Советской власти.

Херсонская газета «Голос Пролетария» № 88 от 24 января 1918 года в статье «Старый и новый суд» писала: «...рядом с Советской властью появляется суд народный, суд чести, суд революционной совести, отменяющий все старые законы, служившие оплотом буржуазно-помещичьего господства.

Господствовавшие классы, сами создавшие законы, сами судившие и закреплявшие посредством этих законов свои права и привилегии, пытались еще убедить всех, что их суд—сама справедливость, пытались уверить вся и всех, что с уничтожением их судебных учреждений рушится вся культура. На самом же деле их суд является орудием эксплуатации рабочих и крестьян». И далее: «...необходимо быстрее строить новый суд, ибо старый суд куда ниже народного суда, суда выдвинутого рабочими и крестьянами, классов, несущих с собой (особенно пролетариат) несравненно более высокие устои общества, являющихся поборниками несравненно более высокой справедливости... Ведь нельзя же себе представить, чтобы удалив буржуазию от кормила политической власти, пролетариат оставил ее суд, ее право, ее закон. Народ создает новое право, право, соответствующее его интересам, и в первую очередь он разрушает в своем поступательном движении органы старого права, точнее—бесправия, разрушает все отжившее и собирается строить свое право, право угнетенного и эксплуатируемого».

«Известия Полтавского Совета Революции» № 28 от 8 декабря 1917 года в статье «Долой самосуды» писала: «Каждый день приносит из разных углов нашей страны гнетущие вести о кровавых самосудах, о диких, бесчеловеческих расправах. Корни этого печального явления теряются в мрачных делах нашей житейской истории. Оно было порождено недоверием народных масс к «правосудию» господствовавшего меньшинства, оставившему в сознании народа печальную память о «Шемякином суде», «Щегловитовском суде» и переверзевской юстиции. И теперь, когда великая трудовая революция передала

1) В. И. Ленин, Соч., том. 26, стр. 421.

власть в руки крестьян и рабочих, когда на смену чиновникам пришли подлинно народные судьи, такие явления не должны отравлять светлый праздник великих завоеваний... Этому ужасу не может быть места в наших рядах!... Мы доверяем народному суду!».

«Известия Юга» в № 3 от 16 февраля 1918 года сообщали, что трудящиеся Чистяковского района (Донбасс), узнав об издании декрета о суде, в общем собрании Совета постановили: «немедленно же создать «Революционный трибунал» по типу созданных Советской властью в Петрограде, Москве и других городах».

Ярким свидетельством отношения трудящихся масс Украины к декрету о суде от 4 января 1918 года, может служить резолюция, принятая происходившим 10 февраля 1918 года в Полтаве губернским съездом Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В этой резолюции сказано следующее: «Губернский съезд Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов приветствует отмену старых, отживших судебных установлений, служивших интересам капиталистических классов, и учреждение судов новых, народных, отвечающих потребностям пролетариата. Съезд немедленно будет проводить на местах реформу по организации народных судов»¹⁾.

После издания декрета о суде от 4 января 1918 года старые судебные установления на Украине продолжали самочинно рассматривать дела и выносить приговоры и решения именем свергнутой Центральной рады или низложенного Временного правительства. Советская власть со всей решительностью приступила к ликвидации старых судебно-прокурорских учреждений.

12 января 1918 года Народным Секретарем по судебным делам Украинской Народной Республики были разосланы председателю Харьковского окружного суда, председателю съезда мировых судей, председателю Харьковской судебной палаты и председателю уездного съезда мировых судей следующий приказ: «В исполнение Постановления Народного Секретариата Украинской Народной Республики от 4 января о введении народных судов на Украине, предлагаю всем немедленно приостановить все имеющиеся в производстве дела и приступить к ликвидации упраздненного суда под контролем комиссара юстиции Харьковского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов»²⁾.

В тот же день этот приказ был вручен председателю Харь-

¹⁾ Газета «Вісти Ради» № 19 от 13 февраля 1918 года.

²⁾ Газета «Вестник Украинской Народной Республики» № 8 от 14 января 1918 года.

ковской судебной палаты явившимся туда Комиссаром юстиции Харьковского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, заявившим при этом, что «если магистратура добровольно не сдаст дел, то в здание будет введена вооруженная сила». После указанного предупреждения члены судебной палаты приступили к сдаче дел. Одновременно в здании судебной палаты Комиссаром юстиции было создано собрание канцелярских служащих судебных установлений, которым было предложено оставаться на своих прежних местах. Собрание приняло решение о подчинении новой власти и о продолжении работы¹⁾.

На происходившем 12 января 1918 года собрании низших служащих общей и мировой юстиции Харькова была принята следующая резолюция: «Обсудив заявление представителя местной революционной власти о реформе судебных установлений и принимая во внимание, что реформа суда назрела с первых дней Великой революции, что эта реформа не получила тогда осуществления в силу известных обстоятельств, что в настоящее время в связи с осуществлением реформы суда открыта эра к новому строительству суда и преобразованию его путем проведения широких демократических начал в суд народный, строго защищающий как правосудие, так и интересы трудового народа, мы, низшие служащие, как общей, так и мировой юстиции города Харькова, от курьеров до секретарей включительно, заявляем, что мы, оставаясь на своих прежних постах, добросовестно приложим все свои старания, а также отдадим все свои силы, знания и опыт для продуктивной работы в означенном направлении на пользу трудящемуся люду»²⁾.

13 января 1918 года был закрыт Харьковский окружной суд³⁾.

15 января 1918 года Комиссар юстиции Харьковского Совета рабочих, солдатских и крестьянских депутатов прибыл в городской мировой съезд и предъявил судьям требование прекратить занятия как в съезде, так и во всех мировых участках. Сроком исполнения было назначено 16 января. В указанное время состоялось собрание всех городских мировых судей, которые постановили: «Занятия как в съезде, так и во всех мировых участках, прервать»⁴⁾.

В циркуляре от 17 января 1918 года Народный Секретарь по судебным делам, сообщая о том, что в Харькове ликвидированы все старые судебные установления и открываются новые

1) Газета «Жизнь России» № 24 от 14 января 1918 года.

2) Газета «Наш Юг» № 6 от 18 января 1918 года.

3) Газета «Жизнь России» № 24 от 14 января 1918 года.

4) Газета «Жизнь России» № 26 от 17 января 1918 года.

революционные суды, категорически требовал от всех местных Советов Украины «немедленно приступить к упразднению всех старых судебных учреждений, действующих до настоящего времени...», и к организации участковых, уездных и городских народных судов, а также революционных трибуналов ¹⁾.

Требования Народного Секретаря по судебным делам выполнялись местными Советами немедленно по установлению Советской власти в освобожденных районах и городах Украины. Так, во второй половине января 1918 года были упразднены окружной суд, съезд мировых судей и мировые суды - Полтавы ²⁾; с 17 февраля 1918 года прекратили деятельность судебные установления, институты прокурорского надзора и присяжных поверенных Екатеринослава ³⁾; 19 февраля прекратили свою деятельность Киевская судебная палата, Киевский окружной суд, Киевский военно-окружной суд и мировые суды ⁴⁾.

Сообщения о ликвидации старых и организации новых судов непрерывно поступали и из других мест.

В рассматриваемый период в УССР, как и в РСФСР, учреждались две ветви судебных органов: 1) революционные трибуналы — для рассмотрения дел о преступлениях особо опасных для пролетарской революции и 2) народные суды — для рассмотрения всех остальных дел.

3. Организация и деятельность народных судов по первым декретам Советской власти. Вместо упраздненной сложной судебной системы со множеством всякого рода судебных установлений, постановлением Секретариата Украинской Народной Республики (правительство УССР) от 4 января 1918 года были образованы следующие виды местных народных судов: 1) участковые, 2) уездные и 3) городские (ст. 5). Участковые местные народные суды учреждались из расчета: один суд на 10.000 населения (ст. 6). Уездные народные суды учреждались по одному в каждом уезде; городские народные суды — по одному в каждом городе, выделенном, как говорилось в постановлении, из уезда (ст. 7).

Все местные народные суды являлись коллегиальными (ст. 5). В состав народного суда, как участкового, так и уездного и городского, входили десять судей, из них два постоянных и восемь очередных (ст. 7). Разбирательство дел во всех судах происходило в составе постоянного судьи и четырех очередных судей (заседателей).

1) ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-16, л-30.

2) «Вестник Советской Юстиции», № 1927 г., №№ 21—22 (103—104), стр. 704.

3) Газета «Голос Солдата» № 27 от 17 февраля 1918 года.

4) Газета «Вестник Украинской Народной Республики» № 25 от 19 февраля 1918 года.

Система судебных органов УССР, установленная постановлением от 4 января 1918 года, отличалась в известной мере от системы судебных органов РСФСР, учрежденных декретом «О суде» № 1.

Как известно, согласно декрету «О суде» № 1 был учрежден местный суд, действовавший в составе постоянного судьи и двух очередных заседателей. Компетенция местного суда была ограничена и он рассматривал лишь дела о тех преступлениях, за которые могло быть назначено наказание не свыше 2-х лет лишения свободы, гражданские иски на сумму не свыше 3.000 рублей. Это вызывало необходимость создания наряду с местным судом—также и других судов.

Декретом «О суде» № 2 от 7 марта 1918 года были учреждены окружные народные суды для рассмотрения дел, превышающих компетенцию местных судов. Окружные народные суды организационно не были связаны с местными судами и являлись отдельной ветвью судебной системы.

Дальнейшее судебное строительство в РСФСР показало нежизненность окружных судов и «Положение о народном суде РСФСР» от 30 ноября 1918 года взамен окружных и местных судов создало единый народный суд, которому были подсудны все уголовные и гражданские дела, за исключением дел, подсудных революционным трибуналам.

В УССР упразднение уездных и городских народных судов, созданных постановлением от 4 января 1918 г, и превращение участкового народного суда в единый народный суд было осуществлено «Временным положением о народных судах и революционных трибуналах УССР» от 14 февраля 1919 года¹⁾.

Постановление правительства УССР от 4 января 1918 года, как и декрет «О суде» № 1, устанавливало, что в рассмотрении всех дел принимают участие народные заседатели по спискам, утверждаемым местными Советами.

Таким образом, уже первый декрет о суде правительства Советской Украины предусматривал привлечение широких трудящихся масс к непосредственному отправлению правосудия.

В. И. Ленин придавал этому большое значение. «Нам надо судить самим, — говорил он на VII съезде партии. — Граждане должны участвовать поголовно в суде и в управлении страны. И для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся. Это — гигантски трудная задача. Но социализма не могут ввести меньшинство — партия. Его могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами»²⁾.

1) СУ УССР, 1919 г., № 11, стр. 141.

2) В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 111.

В ст. 16 постановления от 4 января 1918 года указано: «Все решения постановляются именем народа Украины большинством голосов членов суда». В отличие от присяжных заседателей в буржуазном суде, народные заседатели в советском суде являются активными участниками судебного процесса: они совместно с постоянным судьей решают как вопрос о виновности или невиновности подсудимого, так и все другие вопросы, возникающие при рассмотрении дела. Равенство прав народных заседателей и постоянных судей является одним из незыблемых принципов организации и деятельности советского суда.

Постановлением от 4 января 1918 года был закреплён важнейший принцип социалистического демократизма, положенный в основу организации и деятельности нового рабоче-крестьянского суда — выборность судей. Но провести в жизнь прямые выборы постоянных судей в обстановке того времени не представлялось возможным. Поэтому постановление от 4 января 1918 года, как и декрет «О суде» № 1, предусматривало, что «времененно до организации всеобщих выборов постоянные судьи избираются Советами на общих собраниях» (ст. 10).

Каждый гражданин, достигший 18-летнего возраста и не лишенный политических прав, мог быть избран постоянным народным судьей или народным заседателем. Организация таких выборов поручалась волостным, уездным и городским Советам рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. В волостях, где не имелось волостных советов крестьянских депутатов, выборы постоянных судей должны были быть произведены на сходах. Списки народных заседателей, привлекаемых к участию в работе местных судов, составлялись советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. На фронте организация местных судов, выборы постоянных судей, а равно и составление списков народных заседателей возлагались на полковые и корпусные советы солдатских депутатов, а при отсутствии таковых — на полковые и корпусные комитеты (ст. 11).

Принцип выборности судей является важнейшим демократическим принципом советского суда. Он был включен еще в 1903 году в программу-минимум Российской социал-демократической партии.

В программе Коммунистической партии, принятой в марте 1919 года на VIII съезде РКП(б), в разделе о суде записано:

«Взяв всю власть в свои руки и упразднив без остатка органы буржуазного господства — суды прежнего устройства, — пролетарская демократия вместо формулы буржуазной демократии» «выборность судей народом» выдвинула классовый лозунг «выборность судей из трудящихся только трудящимися» и провела его во всей организации суда, уравнивая, вместе с тем,

оба пола во всех правах как при выборе судей, так и в отправлении обязанностей судей». И далее в программе говорится: «Для привлечения к отправлению правосудия самих широких масс пролетариата и беднейшего крестьянства введено участие в суде постоянно сменяемых временных судей-заседателей, с привлечением к составлению списков массовых рабочих организаций, профессиональных союзов и т. п.»¹⁾

Принцип выборности судей закреплен и в главе IX действующей Конституции СССР и в законе о Судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 года.

Но принцип выборности судей предполагает и сменяемость судей. В «Проекте декрета о праве отзыва» В. И. Ленин писал: «Какое бы то ни было выборное учреждение или собрание представителей может считаться истинно демократическим и действительно представляющим волю народа только при условии признания и применения права отзыва избирателями своих выборных»²⁾.

Это право отзыва как выражение подлинной демократии было распространено и на советский суд, являющийся также выборным учреждением. Статья 9-я постановления от 4 января 1918 года указывает: «Советам предоставляется в любое время лишать судей полномочий и назначать новые выборы».

Ни одна буржуазная судебная система не знала и не знает института отзыва судей. Буржуазная «доктрина» выдвигает противоположный принцип «несменяемости» судей, выдавая его за истинно демократический, который должен, якобы, служить прочной гарантией независимости судей.

В. И. Ленин, как в свое время Маркс и Энгельс, разоблачил этот лицемерный буржуазный принцип. «Несменяемость... судей,— пишет В. И. Ленин,— с которой так носятся либеральные буржуа вообще и наши русские в частности, есть лишь раздел привилегий средневековья между Пуришкевичами и Милюковыми, между крепостниками и буржуазией»³⁾.

Мы знаем действительную цену этой несменяемости. Несменяемость судей в буржуазных государствах—фикция и имеет только декоративный характер. Во все времена господства эксплуататорских классов судьи подбирались в соответствии с интересами господствующего класса. Конституция США, например, устанавливает: «Судьи будут сохранять свои должности, пока они ведут себя безупречно». Нет сомнения, что этой научковой формулой всегда можно воспользоваться, чтобы отозвать любого судью, неугодного правящему классу.

1) Программа и устав ВКП(б), Госполитиздат, 1938 г., стр. 20—21.

2) В. И. Ленин, Соч., т. 26, стр. 301.

3) В. И. Ленин, Соч., т. 18 стр. 279.

Вопрос о подсудности дел участковым, уездным и городским судам в постановлении от 4 января 1918 г. разрешался следующим образом: «Все без исключения судебные дела поступают в участковые народные суды, но местный участковый народный суд решает лишь те дела, по которым найдет возможным определить наказание не свыше одного года тюрьмы и 5.000 рублей штрафа или присудить в пользу потерпевшей стороны имущество стоимостью не свыше 5.000 рублей. В тех же случаях, когда мера наказания определяется судом выше одного года тюрьмы или 5.000 рублей штрафа или ценность спорного имущества выше 5.000 рублей, суд участковый передает такое дело на разрешение суда уездного или городского» (ст. 12). В уездных и городских судах постоянными судьями и народными заседателями, как правило, были рабочие — люди, прошедшие школу революционной борьбы, люди с большим кругозором и жизненным опытом, а поэтому они лучше могли разрешать более сложные дела, которые могли бы оказаться не под силу суду участковому.

В дополнение к ст. 12 Постановления от 4 января 1918 года, 20 января 1918 года Народным Секретарством по судебным делам было издано постановление, в силу которого все дела, по вопросам найма жилых помещений, как имевшиеся в делопроизводстве старых судебных установлений, так и возникшие вновь, должны были быть переданы на разрешение в жилищные комитеты, образованные Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов. Кроме того, в указанном постановлении было указано, что все дела о земельных спорах должны быть направлены для разрешения в крестьянские земельные комитеты, дела же, связанные с наймом на работу — направлять для разрешения «в соответствующие учреждения (больничные кассы, страховые присутствия и местные производственные камеры)¹⁾».

Предварительное расследование по уголовным делам производилось согласно постановлению, как и по декрету «О суде» № 1, единолично постоянным народным судьей, причем приказы о задержании, о приводе и взятии под стражу должны были быть подтверждены в течение 12 часов постановлением всего народного суда (ст. 14).

Как известно, первоначальный проект декрета о суде № 1 РСФСР полностью отказывался от использования старых материальных и процессуальных законов. Советские суды, согласно проекту, должны были руководствоваться в своих решениях и приговорах «не писанными законами свергнутых прави-

¹⁾ ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-16, л-41.

тельств», а декретами Совета Народных Комиссаров и ВЦИК¹⁾.

По указанию В. И. Ленина была принята другая формула, которая вошла в декрет «О суде» № 1 в виде статьи 5 и примечания к ней²⁾.

Статья 5 в ленинской редакции указывала: «Местные суды решают дела именем Российской Республики и руководятся в своих решениях и приговорах законами свергнутых правительств лишь постольку, поскольку таковые не отменены революцией и не противоречат революционной совести и революционному правосознанию». Отмененными же признавались, как это разъясняет примечание к статье пятой, все законы, противоречащие декретам ЦИК Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Рабочего и Крестьянского Правительства, а также законы, противоречащие программе-минимум РСДРП³⁾.

Постановление Украинского Советского правительства от 4 января 1918 года заимствовало формулу статьи 5 декрета РСФСР «О суде» № 1. Так, в ст. 23 Постановления указано, что «в своих решениях народные судьи руководствуются революционной совестью и законами прежних правительств, кроме законов отмененных». Отмененными же предлагалось считать все законы, противоречащие постановлениям Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, Центрального Исполнительного Комитета Советов Украины, Совета Народных Комиссаров РСФСР, Народного Секретариата Украины, а равно законы, противоречащие программе РСДРП.

Таким образом, советские суды на Украине, как и в РСФСР, руководствовались законами Советской власти и своей революционной совестью, и лишь в отдельных случаях оставшимися не отмененными старыми законами. К этим старым законам, которые могли применять советские судьи, относились лишь некоторые процессуальные нормы, определявшие те детали производства дел, которые не были определены первыми декретами о суде. Да и эти законы, относившиеся к порядку разбираемости уголовных и гражданских дел, проходили в каждом случае их применения, через призму революционного правосознания судей.

В ст. 18 Постановления от 4 января 1918 года указано:

1) «Материалы НКЮ РСФСР», вып. 2-й, стр. 103.

2) «Нам удалось из материалов к протоколам Совнаркома, а также из записок П. И. Стучки, хранящихся в ИМЭЛ, установить, что статья 5 декрета № 1 о суде и примечание к ней были написаны в такой редакции по указанию Ленина...» (Мишунин П.). «Из истории первого декрета о суде», «Вопросы истории», 1949 г., № 4, стр. 17.

3) С. У. РСФСР 1917 г., № 4, стр. 50.

«Все граждане старше 18 лет могут быть обвинителями и защитниками в суде и на предварительном следствии». Допущение участия трудящихся в суде в роли обвинителей и защитников вызывалось стремлением Советской власти создать обвинение и защиту, построенные на широких демократических началах. Выступали в роли обвинителей и защитников как граждане из числа присутствующих в заседании суда, так и лица, пришедшие с прямой целью выполнить свой гражданский долг, путем поддержания обвинения или защиты преданных суду лиц.

Постановление от 4 января 1918 года установило отправленные правосудия «...в демократических формах сообразно с принципами Советской власти...»¹⁾.

Среди этих форм первое место занимает гласность процесса. В ст. 17 постановления указывается, что «все заседания судов открытые».

Советский суд с первых дней своего существования выполнял и выполняет, как указывал В. И. Ленин, двуединую задачу: подавление эксплуататорских классов, пытающихся восстановить свое господство, и воспитание в населении трудовой дисциплины.

Воспитательная роль суда шире всего осуществляется посредством гласности процесса. Значение принципа гласности двойное: 1) им оказывается воспитательное воздействие на широкие слои населения и 2) гласность судебного рассмотрения ставит работу суда под контроль широких кругов населения, что является лучшей гарантией правосудия и устранения бюрократизма в суде.

В. И. Ленин клеймил царский суд «за закрытыми дверями», «суд чиновников с безгласными сословными представителями, закрытые двери суда, немое молчание печати, подтасованные свидетели: заводское начальство, заводские сторожа, полицейские, бывшие народ, солдаты, стрелявшие в рабочих. Какая гнусная комедия!»²⁾.

В. И. Ленин придавал большое значение принципу гласности в советском суде. Он указывал, что гласность усиливает воспитательное значение приговора. В записке Д. И. Курскому по поводу волокиты с изготовлением плугов Фаулера В. И. Ленин указывал: «Надо не бояться суда (суд у нас пролетарский) и гласности, а тащить волокиту на суд гласности: только так мы эту болезнь всерьез вылечим»³⁾.

В другом письме В. И. Ленин писал: «...с точки зрения принципа необходимо такие дела не оставлять в пределах бюрократизма».

1) В. И. Ленин. Соч., том 27, стр. 191.

2) В. И. Ленин. Соч., т. 5 стр. 227—228.

3) В. И. Ленин. Соч., т. XXIX, стр. 414.

тических учреждений, а выносить на публичный суд, не столько ради строгого наказания (может быть достаточно будет выговора), но ради публичной огласки и разрушения всеобщего убеждения в ненаказуемости виновных»¹⁾).

Следуя ленинским указаниям, постановление Народного Секретариата УССР от 4 января 1918 года провозгласило, что судебные заседания являются открытыми, причем граждане, присутствовавшие в судебном заседании, могли принимать участие в обсуждении каждого дела под руководством председателя—постоянного судьи.

Иначе, чем декрет «О суде» № 1, решало постановление от 4 января 1918 года вопрос о пересмотре судебных решений.

Декрет «О суде» № 1, как известно, упразднил пересмотр дел в апелляционном порядке и допустил возможность обжалования приговоров и решений местного суда в съезд местных судей в кассационном порядке, если приговором местного суда было назначено наказание в виде денежного взыскания свыше 100 рублей или в виде лишения свободы свыше 7 дней. Постановление от 4 января 1918 года пошло по иному пути: оно не допускало пересмотра приговоров и решений ни в апелляционном, ни в кассационном порядке, установив, что «решения народных судов окончательны и подлежат немедленному исполнению». Поэтому постановлением от 4 января 1918 года не были созданы суды второй инстанции.

То, что постановление от 4 января 1918 года не допускало обжалования судебных решений, являлось его недостатком, который вскоре был подвергнут критике со стороны местных судей. Первый же съезд местных народных судей, состоявшийся в Харькове в феврале 1918 года, высказался за введение обжалования и пересмотра приговоров²⁾. Но введение на Украине института кассационного пересмотра судебных решений произошло уже в 1919 году после изгнания немецких захватчиков.

В отличие от декрета РСФСР «О суде» № 1, постановление Народного Секретариата УССР от 4 января 1918 года в статье 13-й предусматривало пересмотр дел по вновь открывшимся обстоятельствам: «Дело может быть пересмотрено тем же судом по обнаружении новых и существенных для дела обстоятельств». В развитие этого положения Народным Секретарем по судебным делам даны следующие указания: «В случае открытия новых обстоятельств просьба о пересмотре решений, в месячный со дня объявления решения срок, подается в тот же суд, который решение постановил». Суд, получивший просьбу о

1) В. И. Ленин. Соч., т. XXIX, стр. 412.

2) Газета «Известия Юга» № 2 от 15 февраля 1918 г.

пересмотре дела, решает вопрос, подлежит ли удовлетворению данная просьба. «В случае удовлетворения в просьбе, дело пересматривается тем же судом»¹⁾). Принятое судом по делу новое решение отменяло собой ранее вынесенное, либо оставляло его в силе.

Постановление от 4 января 1918 года, как и декрет «О суде» № 1, предусматривало учреждение третейских судов. «Для разрешения всех спорных дел, — указано в ст. 24 Постановления, — возможно обращение к суду третейскому. Решения третейских судов, образованных путем соглашения спорящих сторон, имеют силу решений участковых народных судов и приводятся в исполнение по постановлению участковых судов, которые обязаны только установить, что стороны свободно согласились на суд третейский». Однако, как в РСФСР, так и УССР, эта форма правосудия не нашла сколько-нибудь широкого применения.

Особо следует отметить, что постановление от 4 января 1918 года впервые в истории советского законодательства предусматривало условное осуждение и условно-досрочное освобождение от наказания. В РСФСР эти институты были установлены позднейшими законодательными актами²⁾.

4. Организация и деятельность революционных трибуналов по первым декретам Советской власти. Кроме местных народных судов, постановлением Народного Секретариата Украинской Народной Республики от 4 января 1918 года, как и декретом «О суде» № 1, созданы были революционные трибуналы, являвшиеся карательным органом диктатуры пролетариата и осуществлявшие функции подавления сопротивления врагов Советской власти.

В ст. 26 постановления от 4 января 1918 года сказано: «В целях беспощадного подавления мародерства и всех видов злоупотребления промышленников и торговцев, а равно для борьбы с саботажем чиновников и прочих служащих всех учреждений — вообще для решительной борьбы с врагами революции, создаются немедленно Рабочие и Крестьянские Революционные трибуналы. Уездные и Городские по образцу народных Городских и Уездных Судов».

Согласно ст. ст. 27 и 28 постановления создание революционных трибуналов поручалось городским и уездным Советам; избрание постоянных судей в революционные трибуналы должно было быть произведено на общих собраниях уездных и городских Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

¹⁾ Газета «Известия Юга» № 8 от 8 марта 1918 г.

²⁾ см. СУ РСФСР, 1918 г., № 85, ст. 890; СУ РСФСР, 1919 г., № 66, ст. 590.

Состав революционных трибуналов и порядок их деятельности постановлением от 4 января 1918 года определен не был. Поэтому за подписью Народного секретаря по судебным делам Украинской Народной Республики было издано «Положение о революционных трибуналах» от 23 января 1918 года, являвшееся дополнением к постановлению от 4 января 1918 года¹⁾.

Согласно положению от 23 января 1918 года уездные и городские революционные трибуналы избирались Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов в составе постоянного председателя, двух его заместителей и двенадцати членов. Срок полномочий всех судей был установлен в 3 месяца, но Советам предоставлялось право в любое время лишать судей революционного трибунала полномочий и назначать новые выборы. Рассмотрение дел в трибунале происходило в составе постоянного судьи—председателя трибунала или одного из двух его заместителей и четырех членов трибунала, избранных по жребию из числа двенадцати. Таким образом, «Положение о революционных трибуналах» от 23 января 1918 года также, как и «Положение о революционном трибунале», принятое Харьковским Советом рабочих и солдатских депутатов в заседании 13 января 1918 года, в отличие от декрета «О суде» № 1, не знало участия народных заседателей в революционных трибуналах.

Выше указывалось, что предварительное расследование по делам, подсудным местным народным судам, производилось постоянными судьями единолично. По делам же, подсудным революционным трибуналам, предварительное расследование положением о революционных трибуналах, как и декретом «О суде» № 1, возлагалось на специально образуемую при революционном трибунале следственную комиссию.

Все решения революционных трибуналов выносились именем народа Украины большинством голосов членов трибунала (ст. 7).

«Революционные трибуналы, — указано в ст. 9 Положения. — постановляют решения по своему усмотрению...». В своих решениях революционные трибуналы, как и народные суды, должны были руководствоваться «революционной совестью и законами прежних правительств, кроме законов отмененных».

Наказания определялись по усмотрению суда, но «наказания телесные, носящие характер публичного позора, и смертная казнь» не допускались. Наказание в виде лишения свободы могло быть назначено трибуналом, так же как и местным судом, на срок не более пяти лет (ст. 9).

¹⁾ См. приложение к статье А. Л. Ривлина в журнале «Советское государство и право», 1949 г., № 11, стр. 64.

В период ожесточенной борьбы с классовыми врагами, борьбы за установление и укрепление диктатуры пролетариата, революционный суд должен был быть судом скорым. Всякая проволочка в смертельной схватке с врагами революции являлась недопустимой. Поэтому Положением о революционных трибуналах было установлено, что все решения революционных трибуналов, выносимые именем народа Украины, являлись окончательными и подлежали немедленному исполнению (ст. 8). Если же после вступления решения трибунала в силу выяснились новые существенные для дела обстоятельства, то дело могло быть пересмотрено тем же трибуналом (ст. 10).

Положением о революционных трибуналах обвиняемому предоставлялось широкое право на защиту ¹⁾.

Революционные трибуналы были организованы в Харькове, Полтаве, Екатеринославе (Днепропетровске), Одессе, Изюме и в ряде других городов и уездов Украины.

С большой радостью и воодушевлением встретили широкие трудящиеся массы Украины организацию революционных трибуналов. Открытие трибуналов происходило в торжественной обстановке. Особенно торжественно было обставлено открытие Харьковского революционного трибунала. Здание, в котором поместился революционный трибунал, было украшено красными флагами. Открывая первое заседание революционного трибунала, перед публикой с речами о задачах революционного суда выступили председатель революционного трибунала и Народный секретарь по судебным делам ²⁾.

Желающих присутствовать при рассмотрении дел новыми советскими судами было так много, что залы суда не могли всех вместить. Приходилось даже пускать в здание суда по билетам, распространяемым на фабриках, заводах, по полковым, сотенным и другим комитетам и союзам трудящихся масс ³⁾.

В газетах регулярно печатались списки дел, назначенных к слушанию в народных судах и революционных трибуналах, а также печатались отчеты о заседаниях суда.

Надлежит, однако, отметить, что деятельность революционных трибуналов на первых порах в ряде случаев была еще далека от беспощадной борьбы с контрреволюционерами, спекулянтами и другими врагами народа и в этот период трибуналы выносили иногда необоснованно мягкие приговоры. Здесь сказались великодушные победившего в революции пролетариата. Это может быть иллюстрировано рядом примеров.

¹⁾ В. И. Ленин, Соч., том 27, стр. 191.
Гродзинского.

²⁾ Газета «Вісник УНР», № 19 от 24 января 1918 года.

³⁾ Газета «Вісник УНР», № 16 от 21 января 1918 года.

Так, 10 января 1918 года Одесский военно-морской революционный трибунал, рассматривая дело Сливинского, обвиняемого в способствовании побегу Рыбинского, осужденного революционным судом, признал Сливинского виновным и приговорил его к штрафу в сумме одной тысячи рублей с высылкой из города Одессы ¹⁾.

13 января 1918 года этот же трибунал рассматривал дело Куприянова, обвиняемого в том, что он проиграл в карты 4.500 рублей государственных денег. Признав Куприянова виновным, суд вынес приговор, которым обязал Куприянова не выезжать из Одессы и в течение шестимесячного срока погасить растраченную им сумму. ²⁾

Харьковский революционный трибунал по первому рассмотренному им делу о членах Харьковской губернской земельной управы, обвиняемых в том, что они не выполняли декретов Советского правительства и давали указания волостным комитетам выполнять предписания Генерального секретариата, ограничился вынесением общественного порицания. К такому же наказанию был приговорен редактор газеты «Нова Громада», которую сам революционный трибунал признал газетой, ставшей центром контрреволюционной деятельности и шпионским гнездом ³⁾.

Изюмский революционный трибунал, рассматривая дело группы лиц, случайно пробравшихся на руководящую работу в уездный Исполнительный комитет, обвиняемых, как гласит обвинительное постановление следственной комиссии: «1) в заговоре (контрреволюционном), направленном к ниспровержению существующей Советской власти; 2) в вооруженных грабежах; 3) в расхищении советских сумм», счел возможным амнистировать подсудимых ⁴⁾.

Недопустимость такого мягкого отношения к врагам революции отмечал В. И. Ленин. Замечания В. И. Ленина, что «...наши революционные и народные суды непомерно, невероятно слабы»⁵⁾, относящиеся к первому периоду социалистической революции, полностью могут быть отнесены и к деятельности революционных трибуналов в 1918 году на Украине.

1) Газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей административных органов и флота», № 225 от 11 января 1918 года.

2) Газета «Известия Одесского Совета рабочих депутатов и представителей армии и флота», № 228 от 14 января 1918 года.

3) Газета «Вісник УНР», № 19 от 24 января 1918 года.

4) ЦГАОР УССР, ф-1775, о-1, д-16.

5) В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 236.

В ходе революции были исправлены ошибки, допущенные карательными органами диктатуры пролетариата. В дальнейшем, после изгнания немецких захватчиков, революционные трибуналы Украины перестроили свою работу. От «общественных порицаний» и «общественных работ» революционные трибуналы перешли к беспощадной борьбе с контрреволюционерами, спекулянтами и другими врагами Советской власти,

В. Е. КОНОВАЛОВА.
Кандидат юридических наук

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ КРИМИНАЛИСТИКИ (1917—1920 гг.)

Возникновение и создание научных приемов и методов следствия в СССР в период 1917—1920 гг. почти не исследовано в советской криминалистике. Авторы учебников криминалистики для вузов, изданных в 1935 и 1938 гг., историю советской криминалистики рассматривают как историю криминалистических учреждений и выхода в свет отдельных работ. В учебниках криминалистики для юридических школ, изданных в 1940, 1945, 1949, 1950 гг., авторы проф. А. И. Винберг и доц. Б. Шавер приводят лишь краткие сведения по истории криминалистических учреждений.

В учебнике криминалистики для вузов, изданном в 1950 г. (том I) вопросы истории советской криминалистики излагаются несколько шире, в частности, отмечается, что советская криминалистика возникла вместе с возникновением советского следственного аппарата. Однако и в этом учебнике история советской криминалистики освещается недостаточно.

Что касается прочих работ по криминалистике, то следует отметить, что и они очень слабо освещают вопросы истории криминалистики, ограничиваясь часто изложением нормативных актов, относящихся к истории создания криминалистических экспертных учреждений да и то лишь начиная с 1922 года. На функционирование экспертных учреждений 1917—1920 гг. указывает в своей работе доц. С. И. Тихенко, не называя, однако, форм их деятельности и характера производимых исследований.¹⁾

¹⁾ С. И. Тихенко, «Развитие советской криминалистики на Украине»; сб. «Криминалистика и научно-судебная экспертиза», Киев, 1948 г., стр. 11—12.

Имеющиеся в литературе указания, что внедрение в следственную практику криминалистических приемов и методов имело место лишь с 1922—1923 гг. (учебники криминалистики для вузов, изданные в 1935, 1938 гг.—автор разделов Е. У. Зицер), опровергаются архивными материалами.

В связи с таким состоянием литературы вопроса в настоящей статье делается попытка шире и, может быть, правильной осветить некоторые вопросы истории возникновения советской криминалистики.

Результаты изучения нормативных актов и отдельных немногочисленных, к сожалению, дел следственной практики РСФСР и УССР периода 1917—1920 гг. свидетельствуют о наличии уже в этом периоде сети экспертных учреждений, а также о том, что органы милиции, ВЧК и органы предварительного следствия широко использовали в своей деятельности научные приемы и методы расследования преступлений, внося в эту работу то новое, что постепенно **формировало** систему советской криминалистики.

Для понимания характера деятельности органов следствия и возможностей развития научных приемов и методов криминалистики, необходимо иметь в виду обстановку рассматриваемого периода. Обстановка интервенции и гражданской войны, периодическое разрушение советского государственного аппарата на временно захваченных силами контрреволюции территориях, отсутствие кадров советских юристов (чиновники старого аппарата юстиции, как правило, находились в лагере контрреволюции), разруха и огромные материальные трудности—все это не создавало благоприятных условий для выработки и внедрения научных приемов и методов криминалистики и для создания специальных экспертных учреждений.

Несмотря на это, руководящие советские органы, стремясь укрепить социалистическую законность, а также обеспечить успешность борьбы с контрреволюционными и иными преступлениями и охрану неприкосновенности личных и имущественных прав граждан, принимают все возможные меры к тому, чтобы широко внедрять применение научных приемов и методов расследования преступлений.

Эта забота Коммунистической партии и Советского правительства получила свое выражение в многочисленных нормативных актах, значение которых для дела развития криминалистики до сих пор недостаточно оценено, а некоторые из них, как, например, «Инструкция для народных следователей», изданная НКЮ УССР в 1919 году в гор. Житомире, еще вовсе не введены в научный оборот.

Забота о внедрении научных приемов и методов расследования в рассматриваемом нами периоде получила свое выраже-

ние в ряде нормативных актов, из которых особое значение имеют следующие: «Инструкция для народных следователей»;¹⁾ «Положение о военных следователях»;²⁾ «Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий»;³⁾ а также циркуляры и инструкции Главного Управления рабоче-крестьянской милиции об организации дактилоскопической регистрации преступников; ⁴⁾ об организации розыска преступников; ⁵⁾ о производстве расследования преступлений — «Общая инструкция милиционерам Советской рабоче-крестьянской милиции». ⁶⁾

Уже одно обилие нормативных актов, в которых содержатся вопросы криминалистики, делает невероятным приведенное выше утверждение, что внедрение в следственную практику криминалистических приемов и методов имело место только с 1922 года. Но это утверждение полностью теряет всякую почву в свете того обстоятельства, что в изучаемое здесь время, как это видно из имеющихся в архиве следственных дел, были уже созданы и функционировали криминалистические экспертные учреждения, а именно: кабинет экспертизы при Центроуразаиске Главного Управления рабоче-крестьянской милиции, Киевский кабинет научно-судебной экспертизы, Одесский кабинет научно-судебной экспертизы и Харьковский институт судебной медицины, входивший в состав университета.

Рассмотрим теперь какие научные приемы и методы расследования преступлений внедрялись упомянутыми ранее нормативными актами. Технические и тактические приемы расследования преступлений были сформулированы уже в «Инструкции для народных следователей», изданной НКЮ УССР в 1919 г. (Житомир) и явившейся первой в советском праве попыткой систематизировать приемы и методы следствия. Инструкция представляет интерес как документ, освещающий некоторые вопросы производства расследования, вопросы криминалистической тактики и техники, вопросы экспертного исследования ве-

1) «Инструкция для народных следователей» НКЮ УССР, Житомир, 1919 г.

2) «Положение о военных следователях», М., 1919 г. см. История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры, М., 1955 г.

3) «Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий», НКЮ РСФСР, М., 1920 г.

4) Циркуляр Главного Управления милиции от 30 октября 1918 года ЦГАОР УССР, фонд 6, опись 1, дело № 65, стр. 57—58.

5) «Инструкция по уголовному розыску» от апреля 1919 года, ЦГАОР фонд 6, опись 1, дело № 69, стр. 71—72.

6) «Общая инструкция милиционерам Советской Рабоче-крестьянской милиции» (Петроград, 1919 г.).

вещественных доказательств. В этой инструкции, как и в инструкциях, изданных в более поздний период, («Положение о военных следователях», «Инструкция народным следователям по производству предварительных следствий»), сформулировано требование объективности расследования. Так, в параграфе 11 Инструкции указывается, что народный следователь «обязан с одинаковым беспристрастием устанавливать, как обстоятельства, уличающие обвиняемого, так и говорящие в его пользу». ¹⁾ Перечисленные выше инструкции и Положение значительное место уделяют изложению правил производства осмотра места происшествия. В «Положении о военных следователях» очень подробно излагается методика осмотра места происшествия. Так, пункт 27 указывает, что «осмотры и освидетельствования производятся в присутствии понятых или с участием сведущих людей. При производстве осмотров и освидетельствований военный следователь обращает внимание не только на явные признаки преступления, но также на окружающую местность и предметы. В случае надобности он делает надлежащие измерения, а, если возможно, то и чертежи и фотографические снимки осмотренных мест и предметов.» ²⁾ «Инструкция народным следователям» НКЮ РСФСР (1920 г.) также содержит правила составления протоколов осмотров места происшествия и рекомендацию составлять (вычерчивать) план места происшествия в каждом случае. Особо подчеркивая необходимость составления протокола осмотра места происшествия, Инструкция указывает на необходимость описания ближайших дорог, их направления, «снятия мерки» со следов и т. д.

Названные нормативные акты подробно излагают также порядок производства отдельных следственных действий, как-то: обысков, выемок, допросов, производимых неизменно со строгим соблюдением требований, вытекающих из демократических принципов советского судебного процесса. В инструкциях широко освещены вопросы экспертного исследования вещественных доказательств. Так, параграфы 106 и 107 «Инструкции для народных следователей» 1919 г. отмечают, что специалисты, производя исследование, излагают свое мнение письменно в виде заключения; если заключение специалиста вызывает у следователя сомнение, то он приглашает других специалистов или же направляет предметы с мотивированным постановлением в контрольно-следственный подотдел юридического отдела для их дальнейшего направления в надлежащее учреждение судебной экспертизы.)

¹⁾ «Инструкция для народных следователей», Житомир, 1919 г.

²⁾ История законодательства СССР и РСФСР по уголовному процессу и организации суда и прокуратуры М., 1955 г., стр. 104.

В «Положении о военных следователях» уже встречается термин «сведущие лица» и определяется некоторый круг их обязанностей. Так, пункт 32 указывает, что сведущие лица приглашаются в тех случаях, когда для точного выяснения встречающегося в деле обстоятельства необходимы специальные сведения или опытность в науке, искусстве, ремесле или каком-либо занятии. Здесь же содержится правило об осмотре следователем предметов, подлежащих исследованию. Предметы, подлежащие исследованию через сведущих лиц, военный следователь предварительно осматривает и составляет протокол о видимых признаках преступления, если таковые окажутся, а равно и о всех переменах, происшедших в положении осматриваемых предметов. Военный следователь, согласно Положения, обязан предложить сведущим лицам, словесно или письменно вопросы, подлежащие их разрешению. Однако сведущие лица не должны упускать из виду и таких признаков, на которые военный следователь не обратил внимание, но исследование которых может привести к открытию истины. Приведенное положение по существу представляет собой первое указание эксперту о границах его исследования. В Положении уже имеются указания об опознании лиц и предметов, которое именуется «Удостоверением в тождестве».

Названные инструкции подробно излагают правила обращения с вещественными доказательствами, правила их обнаружения, фиксации, подготовки для направления на экспертное исследование. Особенно четко и подробно такие правила изложены в «Положении о военных следователях». Так, в пункте 56 отмечается, что если вещественные доказательства не могут быть отделены от места, где они найдены, например: кровь на стенах здания, деревьях и т. п., но их необходимо сохранить для осмотра сведущих лиц, то следователь обязан принять меры к ограждению следов преступления от всякого изменения или истребления, опечатав, если возможно, место или предмет, на котором остались эти следы, и поручив опечатанное надзору милиции или же приставив стражу. Предметы подлежащие химическому или микроскопическому исследованию должны быть взяты только в необходимом для исследования количестве и упакованы так, чтобы не могли утратиться в дороге, воспринять посторонней примеси или образовать химические соединения с посудой соединений.

«Положение о военных следователях» по сравнению с «Инструкцией для народных следователей», изданной НКЮ СССР в 1919 году, представляет собою значительный шаг вперед, как по точности формулировок отдельных статей, так и по детальности изложения правил производства всех следственных действий.

вий.) Роль Положения в деле производства предварительного расследования огромна. Некоторые правила, изложенные в нем, особенно относящиеся к разделу о вещественных доказательствах, не потеряли своего значения до настоящего времени. Названное Положение занимает одно из главных мест в истории создания криминалистической тактики.

Особый интерес для истории криминалистики представляет впервые предпринятая попытка изложения частной методики в «Инструкции народным следователям по производству предварительных следствий» (НКЮ РСФСР, 1920 г.)¹ Особенная часть Инструкции посвящена изложению общих положений расследования некоторых видов преступлений (посягательство на человеческую жизнь, изнасилование, подлог, подделка денежных знаков и документов, спекуляция и др.). Вместе с тем она содержит конкретные методические указания, относительно расследования дел каждой упомянутой категории, представляющие собой результаты обобщения практики расследования того периода.

Изучение уголовных дел 1917—1920 гг. показывает, что в этот период в практике расследования уголовных преступлений имела место криминалистическая и судебно-медицинская экспертиза, осуществляемая уже названными выше специальными экспертными учреждениями. В этих учреждениях производились графическая экспертиза, судебно-баллистическая, техническая экспертиза документов.

Так, в деле по обвинению Васильева в получении по подложному чеку Главсануправления 300 тысяч рублей (июнь 1919 года)¹ мы обнаруживаем постановление следователя Киевского окружного революционного трибунала о производстве экспертизы почерка. В постановлении указывается, что в целях изобличения виновных, назначается экспертиза почерка граждан Васильева и Ваккала, в виду сходства их почерков с почерком на подложном чеке. Производство экспертизы поручалось кабинету научно-судебной экспертизы города Киева.

Значительный интерес представляет самый акт экспертизы. В его исследовательской части сказано: «для производства сравнительного исследования, части текста чека и расписка в получении денег были сфотографированы и в увеличенном виде представлены на двух прилагаемых к настоящему акту таблицах. Вместе с тем изготовлены увеличительные снимки и с образцов почерка упомянутых выше лиц. Рассмотрением этого материала установлено следующее: почерк текста чека и почерк расписки в получении денег относятся к одному и тому же типу поднимающихся почерков. Кроме того, совпадение наблюдается в

¹) ЦГАОР УССР. Фонд 507, с-28, опись 1, дело 21, стр. 50.

напряжении, т. е. способности воспроизводить одно и то же число штрихов непрерывным движением пера, в направлении этого движения и в способе держания пера. Из числа представленных образцов соответствует по отмеченным признакам почерку текста чека только почерк Васильева. Остановившись на детальном сравнении данных почерка Васильева с почерком текста и расписки нетрудно усмотреть, что имеется между ними дальнейшее совпадение в соотношениях между движениями пера при выполнении одних и тех же слов, таких мелких привычек письма, относительно которых трудно предположить, чтобы совпадение их на одних и тех же местах носило характер случайности: а) способ изображения точки над «i», изображением верхней части буквы «ч» и др.»¹⁾

Приведенный акт свидетельствует о том, что при исследовании почерков применялись научные приемы фотографии, некоторые сведения в области почерковедения, сравнительное исследование. Акт иллюстрирован прекрасно изготовленными фототаблицами, на которых красными стрелками отмечены места совпадений отдельных деталей.

Рассмотрение материалов названного дела показывает, что при экспертном исследовании документов или других вещественных доказательств по делу, как правило, следователь сообщал эксперту материалы следственного производства, которыми эксперт пользовался в целях наиболее полного и правильного исследования. Помимо этого эксперт и следователь, при возможности, взаимно консультировались друг друга как о ходе расследования по делу, так и о ходе экспертного исследования, что способствовало оперативности расследования.

Значительный интерес с точки зрения производства экспертизы следов действия огнестрельного оружия представляет также дело Семенова Степана по обвинению в убийстве часового Бочкова (май 1919 года) во время охраны военного склада.²⁾ Указанное дело представляет интерес с точки зрения производства при его расследовании экспертизы смешанного типа: судебно-медицинской и криминалистической, однако проводимой медиками. На разрешение экспертам были поставлены вопросы о наличии крови в пятнах, обнаруженных на стволе ружья, а также о характере повреждений на одежде потерпевшего (произошли ли последние от действия огнестрельного оружия). Институт судебной медицины при Харьковском Государственном Университете, производивший исследование, представил акт макро- и микроскопического исследования по делу. Из этого акта видно, что исследование производилось самым тщательным образом с

1) ЦГАОР УССР, фонд 507, с-28, опись 1, дело 21, стр. 50.

2) ЦГАОР УССР, фонд 507, с-28, опись 1, дело 7, стр. 7.

применением новейших достижений экспертной практики того периода.

Имеющиеся архивные данные свидетельствуют о том, что деятельность экспертных учреждений того периода сводилась исключительно к производству исследований вещественных доказательств.

Применение тактических и технических приемов расследования имело место также и в органах милиции. Как уже ранее указывалось, в 1917—1920 г. г. деятельность рабоче-крестьянской милиции по расследованию преступлений регулировалась приказами и инструкциями Главного Управления рабоче-крестьянской милиции. В инструкциях нашли свое отражение научно-технические и тактические приемы и методы расследования преступлений. Из внедряемых милицией научно-технических и тактических методов основное место принадлежало организации системы и отделов дактилоскопической регистрации и организации розыска, скрывшихся преступников.

В борьбе с преступностью в изучаемый период органы расследования использовали технические приемы производства уголовной регистрации. К началу 1918 года относятся специальные приказы Центрозоыска всем органам уголовного розыска о производстве дактилоскопической регистрации преступников, содержащие формы регистрационных карт и правила проведения дактилоскопирования и фотографирования преступников в целях их регистрации, розыска и опознавания. Организация уголовной регистрации и применение опознавательной съемки требовали создания специальных технических отделов (дактилоскопическая часть) при волостных уголовных розысках и установления в них должности судебного фотографа.

Организация системы уголовной регистрации преступников была возложена на Центральное Управление уголовного розыска. Управление в своих циркулярах неоднократно подчеркивало важность и необходимость точной регистрации уголовных преступников в целях использования экспертного исследования следов, оставленных на месте происшествия, для установления личности преступника. Циркуляр Главного Управления милиции от 30 октября 1918 г. 1), формулируя некоторые правила фотографирования преступников и снятия дактилоскопических оттков, подчеркивает безусловное запрещение фотографировать и дактилоскопировать кого-либо без достаточных законных для этого оснований.

Главное Управление рабоче-крестьянской милиции уделяло огромное внимание вопросу организации розыска скрывшихся преступников. В своих многочисленных циркулярах оно указы-

1) ЦГАОР УССР, фонд 6, опись 1, дело 65, стр. 57—58.

вало пути и формы розыска преступников. Все указания по производству розыскных действий были проникнуты требованием строжайшего соблюдения революционной законности.

Инструкцией наиболее детально устанавливающей правила расследования преступлений органами милиции является «Общая инструкция милиционерам Советской рабоче-крестьянской милиции». 1) Инструкция содержит правила производства неотложных следственных действий при обнаружении преступлений, впервые указывает на обязанности милиции по предупреждению преступлений. В целях эффективности расследования, инструкция предписывает фотографировать место происшествия и приобщать фотографии к делу.

Технические приемы осмотров, дактилоскопической регистрации, тактические методы расследования распространялись и внедрялись не только циркулярами, но и преподаванием на специальных курсах, 2), организованных для преподавания основ криминалистики в Москве при Центральном Управлении уголовного розыска. В целях обучения сотрудников при Центроуугольрозыске в 1918 году началась организация учебного музея, в который присылались уголовными розысками различных городов (по просьбе Центроуугольрозыска 3), фотографические снимки с имеющихся орудий преступления, как, например, воровских инструментов и других предметов, используемых преступниками.

Впоследствии 1 сентября 1919 года в Москве открылись Всероссийская школа инструкторов милиции и Всероссийские курсы уголовного розыска, имевшие своей задачей, — как отмечалось в письме Главного Управления рабоче-крестьянской милиции от 15 августа 1919 года 4) — дать опытных руководителей и лиц командного состава милиции. Основной целью курсов являлось предоставление лицам, занимающимся уголовным розыском возможности усовершенствования в своем деле и подготовка руководителей уголовно-розыскными отделениями и столами.

Все это свидетельствует о том, что органы милиции с первых дней своей деятельности уделяли серьезное внимание организации обучения сотрудников розыска, внедрению научных приемов расследования преступлений в целях усиления борьбы с преступностью.

Внедряя научные приемы и методы расследования преступлений в деятельность советских следственных органов, органы милиции, ВЧК, следствия вырабатывали на основе обобщения

1) Гор. Петроград. 1919 г.

2) Циркуляр Центрального Управления уголовного розыска от 24 октября 1918 г.—ЦГАОР УССР, фонд 6, опись 1, д. 65, стр. 53.

3) См. ЦГАОР, фонд 6, опись 1, дело 65, стр. 59.

4) ЦГАОР УССР, фонд 6, опись 1, дело 68, стр. 52.

практики расследования новые методы предупреждения преступлений. Перед следственными органами ставились задачи не только раскрыть преступление и изобличить виновного, но и проводить в жизнь профилактические меры. Так, практика расследования преступлений органами ВЧК в рассматриваемый период, дала возможность широко использовать полученные данные для предупреждения преступлений. Как указывалось в отчете Центрального Управления Чрезвычайных комиссий при Совнаркоме Украины, «в процессе работы наметилась необходимость, не ограничиваясь ликвидацией преступлений и репрессиями, обобщать выводы для принятия мер предупредительного характера».¹⁾ Широко применяя в своей деятельности профилактические меры, ВЧК вскрыла ряд намечавшихся преступлений по дезорганизации железнодорожного транспорта и хищению продуктов питания. Также предупредительными мерами были предотвращены массовые хищения леса в Бобринском²⁾ лесозаготовительном районе. Установив, что крупные злоупотребления в лесозаготовительных районах облегчаются вследствие отсутствия контакта между различными лесозаготовительными организациями, секретный отдел дороги периодически созывал совещания этих организаций, организовал специальные комендатуры для охраны, строго проверил личный состав работающих бывших лесопромышленников.

Приведенные выше материалы, хотя и носят вследствие состояния доступных нам архивов отрывочный характер, однако бесспорно свидетельствуют о том, что в период иностранной военной интервенции и гражданской войны советские следственные и карательные органы, стремясь к укреплению социалистической законности и ликвидации преступности, широко пользовались в своей работе вырабатываемыми криминалистической техническими и тактическими приемами расследования преступлений.

1) Данные приводятся из отчета Центрального Управления Чрезвычайных комиссий при Совнаркоме Украины за 1920 год (Харьков, 1921 год, стр. 4—7).

2) Там же.

Проф. М. В. ГОРДОН.
Доктор юридических наук.

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО СЕМЕЙНОГО ПРАВА УКРАИНСКОЙ ССР

В 1957 году советский народ отметил 40-летний юбилей Великой Октябрьской социалистической революции. Огромных успехов добилось молодое социалистическое государство за этот период. Во всех отраслях хозяйственной и культурной жизни за прошедшие 40 лет выявилось превосходство советского общественного и государственного строя.

Советское государство и советское право за истекшие 40 лет выросли и окрепли. 40 лет шел процесс бурного развития новых правовых отношений. Это относится и к такой значительной и важной отрасли советского права, как право семейное. Уже через год после Великого Октября В. И. Ленин отмечал грандиозный характер тех преобразований, которые были проведены в области семейного законодательства, указывая, что «ни одна демократическая партия в мире, ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала, в этом отношении, и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти»¹⁾. В последующие годы советское семейное право продолжало совершенствоваться, отражая те грандиозные процессы преобразования общества, которые произошли за 40 лет. И в настоящее время эта отрасль советского права остается живой и актуальной, требует внимания к себе, дальнейшей работы над новыми вопросами, возникающими по мере построения коммунистического общества. Но, решая эти вопросы, необходимо многое учесть из опыта работы на первых ступенях возникновения социалистического семейного права.

За 40 лет своего развития советское семейное право прошло большой путь. Великая Октябрьская социалистическая революция уничтожила буржуазную систему права и открыла дорогу для построения нового социалистического общества, для пере-

1) В. И. Ленин, Соч. т. 29, стр. 395.

стройки всей системы отношений между людьми. Начали складываться новые производственные отношения, характерные для общества тружеников, свободных от эксплуатации. Наряду с этим следовало сломать и старую систему семейных связей, создать возможность появления новой семьи, основанной на независимости от «денежного мешка», на равенстве мужчины и женщины, на охране интересов детей.

Новое советское семейное право было создано уже в первые месяцы существования Рабоче-Крестьянского Правительства. Декреты Совнаркома РСФСР от 18 декабря 1917 года «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов гражданского состояния» и от 19 декабря того же года «О расторжении брака» решили ряд существенных вопросов семейного законодательства. Они стали примером для создания новых законов в иных республиках. Будучи краткими по своему объему, эти законы содержали однако все существенно необходимое для того, чтобы практические вопросы семейного права решались по новому, еще до создания кодекса, который регламентировал бы подробно все вопросы семейного права.

Первые семейные законы, которые с полным основанием включаются в число «декретов Октября», положили начало развитию советского семейного права. Значительными вехами на пути этого развития стали: Кодекс законов об актах гражданского состояния, семейном, брачном и опекунском праве, принятый в РСФСР 16 сентября 1918 года, семейные кодексы РСФСР и УССР 1926 года и ряд общесоюзных законодательных актов, из которых самый существенный — это Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г.¹⁾

Дальнейшее развитие социалистического общества ставит перед советским правом большие законодательные проблемы. Наряду с задачами по созданию Гражданского, Уголовного и процессуальных кодексов, возникает вопрос об издании новых семейных кодексов. При этом дело идет не о простом пересмотре действующих законов для устранения устаревших положений, но также о том, чтобы усовершенствовать семейное законодательство, дать, если это понадобится, новое решение отдельных проблем. Выполнение такой большой задачи в области семейного права лежит целиком на законодательных органах союзных республик. Расширение прав союзных республик приводит к тому, что к компетенции этих республик в настоящее время, на основании постановлений VI сессии Верховного Совета СССР, отнесено издание новых кодексов, даже из числа тех, которые ранее предполагалось утвердить в качестве единых

1) «Ведомости Верховного Совета СССР», 1944 г., № 37.

общесоюзных актов. Сохранение за союзными республиками права издания кодексов в значительной мере объясняется стремлением дать каждой республике возможность учесть особенности своего развития. Это соображение относится в наибольшей степени к семейному праву. Хорошо известно, что различие в семейном законодательстве отдельных советских республик и сейчас большее, чем в области гражданского законодательства или в области процессуальных законов. В связи с этим в литературе одно время даже ставился вопрос о целесообразности создания предусмотренных п. «ч» ст. 14 Конституции СССР общесоюзных Основ семейного законодательства. Не входя здесь в рассмотрение этого вопроса, следует, однако, заметить, что издание некоторых новых общесоюзных актов необходимо теперь потому, что реальное расширение прав союзных республик в области семейного законодательства не может быть достигнуто без предварительного пересмотра Указа Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года.

В процессе разработки вопросов семейного права в каждой союзной республике необходимо не только изучить действующую практику, но необходимо также выяснить исторические пути развития республиканского семейного законодательства. Именно в истории развития семейного права каждой республики кроется объяснение некоторых особенностей ее действующего законодательства. Если национальные и бытовые особенности могут влиять на содержание отдельных кодексов, то прежде всего это относится к кодексам семейным.

Между тем история советского семейного права изучалась до сих пор в нашей правовой литературе главным образом как история законодательства РСФСР. Только в некоторых республиках есть специальные исследования, посвященные развитию семейного права. Такие исследования есть, например, в Азербайджанской ССР ¹⁾. Очень мало исследовано развитие семейного законодательства в УССР, хотя именно в этой республике существует ряд особенностей в семейном праве. Некоторые законодательные акты были разработаны в УССР даже раньше, чем в Российской Федерации. По ряду вопросов законодательство УССР в области семейного права содержит такого рода особенности, в отношении которых и сейчас ставится вопрос о том, а не оправдали ли они себя на практике, не следует ли иным республикам при пересмотре своих семейных кодексов воспринять опыт УССР и принять те решения, которые до настоящего времени применялись только в УССР. Для осуществления такого «обмена опытом» между республиками, надо

¹⁾ А. Асадов. Основные этапы развития семейного права Азербайджанской ССР. Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Баку. 1949 г.

рассмотреть некоторые страницы из истории развития семейного права за 40 лет его существования. Конечно, внимания заслуживают те периоды, в которые шла наиболее активная работа по подготовке и обсуждению новых законодательных актов. Сюда относится прежде всего период создания семейного кодекса УССР, вступившего в силу в 1926 году. История его создания и обсуждения (1923—1926 гг.) содержит много материалов, которые живо перекликаются с актуальными проблемами сегодняшнего дня.

Первые законодательные акты по семейному праву в УССР были изданы несколько позже, чем в РСФСР, что связано было с условиями установления в УССР Советской власти и с обстановкой гражданской войны на Украине. Только 20 февраля 1919 года СНК УССР принял постановления «О гражданском браке и о введении книг актов гражданского состояния» и «О разводе». ¹⁾ Эти декреты устанавливали для УССР те же основные положения, которые были введены в РСФСР еще в декабре 1917 года.

Декреты, изданные 20 февраля 1919 года установили в качестве единственно допустимой формы заключения брака, регистрацию брака в органах ЗАГС. Правда, впоследствии признавались действительными и те браки, которые оформлены вне органов ЗАГС после 20 февраля 1919 года, если по условиям гражданской войны органы ЗАГС в тот или иной период в данной местности не действовали. В таких случаях органы местной власти должны были на соответствующих документах делать отметку о том, что в период заключения брака органов ЗАГС в данной местности не было.

Декреты от 20 февраля 1919 года провозглашали принципы новой семьи, решали ряд кардинальных вопросов и регулировали порядок оформления новых семейных отношений. Объем двух декретов, содержащих всего 26 статей, не позволял, однако, поместить в них сколько-нибудь подробные правила относительно семьи и брака. Естественно, что издание этих декретов не снимало вопроса о необходимости утверждения обширного законодательного акта, который установил бы новые положения о семье в детальном виде.

Работы над созданием первого советского семейного кодекса на Украине начались в том же 1919 году, во всяком случае в августе 1919 года Совнарком УССР мог уже опубликовать специальный кодекс законов о семье, браке, опеке и актах гражданского состояния УССР. Правда, кодекс этот, хотя и был официально издан и опубликован в печати, не получил практического применения. Он был опубликован в «Киевских

¹⁾ СЗ УССР. 1919 г., № 12, ст. ст. 144, 145.

известиях» за несколько дней до временной эвакуации, по условиям гражданской войны, Правительства УССР из Киева. Поэтому текст кодекса распространения не получил. Кодекс этот не был затем опубликован также и в Собрании Узаконений Правительства УССР. Только в виде редкости можно встретить текст кодекса в некоторых местных изданиях. Так, Одесский Губюст в 1921 г. переиздал текст этого кодекса в своих материалах.

Сейчас не имеет смысла выяснять вопрос о том, действовал ли этот кодекс формально и лишь практически не применялся или же он и формально никогда не был действующим законом. Важно, что в судебной и административной практике за период с 1919 по 1926 годы, то есть до издания нового кодекса, мы не встречаем ссылок на кодекс 1919 года.

В некоторых случаях судебные органы УССР, решая дела из области семейного права в период между 1919 и 1926 годами, ссылались на правила Кодекса законов об актах гражданского состояния РСФСР ¹⁾. Более того, на 2 сессии Всеукраинского Центрального исполнительного комитета, выступая с докладом по поводу нового проекта семейного кодекса, Заместитель Народного комиссара Юстиции УССР М. О. Рейхель прямо отметил, что «издание кодекса ЦИК и СНК в августе 1919 года совпало с моментом эвакуации советской власти с Украины, а потому он не был введен в действие»²⁾.

Эти обстоятельства вызвали необходимость позаботиться о быстрейшем создании нового Семейного кодекса в УССР. Еще в 1920 году НКВД УССР разработал проект семейного кодекса, но проект этот законодательными органами рассмотрен не был.

Составление нового проекта началось в Народном комиссариате Юстиции УССР во второй половине 1923 года ³⁾. Уже 1 апреля 1924 года комиссия смогла представить проект нового кодекса на рассмотрение Коллегии НКЮ. На Коллегии НКЮ проект вызвал горячие споры. Во всяком случае по некоторым

1) Пленум Верховного Суда УССР, которому текст кодексов 1919 года во всяком случае был известен, в своих постановлениях, также на него не ссылаются. Так, обсуждая 21 апреля 1924 года вопрос о возможности признания граждан состоящими в браке, если брак этот не был зарегистрирован и не был оформлен в церковном порядке до 1919 года, Пленум ссылается на ст. 5 декрета от 20 февраля 1919 года, а не на кодекс 1919 года. См. «Вестник Советской Юстиции», 1924 год № 12 (22) стр. 349.

2) 2 сесія ВУЦВК 9 скликання 16—23 1925 р. Стенографічний звіт, Харків, Видання Оргінстру ВУЦВК, 1926 р. стр. 313.

3) В. И. Сливичкий. Основные вопросы семейного и брачного права УССР. Сборник статей кафедры «Проблемы современного права», 1927 г.

существенным вопросам далеко не сразу удалось достигнуть единства мнений. В июне того же года Наркомюст опубликовал «Основные положения» проектируемого кодекса в журнале «Вестник советской юстиции». При этом было отмечено, что по вопросу о регистрации брака, то есть по одному из значительных вопросов проекта Заместитель наркома Юстиции тов. Рейхель не согласился с принятой большинством коллегии факультативностью регистрации брака и вопрос перенесен на Узкую коллегию НКЮ ¹⁾. Еще задолго до того, как проект был принят на Коллегии НКЮ УССР, началось обсуждение его в печати. Проект обсуждался также 23 и 30 апреля 1924 г. на заседаниях Украинского Юридического общества ²⁾.

Надо сказать, что при обсуждении проекта на заседаниях Украинского юридического общества речь шла о самых существенных проблемах создания нового кодекса, в частности и тут больше всего споров возбудил вопрос о том, следует ли вводить обязательную регистрацию брака или же надо сделать ее факультативной.

Проект детально рассматривался также и в правительственных органах: он стоял на обсуждении Комиссии по рассмотрению законодательных предложений Совнаркома УССР и только 15 апреля 1925 года проект был представлен НКЮ УССР на рассмотрение ВУЦИКа. Затем проект поставлен был в октябре 1925 года на обсуждение 2 сессии ВУЦИК 9 созыва. Предварительно проект был проработан на комиссии, созданной ВУЦИК; ряд поправок, которые вносились комиссией, предполагалось доложить на сессии.

Однако 2 сессия не стала рассматривать поправок к проекту. На заседании 23 октября 1925 года внесено было предложение передать проект на широкое обсуждение. Выступавший по этому поводу член ВУЦИКа тов. Пашковский внес такое предложение: «Кодекс на настоящей сессии не утверждать окончательно, поскольку он имеет огромное бытовое значение для крестьян и рабочих. Нам следует сделать так, чтобы кодекс был обсужден на расширенных селянских, рабочих и женских собраниях, а потом уже на следующей очередной сессии окончательно его утвердить» ³⁾.

Предложение это нашло широкую поддержку. Выступая по этому поводу Заместитель Наркома юстиции М. О. Рейхель поддержал его, однако добавил, что кодекс следует ввести в действие в качестве временного в том виде, в каком он был

1) Вестник советской юстиции, 1924 год, № 14—24, стр. 430.

2) Там же стр. 437—445.

3) 2-га сесія ВУЦВК 9 скликання 16—23 жовтня 1925 року. Стенографічний звіт. Харків. Видання Оргінстру ВУЦВК. 1926 р. стор. 314.

принят комиссией второй сессии и будет окончательно утвержден Президиумом ВУЦИК. Таким образом, хотя Семейный кодекс УССР был впоследствии опубликован и формально введен в действие, как принятый 31 мая 1926 года на 3 сессии ВУЦИК IX созыва, однако значение директивного акта он приобрел уже со времени 2-ой сессии.

Между второй и третьей сессиями ВУЦИК 9 созыва проект был разослан на места и стал предметом обсуждения в различных коллективах. Из справки, составленной Наркомюстом УССР перед внесением вопроса на 3 сессию ВУЦИК, видно, что проект этот обсуждался в 293 организациях. Многие из них просто вынесли решения, одобряющие проект. Однако 183 организации не ограничились этим и, одобряя проект в целом, сделали ряд замечаний, внесли предложения о поправках и изменениях к проекту.

В обсуждении проекта приняли участие самые различные организации. Докладчик по законопроекту на 3 сессии мог отметить, что «наиболее активное участие в обсуждении кодекса на местах приняли сельские советы» ¹⁾. Действительно в сводке замечаний фигурируют поправки, предлагаемые сельскими советами Полтавской губернии, собраниями селян Проскуровского округа и т. п. Очень оживленно проходило обсуждение проекта в отделениях Украинского юридического общества и на собраниях работников Юстиции.

Материалы обсуждения проекта были широко использованы Наркомюстом УССР при подготовке доклада на 3 сессии ВУЦИК. Сводка мнений, высказанных на местах, была издана Наркомюстом в форме отдельной брошюры, а самые поправки и предложения были переданы комиссии, образованной на 3 сессии для окончательного редактирования проекта; на заседании сессии 27 мая 1926 года такая комиссия из 37 членов была выделена для подготовки законопроекта. После выступлений многих членов ВУЦИК по докладу народного комиссара юстиции, проект был принят окончательно 31 мая 1926 года. ²⁾

Весь ход обсуждения проекта кодекса показывает, что к этому делу было привлечено внимание широких кругов населения. По некоторым вопросам окончательная формулировка кодекса явилась результатом не только широкого обмена мнениями, но и длительной борьбы различных точек зрения по тому или иному вопросу.

При составлении нового кодекса самым острым стал вопрос

1) См. Брошюру «Семья, брак, опека», Харьков 1926 г. Сборник материалов к проектам семейного кодекса УССР, стр. 111.

2) Стенограммы 3 сессии ВУЦИК, Харьков, 1925 г., изд. Оргинстр ВУЦИК стр. 215.

в правовом значении регистрации брака. Декреты от 20 февраля 1919 года устанавливали правило о том, что действительным признается только брак, зарегистрированный в органах ЗАГС; брак, оформленный в церковном порядке, юридической силы не имеет. Декреты решали задачу, которая была особо актуальной в тот период — задачу отделения церкви от государства и уничтожения влияния церкви. К 1923 году эти задачи в основном были уже решены. Теперь возникли новые проблемы, заключавшиеся в том, чтобы определить правовые последствия фактического сожительства, не оформленного, ни в порядке регистрации в ЗАГСе, ни в церковном порядке. В это время часть населения вообще не оформляла своих брачных отношений. Иногда это оправдывалось ссылками на то, что брак нельзя сводить к акту формальной регистрации, но чаще всего отказ от регистрации вызывался легкомысленным отношением к браку.

В УССР не было точных сведений, в какой мере распространены эти незарегистрированные браки. На сессии ВЦИК РСФСР, при обсуждении проекта кодекса выяснено, что в 1923 г. примерно до 5 процентов лиц, образующих семью, не оформляют своего брака вообще ¹⁾. Естественно, что возникал серьезный вопрос о том, как следует нашему законодательству относиться к такого рода бракам. Предстояло при издании кодекса либо установить обязательность регистрации брака и признать тем самым, что брак незарегистрированный не влечет за собой никаких правовых последствий, либо признать, что регистрация брака носит только характер доказательства и не является поэтому строго обязательной. При принятии первого решения отпадала возможность судебного доказывания брачных отношений. При втором варианте, лица, состоящие в браке могли обращаться в суд для доказывания того, что брак, хотя и незарегистрированный, все же существует.

Первоначальный проект НКЮ УССР остановился на втором варианте. В проект было включено и принято коллегией НКЮ положение о том, что регистрация имеет только факультативное значение. Однако, против этой точки зрения образовалась солидная оппозиция. Наркомюст УССР, опубликовав в июне 1924 г. «Основные положения» проектируемого кодекса, включил в них ясно выраженное указание на то, что регистрация брака обязательной не является. В ст. 27 этих положений было сказано: «лицам, вступающим или вступившим в брак, представляется право оформить его путем регистрации в органах

¹⁾ Заключительное слово т. Курского на III-й сессии ВЦИК XII созыва «Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву». М., 1926 г. стр. 183.

ЗАГС». Значит такая регистрация не рассматривалась проектом в качестве единственного обстоятельства, создающего права и обязанности супругов. Ст. 26 тех же «Основных положений» прямо называла и другие способы установления брачных отношений: «гражданский брак устанавливается с момента выражения в устной или письменной форме двумя лицами разного пола, имеющими право на его заключение, взаимного согласия вступить в брачный союз». Точка зрения Заместителя Наркома юстиции М. О. Рейхеля, отстаивавшего принцип обязательной регистрации, не собрала большинства, и проект был опубликован для широкого обсуждения с включением положений о факультативности регистрации.

Предложение о необязательной регистрации браков встретило сильнейшие возражения со стороны ряда общественных организаций. Наиболее ярко такого рода возражения были высказаны на Всеукраинском съезде работниц и селянок, происходившем летом 1924 года. На этом съезде ряд делегатов высказали мысль о том, что необязательность регистрации может вредно отразиться на интересах женщин. В юридической литературе раздавались голоса как за обязательность регистрации, так и против такой обязательности. Горячая полемика по этому же поводу развернулась на совещаниях Украинского юридического общества ¹⁾. И здесь часть выступавших по докладу члена коллегии НКЮ о проекте кодекса высказалась за факультативный характер регистрации; эту точку зрения отстаивали: докладчик по проекту, член Губсуда Борщевский и профессор В. И. Сливичкий ²⁾. За установление обязательной регистрации браков выступили проф. Б. В. Попов, А. К. Сухоплюев и др.

Широкое общественное обсуждение привело к тому, что вопрос о значении регистрации брака вновь был поставлен на обсуждении коллегии НКЮ и подвергнут коренному пересмотру. На заседании 17 ноября 1924 года (прот. № 84) Коллегии НКЮ обсудила основные принципы, на которых построен первоначальный проект кодекса. Коллегия НКЮ постановила отвергнуть принципы необязательной регистрации брака и факультативность регистрации, т. е. Коллегия прислушалась к голосу общественности.

На этом споры по поводу значения регистрации брака не закончились. Сторонники судебного признания фактических браков все же добились включения в текст проекта правил о воз-

1) Вестник Советской юстиции, 1924 г. № 14 (24), стр. 437—445.

2) В развернутом виде эта точка зрения была высказана В. И. Сливичкиным в упомянутой уже статье «Основные вопросы семейного и брачного права УССР», стр. 231—233.

возможности, при некоторых условиях, установления в судебном порядке факта существования незарегистрированного брака. Ст. 128 проекта говорила о возможности признания фактического брака имеющим правовые последствия в случае, если он длится более двух лет или, если результатом такого сожительства было рождение детей. В процессе широкого обсуждения проекта после постановления 2 сессии ВУЦИКа также были высказаны аргументы, как за, так и против обязательной регистрации. В докладе своем на 3 сессии ВУЦИК Нарком Юстиции УССР отметил, что по вопросу о регистрации брака (ст. 99 проекта) голоса на местах разделились.

Действительно на местах по поводу регистрации браков и признания фактического брака были высказаны самые разнообразные суждения. На собрании селян Кудьянского округа было вынесено решение о том, что правила о факультативности регистрации «не подходят для села». На таких же собраниях Проскуровского округа правила о судебном признании фактических браков найдены «соответствующими интересам селянства». В процессе обсуждения проекта третьей сессией, докладчик высказался против сохранения правила о признании фактического брака имеющим юридическое значение, если он длится более двух лет. В том же духе высказалась и одна из руководительниц Женотдела ЦК КП(б)У тов. Левкович. Комиссия, избранная на сессии, разработала предложение компромиссного характера. В ст. 105 кодекса в редакции, действовавшей до 1945 года, вопрос об обязательной или факультативной регистрации решен неопределенно. Там сказано, лишь, что: «Брак регистрируется в органах ЗАГС». Это не значит, что только зарегистрированный брак создает правовые последствия, но здесь не говорится прямо и о факультативности регистрации. Не вносила ясности и вторая часть этой статьи: «Только регистрация брака в органах ЗАГС является бесспорным, до опровержения по суду, доказательством брака». Этим не отвергалась мысль о том, что помимо бесспорных доказательств существования брака, могут быть представлены и иные «спорные» доказательства. Вместе с тем, на 3 сессии была исключена из проекта статья 128, ибо как при широком обсуждении, так и на самой сессии раздавалось много голосов против того странного «стажа» фактического сожительства, который был предложен в этой статье. Правда, сохранились и действовали до 1945 г. (хотя на практике почти не применялись) правила, позволявшие лицу состоявшему в фактическом браке, подать за-

1) «Семья, опека, брак», стр. 19.

явление о регистрации брака, даже без согласия на это второго супруга.

Неопределенность формулировки положений относительно регистрации брака дала себя знать. Сторонники факультативной регистрации полагали, что обязательность регистрации введена в кодекс лишь в качестве временной меры. В комментариях к кодексу указывалось, например, на то, что кодекс УССР сохраняет «пока что» институт обязательной регистрации брака¹). Однако при отсутствии точных указаний, судебная практика стала допускать предъявления исков о наличии брака в тех случаях, когда брак зарегистрирован не был. Судебные органы пользовались для решения таких дел в УССР правилами, изложенными по вопросу о незарегистрированных браках в ст. 12 кодекса РСФСР. Если предъявлялись иски об установлении факта нахождения в браке, суды УССР, также, как и в РСФСР, исходили из того, что кроме бесспорных, могут существовать и иные доказательства существования брака, а для разграничения фактического брака от временного сожительства, они использовали те три признака, о которых говорила ст. 12 кодекса РСФСР (ведение общего хозяйства, признание друг друга супругами перед третьими лицами, совместное воспитание детей).

Надо сказать, что и в РСФСР при рассмотрении проекта семейного кодекса по вопросу о юридическом значении регистрации брака дело не обошлось без больших дискуссий. Докладчик по кодексу на сессии ВЦИК Нарком юстиции РСФСР Д. И. Курский выступал в качестве сторонника факультативной регистрации. В докладе на 2 сессии ВЦИК XII созыва он говорил: «мы строим самую регистрацию как факультативный способ, как способ облегчить защиту прав, как техническое средство удостоверения перед судом в случае спора нужных юридических моментов²).

Сторонником факультативности регистрации брака и в связи с этим признания фактических браков был и прокурор РСФСР Н. В. Крыленко. Он многократно выступал против тех, кто предлагал установить строгую обязательность регистрации брака. В докладе, сделанном 12 января 1926 года на совещании Отдела работниц ЦК ВКП(б) Н. В. Крыленко говорил о необходимости признавать фактически существующие браки.

1) В. И. Сливичкий в комментарии к кодексу законов о семье, опеке и браке. «Кодекс законов про родину, опіку, подружжя». 1929 год. стр. 76.

2) Речь Д. И. Курского на сессии ВЦИК. Сборник статей и материалов по брачному или семейному праву. Москва, 1926 год, стр. 65.

хотя бы они не были зарегистрированы¹⁾). На сессии ВЦИК против этого положения были высказаны возражения. Веские доводы за обязательную регистрацию опубликованы и в правовой литературе. Против факультативной регистрации выступили, в частности, руководители Верховного Суда СССР гг. Васильев-Южин и Красиков²⁾). Последний, например, на сессии ВЦИК говорил, что судам будет очень трудно устанавливать наличие брака при отсутствии регистрации, ибо в проекте нет никаких признаков, которыми мог бы руководствоваться суд.

Поскольку 2 сессия ВЦИК XII созыва, также как и вторая сессия ВУЦИК IX созыва, проекта семейного кодекса окончательно не утвердила и передала его на широкое обсуждение, дискуссии по вопросу о признании фактических браков продолжались и после первого рассмотрения проекта во ВЦИК. Только 9 ноября 1926 г. на 3 сессии ВЦИК проект кодекса был окончательно утвержден, при этом сохранен был полностью принцип необязательности регистрации брака. Более того, в окончательном тексте кодекса включена статья 12, которой в прежних редакциях не существовало. Она устанавливала признали, по которым суд мог определять наличие брака и отличать брак от простого сожительства, тем самым укреплялась идея факультативности регистрации и возможность устанавливать наличие брака в судебном процессе. Практика в РСФСР широко пользовалась правилами этой статьи.

Только в 1944 году Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 г. установил иное положение, определив, что лишь зарегистрированный брак создает права и обязанности супругов и тем прекратил систему судебного разбирательства дел о незарегистрированных браках. Все кодексы союзных республик в соответствии с этим изменили редакцию статей, говоривших о значении регистрации брака; тем самым они закрепили регистрацию в качестве существенного (конstitutивного) элемента брака.

Не меньшие дискуссии при обсуждении проекта семейного кодекса УССР вызвал вопрос о том, как обеспечить равенство прав детей, рожденных от незарегистрированного брака. Вопрос о том, что такие дети должны пользоваться всеми правами, наравне с детьми, рожденными от оформленного брака, не возбуждал сомнений. Ко времени издания кодексов 1926 года

1) Речь Д. И. Курского на сессии ВЦИК. Сборник статей и материалов по брачному и семейному праву. Москва, 1926 г., стр. 63.

2) Васильев-Южин «Проекты новых законов в браке и семье», Сборник «Семья, опека, брак», стр. 123. Первоначально статья напечатана в «Известиях» 1926 г. № 53—54.

идея полного уравнивания в правах брачных и внебрачных детей полностью утвердилась в советском обществе. Это равенство прав было установлено в РСФСР декабрьскими декретами 1917 года, а в УССР декретами 20 февраля 1919 года. По этому поводу никаких споров возникнуть не могло.

Более того, в УССР даже самая система кодекса была построена исходя из предположения, что родство между родителями и детьми возникает независимо от брака матери с отцом ребенка. Изложение в кодексе УССР начинается не с правил о браке, а с положений о правах детей; такая система изложения должна была, по мнению авторов, сделать правила о взаимоотношениях родителей и детей совершенно независимыми от существования брака. В этой системе, как известно, и до настоящего времени заключается отличие кодекса УССР от порядка расположения материала в семейных кодексах других союзных республик, в которых прежде всего даются правила о браке, как об основе образования семьи, а затем уже записаны правила о родстве и о правоотношениях родителей и детей.

Сомнения и споры касались лишь вопроса о том, как обеспечить реализацию прав детей, родившихся от незарегистрированного брака. Большинству составителей проекта кодекса в его первоначальной редакции казалось недостаточным установление простой возможности обращения в суд с иском о признании отцовства. Для большей охраны интересов матери и ребенка проект устанавливал презумпцию достоверности заявления матери ребенка о том, кто является его отцом. Судебное рассмотрение дела должно было вестись уже по иску оспорившего это заявление лица, которому предоставлялось право приводить доказательства ложности заявления матери.

С таким предложением не согласилась, правда, коллегия НКЮ УССР. Она постановила «отвергнуть... возложение бремени доказывания отцовства в случае спора об отцовстве, целиком и исключительно на отца при незарегистрированном браке»¹⁾.

Это решение Коллегии НКЮ не дало, однако, окончательного перевеса тому мнению, из проекта не было устранено правило, по которому признается достоверным заявление матери ребенка о его отце, пока этот предполагаемый отец не опровергнет такое утверждение. В редакции проекта, направленном второй сессией ВУЦИК на широкое обсуждение, сохранилось правило о том, что регистрация отцовства совершается по заявлению матери ребенка, а лицу, названному отцом, предоставляется право доказывать, что не он отец ребенка.

¹⁾ Прот. Коллегии НКЮ УССР от 17 ноября 1924 г. № 84, в книге «Семья, опека брак», стр. 163.

Эти правила, содержащиеся в ст. ст. 4, 5 и 6 проекта, вызвали наибольшее количество возражений при широком обсуждении на местах. Выдвинуты были разными организациями предложения, которые должны были или вовсе устранить возможность регистрации ребенка по одному лишь заявлению матери, либо изменить положение в процессе мужчины, обязанного доказывать отрицательный факт — что он не отец ребенка.

Собрание селян Прилукского округа, например, внесло предложение, «чтобы регистрация заявления матери об отце ребенка производилась лишь на основании решения суда или признания данного факта лицом, указанным матерью»¹⁾. Многие организации не без основания заявляли, что предположенное проектом правило может повести за собой случаи шантажа и иных злоупотреблений со стороны матери ребенка. Совещание работников юстиции Тульчинского округа предлагало исключить ст. 5 проекта с тем, чтобы регистрация беременности с указанием отца ребенка производилась только по заявлению обоих супругов. На совещании работников юстиции ряда окружных центров, на собраниях работников сельсоветов Сумского округа говорилось о неправильности такого положения, когда предполагаемому отцу ребенка придется доказывать отрицательные факты. Совещания работников юстиции Проскурова, Кривого Рога, Могилева — Подольского и ряда других городов высказались за то, чтобы в подобных случаях на мать, а не на отца, была возложена обязанность обращаться в суд. Сельские Советы Киевского округа внесли предложение о том, чтобы спор об отцовстве при несогласии предполагаемого отца с заявлением матери, решался судом по материалам, которые передаются органами ЗАГС, предполагая видимо, что в таком случае бремя доказывания будет распределено между обоими сторонами.

Против всяких предложений об изменении предположенного проектом порядка определения отцовства на 3 сессии IX созыва выступил докладчик. Он заявил, что, по его мнению, в данной части предложения с мест «направлены целиком против основных положений и принципов нашего кодекса, ибо мы всегда должны защищать ребенка и мы всегда стоим на охране его интересов, независимо от того, была ли мать в зарегистрированном браке или нет». ²⁾ Несмотря на то, что и на сессии имели место выступления, направленные против установления отцовства путем простой регистрации заявления матери ребенка, в

1) В книге «Семья, опека, брак» стр. 14—18.

2) 3 сесія ВУЦВК 9 скликання. Стенографічний звіт та постанови. Харків, Видання Оргінстру ВУЦВК, 1926 р. стор. 218.

окончательной редакции кодекса эти правила сохранились. Они действовали в УССР, как и в иных союзных республиках до 1944 года, пока Указ Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года не отменил вообще возможность рассмотрения судами исков об установлении отцовства.

По вопросу о разводах украинский проект сохранил ранее действовавшее в УССР положение, по которому допускались разводы путем простой регистрации в органах ЗАГС. Более того, в связи с тем, что проект стоял на точке зрения факультативности регистрации брака, он устанавливал и факультативность регистрации развода, допуская возможность доказывания даже свидетельскими показаниями, что фактический развод имел место. Проект сохранил относительно алиментов для разведенных супругов старое положение, записанное еще в декрете от 20 февраля 1919 года «О разводе», по которому имущественные отношения супругов после развода могли регулироваться их соглашением.

Вместе с тем проект сохранил установленное в Кодексе РСФСР 1918 года положение о том, что нетрудоспособный супруг имеет право после расторжения брака получать алименты от другого супруга без ограничения сроком. Любопытно, что в проектах РСФСР это правило было исключено и заменено положением о выплате алиментов лишь в течение одного года.

Широкое обсуждение проекта выявило многочисленных сторонников ограничительных правил для развода. Решения ряда собраний, посвященных обсуждению проекта, говорят о желательности отмены чрезмерно упрощенного порядка расторжения браков. Например, на собраниях селян Луганского округа говорилось о необходимости более строгого подхода к делам о разводе, а в Киевском округе внесено было даже предложение допускать разводы только по обоюдному согласию супругов. Собрание селян Прилукского округа предлагало разрешать расторжение браков только через суд, а из Проскурова, Конотопа и ряда иных городов прибыли предложения, чтобы разводы производились только при наличии уважительных причин. Оригинальное предложение поступило из г. Черкассы, там предложено было не допускать расторжения брака ранее, чем через пять лет после его заключения.

Установление правил о неограниченных сроках для уплаты алиментов после расторжения брака не вызвало существенных возражений. Правда, некоторые филиалы Юридического общества (Одесса, Тульчин) предложили ограничить сроки для уплаты алиментов разведенному нетрудоспособному супругу годом или шестью месяцами, но большинство участников обсуждения согласилось с проектом, внесенным НКЮ УССР. Интересно,

что по проекту НКЮ РСФСР с самого начала предложен был годичный срок алиментирования в таких случаях и это положение почти не вызвало споров за все время обсуждения проекта.

Три проблемы, по поводу которых возникали дискуссии в процессе обсуждения проекта 1926 года, не утратили своего значения и на сегодняшний день. В настоящее время в судебной практике возникают иногда вопросы, связанные с правовыми результатами брачных отношений, не зарегистрированных в установленном порядке. Вопросы о порядке установления отцовства, правда, почти не возникают на практике, ибо категорическое правило Указа от 8 июля 1944 года, воспрещающее такого рода иски об установлении отцовства, снимает эту проблему. Однако, в литературе все чаще и чаще поднимается вопрос о том, в какой мере достаточным является решение, данное Указом и нет ли оснований хотя бы для частичного возвращения к судебному порядку установления отцовства. Наконец проблема разводов, решенная также Указом от 8 июля 1944 года, вновь ставится на обсуждение, причем вносятся предложения, направленные на то, чтобы упростить существующий порядок рассмотрения дел о расторжении брака.

Все эти вопросы носят не только теоретический характер. В связи с предстоящим пересмотром кодексов союзных республик по каждому из этих вопросов надо будет иметь совершенно определенный ответ. Ответ должен исходить из потребностей современного положения, но необходимо привлечь также и опыт решения тех же вопросов за 40 лет развития советского семейного права.

По вопросу о факультативном или обязательном характере регистрации брака вряд ли есть сейчас основания для возвращения к той системе, которая была принята в кодексах 1926 года. Изучение истории обсуждения этих кодексов показывает, что все соображения, высказанные в свое время в защиту факультативности регистрации брака относились к обстановке двадцатых годов. Тогда сторонники признания правовой силы за фактическими браками ссылались на необходимость защищать интересы женщин, особенно в условиях индивидуального крестьянского хозяйства. В настоящее время все соображения о своеобразии семейных отношений на селе должны отпасть. Семья в условиях колхозного производства принципиально ничем не отличается от семьи тружеников города. Если в наши дни имеет место образование семьи без регистрации брака, то это либо потому, что есть препятствия для регистрации или же потому, что лица, фактически сожительствующие, не желают считать себя супругами. Думается, что в настоящее время совершенно исчезла та категория фактических браков, которая за-

ключалась лицами, «выросшими» из правил об обязательной регистрации, желавшими заменить формальную регистрацию одним лишь моральным долгом.

Опыт регулирования вопросов о регистрации брака показывает таким образом, что следует сохранить конститутивный характер регистрации брака. Это даст возможность проводить дальнейшее укрепление семьи, образованной на социалистических началах.

Важно отметить, что все страны социалистического лагеря восприняли опыт СССР в этом вопросе и установили обязательную регистрацию браков. Польский закон от 27 июня 1950 года о семье говорит о том, что брак заключается путем обоюдного заявления мужчины и женщины перед должностным лицом органа записи актов гражданского состояния. Если такое заявление должностному лицу не сделано, то брак не считается заключенным (ст. 1). Болгарский закон о лицах и семье от 23 июля 1949 года также устанавливает, что только гражданский брак, заключаемый в предписанной законом форме, порождает права и обязанности, которые закон связывает с браком (ст. 20). Чехословацкий закон о браке от 7 декабря 1949 года в параграфе 1 указывает, что если брачующиеся не сделают в местном национальном комитете заявления о вступлении в брак, то брак не возникнет. Закон о браке Китайской Народной Республики предусматривает, что вступающие в брак должны явиться в помещение народного правительства и зарегистрировать брак. Краткая справка показывает, что в странах народной демократии оформлению брака придается конститутивное значение.

Если мы обратимся к опыту обсуждения вопроса о порядке установления правовой связи между родителями и детьми, то здесь мы не обнаружим аргументов в пользу сохранения действующего запрета предъявления исков об отцовстве. При обсуждении проектов кодексов, как в РСФСР, так и в УССР раздавались голоса лишь против системы доказывания отцовства, запроектированный в то время для семейных кодексов. Совершенно основательными были возражения против презумпции правильности любого заявления матери ребенка по поводу отца; зато в процессе обсуждения проектов кодексов 1926 года почти не раздавалось голосов, которые требовали бы запрета судебного установления отцовства.

Недавно вновь был поставлен вопрос о возможности возоб-

новления исков об отцовстве¹⁾). Можно соглашаться или не соглашаться со сторонниками допустимости таких исков. Однако при любой аргументации, нет оснований не допускать установления отцовства в тех случаях, когда отец ребенка, не состоящий с матерью в зарегистрированном браке, сам признает себя отцом. Правда, такое признание отцовства может принести ущерб той семье, которая уже существует у отца ребенка. Однако интересы ребенка должны быть в таких случаях поставлены на первый план.

По вопросу о порядке расторжения брака при обсуждении проектов 1926 года, не было сделано ни одного предложения установить столь сложную процедуру развода, какая введена Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 июля 1944 года. Принимавшие участие в обсуждении говорили о необходимости проверять основательность причин развода, о необходимости не допускать легкомысленных разводов, но от этого далеко до тех требований, которые существуют в настоящее время. Система двух инстанций, из которых только вторая — областной суд²⁾ — решает по существу вопрос о расторжении брака, высокие пошлины и большие расходы на объявления в газете, необходимость явки в областной суд существенно затрудняют тех, кто желает оформить развод. Однако вряд ли эти меры могут сохранить семью, если она действительно существовать не может.

Пересмотр процедуры развода не должен, однако, повести к установлению каких-либо готовых перечней оснований расторжения брака. В этом отношении никак нельзя согласиться с мнением, высказанным в нашей литературе И. С. Гуревичем и М. Т. Оридорога³⁾ о желательности введения таких перечней. Всякий заранее данный список оснований для развода превратит процесс о расторжении брака в систему отыскания чисто формальной истины; анализ действительного состояния семейных отношений будет заменен выяснением того, есть ли повод для развода. Отсутствие заранее предустановленных поводов и предоставление суду права оценивать общий характер отношений сторон является столь существенной особенностью советского семейного права, что отказываться от этого положения, в

1) А. И. Пергамент. Правовое положение внебрачных детей должно быть изменено. «Советское государство и право», 1956 г. № 7, также И. С. Гуревич «О некоторых вопросах Советского семейного права», там же.

2) В некоторых случаях такой второй инстанцией может оказаться краевой суд, Верховный суд автономной или союзной республики.

3) Гуревич И. С. ук. работа, М. Т. Оридорога. Основания расторжения брака. «Советское государство и право», 1957 г., § 1, стр. 114.

пользу «упрощенного» для суда метода готовых поводов, нет никаких оснований.

В настоящее время по поводу процедуры развода возникает также вопрос о целесообразности передачи дел такого рода в органы ЗАГС. Таким образом перед составителями нового проекта кодекса стоит та же проблема, которая стояла и в 1924—1926 годах. Надо ли делать суд основным органом по рассмотрению дел о разводах, или же следует стремиться к передаче таких дел в органы ЗАГС. Сколь ни кажутся иногда простыми некоторые категории дел о разводах, любая из них может вырасти в сложную проблему. Даже в том случае, когда развод производится с согласия обоих супругов, надо выяснить, решены ли вопросы о судьбе детей, об имущественных отношениях между разводящимися. Наконец, надо установить, действительно ли оба супруга желают расторгнуть брак. В случае, когда один из супругов не может принять участия в деле о расторжении брака (душевная болезнь, безвестное отсутствие, лишение свободы), необходимо в судебном порядке выяснить действительно ли все эти обстоятельства имеют место. Поэтому следует сохранить систему разрешения дел о разводах через суд, но значительно упростить порядок проведения дел.

Изучение опыта обсуждения проектов семейных кодексов дает возможность сделать некоторые выводы и относительно организации работы по подготовке новых кодексов. Прежде всего следует отметить, что до начала работы по пересмотру кодексов союзных республик необходимо организовать пересмотр общесоюзного законодательства по семейному праву. Иногда возражают против мысли о необходимости создания общесоюзных основ семейного законодательства, полагая, что вопросы семейного права могут быть полностью переданы на разрешение органов союзных республик¹⁾. Однако именно для того, чтобы в каждой республике можно было приступить к созданию новых кодексов, необходимо изменить общесоюзное законодательство. Надо учесть, что работы над проектами 1926 года происходили в условиях, когда не было никаких общесоюзных норм по семейному праву. В настоящее время действие статей 19, 20 и 21 Указа Президиума Верховного Совета от 8 июля 1944 года сильно ограничивает возможности проектирования законов в союзных республиках; по существу нет смысла проводить работу по пересмотру семейных кодексов до тех пор, пока не будет создано такое общесоюзное законодательство, которое передало бы в ведение союзных республик хотя бы часть

¹⁾ А. И. Пергамент «О кодификации республиканского законодательства о семье, браке и опеке». Тезисы доклада на научной конференции ВИЮН Москва, 1957 г.

тех вопросов, какие сейчас решают эти три статьи Указа. Вопросы о порядке и пределах разрешения споров об отцовстве, о порядке рассмотрения дел о расторжении брака, о правовых последствиях разводов могут быть переданы в ведение союзных республик. В проект основ надо включать только исходные положения, определяющие лишь принципы решения этих вопросов.

Прохождение в законодательных органах проекта семейного кодекса в 1925—1926 гг. показало, что для рассмотрения такого кодекса не нужно значительного времени. За три года (1923—1925) проект семейного кодекса УССР был составлен комиссией НКЮ УССР, дважды рассматривался на сессиях ВУЦИК и дважды был предметом широкого обсуждения.

Обсуждение проекта, как перед его постановкой на 2-й сессии ВУЦИК IX созыва, так и между второй и третьей сессиями приводило к существенным результатам. В процессе обсуждения проекта перед 2-ой сессией особое значение имело Всеукраинское совещание рабочих и крестьян. На основе широкого обсуждения проекта еще в 1924 году коллегия НКЮ УССР пересмотрела ряд основных положений предварительного проекта. Значит Коллегия учла и обсудила внесенные уже тогда предложения.

Обсуждение проекта после 2-ой сессии носило еще более широкий характер. И снова результаты обсуждений были тщательно изучены перед постановкой проекта на 3 сессию. Специальная комиссия, работавшая на 3-ей сессии, имела в своем распоряжении сводку всех предложений, внесенных местными советскими органами, собраниями крестьян, совещаниями судебных работников и отделениями Юридического общества. В процессе обсуждения на сессии была дана оценка ряду предложений.

Надо отметить, что в последние годы у нас широко применяется метод передачи на всенародное обсуждение важнейших законодательных предложений. В обсуждении проекта мероприятий по усовершенствованию управления промышленностью и строительством в 1957 году приняли участие миллионы советских граждан, было внесено много интересных и важных предложений, которые учтены VII сессией Верховного Совета СССР при обсуждении доклада товарища Н. С. Хрущева. Нет сомнения, что в случае передачи на широкое обсуждение в пределах республики в настоящее время нового проекта кодекса законов о семье и браке, в его обсуждении примет участие в сотни раз больше граждан, чем это было в 1925—1926 гг.

Широкое общественное обсуждение проекта семейного кодекса имеет не только значение в том смысле, что поможет вы-

явить правильное решение наиболее острых вопросов. Такое обсуждение имеет огромное политико-воспитательное значение. Интересные мысли по поводу широкого опубликования и обсуждения законов высказал М. И. Калинин, в связи с обсуждением на 2-ой сессии ВЦИК РСФСР XII созыва 17—19 октября 1925 года проекта семейного кодекса РСФСР. На сессии возникли разногласия по вопросу о том, утверждать ли кодекс или передать его на широкое обсуждение. Противниками дальнейшего широкого обсуждения выступили Крыленко и Рязанов. Н. В. Крыленко говорил о том, что проект уже обсуждался на местах и возражал против нового «референдума».

В ответ на это М. И. Калинин отметил, что имевшее уже место обсуждение не оказалось достаточным: «мы не имеем по этому закону до известной степени определенного мнения женских организаций» и далее он высказал мысль о том, что «вообще желательно, чтобы каждый закон прошел через массовую дискуссию, через массовое обсуждение». Он указал также на то, что «суть законов... заключается не только в их целесообразности, а еще и в их проведении, в творчестве этих законов массами»... «в том-то и суть, в том-то и наша коренная задача — чтобы привлечь к участию в законодательной работе массы рабочих и крестьян»¹).

Мысли о широком обсуждении важнейших законопроектов были реализованы в свое время при создании и обсуждении проекта Конституции СССР; затем в течение многих лет, особенно в военные годы эта практика не применялась, она стала все чаще применяться в последние два—три года. Практика широкого обсуждения использована также в некоторых других странах социалистического лагеря²).

Надо широко применять практику предварительного опубликования и всенародного обсуждения в отношении проектов таких кодексов пересмотр которых к 40-летию Великой Октябрьской социалистической революции окажется еще не законченным.

¹) Сборник материалов и статей по брачному и семейному праву. М. 1926 г. Стенографический отчет заседания 2-й сессии ВЦИК от 19 октября 1925 г. ст. ст. 190—191.

²) Интересно сообщение Министра Юстиции Германской демократической республики Хильды Беньямин о том, что проект нового семейного кодекса для Германии был разработан Министерством Юстиции ГДР, издан и широко распространен в количестве миллиона экземпляров (См. статью Х. Беньямин в журнале «Социалистическая законность» 1955 г. № 3).

Док. М. И. БАРУ.

СОЗДАНИЕ И УКРЕПЛЕНИЕ ЕДИНОГО ФОНДА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ СОБСТВЕННОСТИ В ИСТОРИИ СОВЕТСКОГО ПРАВА.

Исторические решения XX съезда Коммунистической партии Советского Союза явились прочной основой для расширения и углубления принципа демократического централизма в области хозяйства. Исходя из этих решений, Центральный Комитет партии и Совет Министров Союза ССР провели ряд важнейших мероприятий в области управления хозяйством. Всенародное обсуждение тезисов доклада Н. С. Хрущева «О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством» явилось ярким и убедительным подтверждением «что в Советском Союзе не на словах, а на деле обеспечивается самое широкое участие миллионов масс трудящихся в решении коренных вопросов развития народного хозяйства страны». 1)

На основе принятого 10 мая 1957 г. VII сессией Верховного Совета СССР закона предприятия и организации, находившиеся в ведении общесоюзных и союзно-республиканских министерств, переданы в непосредственное подчинение Советов народного хозяйства экономических районов.

Правовое регулирование перехода предприятий, как и других объектов государственной социалистической собственности, осуществляется как административно-правовыми, так и гражданско-правовыми методами. Исходным и руководящим принципом правового регулирования движения объектов государственной социалистической собственности с первых же дней установления диктатуры пролетариата является принцип един-

1) Н. С. Хрущев, О дальнейшем совершенствовании организации управления промышленностью и строительством, Госполитиздат, 1957 г., стр. 3—4.

ства или единого фонда государственной социалистической собственности.

Советское социалистическое государство фактически и юридически владеет огромными материальными ценностями. Земля, ее недра, воды, леса, заводы, фабрики, шахты, рудники, железнодорожный, водный и воздушный транспорт, банки, средства связи, организованные государством крупные сельскохозяйственные предприятия (совхозы, машинотракторные станции и т. п.), а также коммунальные предприятия и основной жилищный фонд в городах и промышленных пунктах являются государственной собственностью, то есть всенародным достоянием) (ст. 6-я Конституции СССР). Всенародная государственная собственность охватывает девять десятых всех средств производства нашей страны.

Вся, растущая из года в год, продукция государственной промышленности и государственных сельскохозяйственных предприятий, в процессе производственного или потребительского использования, находится в движении, и это выражается в переходе объектов государственной собственности от одного государственного органа к другому, от промышленного или сельскохозяйственного предприятия к сбыто-снабженческому или торговому предприятию и т. д.

Переход ценностей как средств производства, так и других товаров от одного государственного органа к другому, не меняет ни типа, ни формы собственности. Переданное имущество остается таким же объектом единой государственной социалистической собственности, каким оно является до передачи. Независимо от того, лежит ли в основе такого перехода административно-правовой акт, например, постановление Совета Министров Союза ССР о передаче предприятий из одного ведомства в другое, а в пределах одного экономического района — постановление Совнархоза, или же гражданско-правовая сделка, например, договор поставки товаров, — форма собственности не меняется при переходе имущества от одного государственного органа к другому.

Единство фонда государственной социалистической собственности было руководящим принципом движения объектов государственной собственности на всех этапах нашего развития.

Еще в декрете от 8 декабря 1917 г. подписанным В. И. Лениным «О монопольном распоряжении государства сельскохозяйственными машинами и орудиями»¹⁾ мы читаем: 1. «Все изготовленные и изготовляемые внутри страны, а также ввозимые из-за границы сельскохозяйственные машины и орудия, в целях обеспечения сельского хозяйства орудиями производства

1) С. У. 1917 г. № 5 ст. 73.

и обеспечения нужд трудящегося сельского населения, объявляются с момента опубликования настоящего постановления в монопольном распоряжении государства. 2. Распределение этих машин и орудий производится на основании правил, которые будут особо изданы, через органы советской власти, земельные комитеты и другие демократические организации.

Уже в этом декрете, изданном через месяц после победы Великой Октябрьской социалистической революции, совершенно ясно и четко проводится мысль о монопольном праве государства распоряжаться орудиями и средствами производства. В этом декрете нет упоминания о продаже машин или о другом возмездном предоставлении их, например, в пользование. Напротив декрет подчеркивает ту мысль, что машины распределяются государством через свои органы.

Ни о каком возмездном отчуждении имущества из основных фондов (средств) в тех условиях не могло быть и речи. Мобилизуя все материальные ресурсы на разгром внешних и внутренних врагов, советское государство, в тот момент принимало меры к ликвидации частной капиталистической собственности на орудия и средства производства и к закреплению права государственной социалистической собственности. Выражением этого и явилась пролетарская национализация промышленности. С самого начала, национализация отдельных предприятий, как известно, проводилась в виде ответных мер со стороны молодого советского государства по отношению к тем предпринимателям, которые саботировали и противодействовали проведению рабочего контроля. Из этого не следует, что национализация вообще носила стихийный и карательный характер¹⁾. Но первые акты национализации действительно были ответными мерами советского государства по отношению к попыткам саботажа, локаута и т. п. со стороны предпринимателей. Это обстоятельство дает Я. Ф. Миколенко основание утверждать, что первые акты экспроприации капиталистической собственности были актами конфискации, а не национализации²⁾. Укажем, например, на первое постановление Совнаркома по этому вопросу от 20 декабря 1917 года. Мы там читаем: «В виду отказа заводоуправления Акционерного Общества Богословского горного округа подчиниться декрету Совета Народных Комиссаров о введении рабочего контроля над производством, Совет Народных

1) См. Проф. А. В. Венедиктов, Советское гражданское право в период проведения Октябрьской социалистической революции. Сборник «Вопросы Советского Государства и права». Л., 1953, стр. 187.

2) Проф. Я. Миколенко. Учебно-методическое пособие по курсу «Советское гражданское право» М., 1955 г., стр. 52.

Комиссаров постановил конфисковать все имущество Акционерного Общества Богословского горного округа, в чем бы это имущество не состояло и объявить его собственностью Российской республики¹⁾. Аналогичных постановлений было немало. 28 июня 1918 года был уже издан общий закон о национализации крупнейших предприятий наиболее важных отраслей промышленности²⁾, а 29 ноября 1920 г. постановлением ВСНХ³⁾ национализация была распространена на все промышленные предприятия с числом рабочих свыше пяти при механическом двигателе или десяти без механического двигателя. Все эти постановления имели не только экономическое значение в смысле образования материальной базы молодого советского государства. Они имели огромное политическое значение в смысле выполнения важнейшей функции советского государства в тот момент функции подавления эксплуататорских классов внутри страны. В вводящей части декрета о национализации прямо сказано, что он издан в целях решительной борьбы с хозяйственной и продовольственной разрухой и для упрочения диктатуры рабочего класса и беднейшего крестьянства.

В этих условиях исключалась возмездность отношений при переходе основных средств от одного государственного органа к другому. Таких опасений даже не было. Поэтому прямого запрета возмездного отчуждения имущества одним государственным органом другому в законах того времени мы не обнаруживаем. Следует к тому же учесть, что в условиях натурализации оборота и свертывания товарно-денежных отношений вообще наметилась тенденция к установлению безвозмездных отношений. Эта тенденция получила свое выражение в целом ряде законов, например, в постановлении Совнаркома от 23 декабря 1920 г. «Об отмене оплаты за всякого рода топливо, предоставляемое государственным предприятиям и учреждениям, а равно занятым в них рабочим и служащим»⁴⁾. Кроме этого, было немало законов, вводивших безвозмездные отношения и отменивших возмездность в отношениях между государственными предприятиями, учреждениями и т. д. Даже национализированные по декрету от 28 июня 1918 г. предприятия, впредь до фактического их перехода в ведение ВСНХ оставались, согласно постановлению ВСНХ от 30 августа 1918 г.⁵⁾ в безвозмездном арендном пользовании их бывших собственников. Конечно, строго говоря, с точки зрения теории гражданского права, арен-

1) СУ, 1917 г., № 6, ст. 95

2) СУ, 1918 г., № 47, ст. 558

3) СУ, 1920 г., № 93, ст. 512

4) СУ, 1920 г., № 100, ст. 539

5) СУ, 1918 г., № 63, ст. 691

да, не может быть безвозмездной. Безвозмездное пользование — это уже не аренда. Но дело не в этих теоретических соображениях. В тех условиях государство было заинтересовано в том, чтобы предприятия не бездействовали, а производили товары массового потребления, необходимые для снабжения ими армии и населения. Поэтому, до фактического овладения предприятиями, государственными органами, ВСНХ давал бывшим собственникам предприятий право безвозмездного пользования ими.

Таким образом в этот период, когда, в сущности, в законодательстве и не было четкого разграничения имущества предприятий на основные и оборотные фонды (средства), при отмеченной выше тенденции, даже не возникал вопрос о возмездном отчуждении имущества одним госорганом другому. Возмездность в связи с отмеченной выше натурализацией оборота, теряла свое значение не только в отношении отчуждения основных, но и в отношении отчуждения оборотных фондов (средств). Впрочем надо заметить, что в первые годы нэпа отмечались случаи, когда хозяйственные организации обращались в Арбитражные Комиссии по претензиям, возникшим еще до перехода к нэпу. Практика Арбитражных Комиссий относилась отрицательно к таким искам. Для обоснования отказа в иске Арбитражные Комиссии приводили те соображения, что переход материальных ценностей производился в административно-правовом порядке, а не в порядке соглашения. Это соображение, с нашей точки зрения, вряд ли могло обосновать отказ в иске, ибо организационно-правовая форма движения объектов государственной собственности не могла определить тогда, как и сейчас, возмездность или безвозмездность отношений. В некоторых случаях Арбитражные комиссии приводили более правильные соображения ¹⁾, в частности, указывалось на то, что в период гражданской войны материалы и изделия составляли единый общегосударственный фонд, без закрепления частей этого фонда за отдельными предприятиями, как самостоятельными юридическими лицами. ²⁾ Здесь уже проводится та мысль, что в условиях иностранной военной интервенции и гражданской войны не было хозрасчета, со свойственными ему возмездными отношениями и с взаимной материальной ответственностью.

Переход к новой экономической политике, т. е. к политике, допускаящей борьбу социалистических и капиталистических

1) Решение ВАК СТО, вып. № 1 (5) 1925 г.

2) Подр. см. И. Б. Новицкий. Развитие договорных обязательств в советском праве, «Ученые записки» МЮИ, 1948 г., стр. 16.

элементов и рассчитанной на победу социалистических элементов над элементами капиталистическими, потребовал пересмотра вопроса о возмездности и безвозмездности перехода имущества от одного государственного органа к другому. Устанавливаются товарно-денежные отношения. Поэтому отменяется безвозмездность снабжения государственных предприятий и безвозмездность услуг, оказываемых населению.

При переходе на мирную работу по восстановлению народного хозяйства принцип единства фонда государственной собственности не был поколеблен. Возможность возмездного отчуждения основных фондов (средств) исключалась. Случаи, когда закон допускал возмездное отчуждение пришедшего в негодность или ветхость имущества, не меняли общего положения. А это положение имело огромное хозяйственное и политическое значение, особенно в условиях первого периода нэпа, в условиях соревнования двух систем, в условиях борьбы «кто кс го». Надо иметь в виду, что попытки «перекачки» основных средств из рук государства в руки частных на практике встречались. Социалистическое государство всячески противодействовало этим попыткам. Особый режим основных фондов закреплялся в нормах советского права и это выражалось в неотчуждаемости основных фондов и в их безвозмездном переходе от одного государственного органа к другому. Партия дала решительный отпор требованию Троцкого разрешить промышленным предприятиям закладывать государственное имущество, в том числе и основные фонды, капиталистам для получения кредита. И. В. Сталин разоблачил буржуазно-реставраторскую суть такого предложения, подчеркнув, что «это было бы предпосылкой денационализации наших предприятий». ¹⁾

В условиях, когда восстановление народного хозяйства и укрепление союза рабочего класса с крестьянством — настоятельно требовали максимального развития товарооборота, создание особого режима основных фондов (средств), исключавшего возможность возмездного отчуждения стало жизненно необходимым. В директивах 11-й партийной конференции мы имеем на это прямое указание. «Теперь борьба коммунистического и частного хозяйства переносится на экономическую почву, на рынок, где национализированная промышленность, сосредоточенная в руках рабочего государства, должна, применяясь к условиям рынка и методам состязания на нем, завоевать свое решительно господство» ²⁾. В этих условиях возмездное

¹⁾ И. Сталин. Соч. т. 9, стр. 76.

²⁾ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I, издание 7, Госполитиздат, 1954 г., стр. 594.

отчуждение объектов государственной собственности из основных фондов (средств) составляло, главным образом, опасность в смысле разбазаривания объектов государственной собственности, а следовательно опасность в смысле ослабления ее позиций в единоборстве с частным капиталом. Поэтому законодательство уделяет внимание преимущественно не вопросу о возмездном или безвозмездном переходе объектов государственной собственности от одного государственного органа к другому, а вопросу о преграждении путей и каналов перехода этих объектов в сферу частного оборота.

Принятый 4-й сессией ВЦИК 9-го созыва 31 октября 1922 г. Гражданский кодекс РСФСР отразил эту линию в ст. 22, запретившей отчуждение государственных предприятий и их оборудования. Первый декрет о трестах от 10-го апреля 1923 г. 1), пошел еще дальше, распространив запрещение и на инструменты, а также на живой и мертвый инвентарь. Исключением была только возможность возмездного отчуждения негодных или устаревших частей промышленных предприятий, притом каждый раз с разрешением ВСНХ. Само собою разумеется, что ВСНХ, как руководящий центр всего народного хозяйства, имел право передавать предприятия и их оборудование государственным учреждениям, объединениям и т. п. и, конечно, безвозмездно. Хотя это прямо не было предусмотрено в декрете об организации ВСНХ, но следует иметь в виду, что этот декрет был издан 15 декабря 1917 года, т. е. до национализации промышленности. Но и в этом декрете ВСНХ дано право проведения всех «мероприятий в области производства, распределения и государственных финансов»²⁾.

Успехи в решении задач новой экономической политики и достигнутые результаты в вытеснении капиталистических элементов, в значительной степени рассеяли те опасения, которые сдерживали возможность отчуждения каких-либо объектов из основных средств. Уже в 1926 году союзным законом от 11 июля из оборудования, не подлежащего отчуждению, были исключены живой инвентарь, предметы обзаведения (мебель и утварь) и инструменты³⁾. Соответственно этому в законодательстве союзных республик было изменено содержание 22-й статьи ГК. Вслед за этим в 1927 году издается союзный закон «О порядке возмездной и безвозмездной передачи имущества государственных учреждений и предприятий другим государственным учреждениям и предприятиям»⁴⁾. И название, и содер-

1) СУ, 1923 г., № 29 ст. 336.

2) СУ, 1917 г., № 5 ст. 83.

3) СЗ СССР, 1926 г., № 42, ст. 305.

4) СЗ СССР, 1928 г., № 2, ст. 13.

жание закона не оставляют никаких сомнений, что отчуждение государственного имущества, в том числе и из основных фондов (средства), принадлежащих государственным предприятиям, было возможно и на началах возмездности. Этот поворот в законодательстве можно объяснить стремлением обеспечить дальнейшее внедрение хозрасчета.

Надо заметить, что некоторое отступление от принципа безвозмездности в пользу расширения принципа возмездности, вызванное указанными соображениями, было обставлено рядом существенных ограничений, означавших по существу, далеко не свободную продажу государственных предприятий, зданий и сооружений. Что возмездность отчуждения связывалась с идеей хозрасчета видно из того, что закон предоставлял право возмездного отчуждения лишь государственным предприятиям и учреждениям, переведенным на хозрасчет, и не давал этого предприятиям и учреждениям, состоящим на государственном бюджете. При этом, если объединения, например, тресты могли передавать имущество как возмездно, так и безвозмездно, то предприятия непосредственно могли передавать имущество лишь возмездно. Иначе говоря, для предприятия единственным способом отчуждения являлся возмездный способ. При таком положении правовой режим основных и оборотных средств в известной мере начал нивелироваться. Очень скоро практика показала отрицательные стороны такой нивеллировки. Продажа предприятий и особенно оборудования предприятий стали весьма частыми явлениями в нашем обороте. Настоятельно требовались коррективы, которые законодатель не замедлил внести. Были созданы специальные организации (Реммаштрест, Металлолом), через которые эта продажа должна была производиться. Принцип возмездности, таким образом, сохранился, но порядок отчуждения в известной мере был урегулирован. И только 26 августа 1931 года постановлением СТО ¹⁾ было установлено, что все имущественные ценности (предприятия, склады и т. п.) передаются государственным органам друг другу безвозмездно, путем перечислений с баланса передающего государственного органа на баланс принимающего и зачисляются в уставный капитал последнего. Поколебленный законом от 21 декабря 1927 года принцип безвозмездности отчуждения основных средств во взаимоотношениях между государственными органами был в основном восстановлен. И теоретически, и практически это вполне себя оправдало. Однако надо заметить, что лишь постепенно шло восстановление этого единственного правильного принципа. Продажа, т. е. возмездное отчуждение продолжалось. Причем в известной степени это оправдывалось по-

¹⁾ СЗ СССР, 1931 г., № 56, ст. 365.

ниям и предприятиям. Причем это было незадолго до издания закона от 29 апреля 1935 г. Об этих фактах продажи домов постановлением СТО от 7-го июля 1932 года ¹⁾, в котором разъяснялось, что постановление СТО от 26 августа 1931 года применяется лишь в случаях передачи имущества по распоряжению вышестоящих органов. Из этого логически вытекало, что в остальных случаях отчуждение возможно по соглашению, и притом возмездно.

Арбитражная практика отмечала многочисленные случаи возмездного договорного отчуждения государственными органами основных средств. Органы Госарбитража могли судить об этом по спорам, возникавшим по поводу невыполнения обязательств по передачам. Но далеко не все случаи отчуждения были предметом рассмотрения Госарбитража, ввиду того, что споры по ним не возникали. Такое положение по мере проникновения плана во все поры хозяйственной жизни страны и особенно после кредитной реформы, когда правовой режим оборотных и основных средств (фондов) государственных предприятий был строго и четко разграничен, стало дальше нетерпимым. 29 апреля 1935 года ²⁾ издается союзный закон «О передаче государственных предприятий, зданий и сооружений». В этом законе установлено, что государственные предприятия, здания и сооружения не могут продаваться и приобретаться за деньги государственными органами друг у друга, а могут лишь передаваться от одного органа к другому. Этот закон правильно мотивируется тем, что государственные предприятия, здания и сооружения являются собственностью рабоче-крестьянского государства, т. е. что эти объекты имеют одного собственника в лице Советского государства.

По свидетельству А. В. Венедиктова ³⁾ одним из непосредственных поводов к изданию указанного закона послужил спор между трестом «Электроток» с Ленинградским отделом Коммунального хозяйства. Последний потребовал за переданное здание 6 миллионов рублей. Госарбитраж эту сумму присудил. Тогда трест «Электроток» обратился в Наркомтяжпром с жалобой, а последний вошел с представлением в Совнарком Союза. После этого и последовал закон от 29 апреля 1935 года. Следует заметить, что много таких случаев было и на Украине, в частности в Харькове, в связи с переходом столицы в Киев. Государственные учреждения, переезжавшие из Харькова в Киев, часто продавали свои дома другим государственным учрежде-

1) СЗ СССР, 1932 г., № 53, ст. 324.

2) СЗ СССР, 1935 г., № 28, ст. 221.

3) А. В. Венедиктов, государственная социалистическая собственность, 1948 г., стр. 406.

же стало известно Правительству СССР. Надо полагать, что такие факты были и в других городах. В результате и последовал закон, категорически запретивший такую практику и установивший лишь безвозмездный переход государственных предприятий, зданий и сооружений. Этот закон сыграл огромную роль в восстановлении единственно-правильного принципа взаимоотношений государственных органов по поводу перехода государственных предприятий, зданий и сооружений — принципа безвозмездности. Трудно переоценить значение этого закона. Не случайно С. Н. Братусь приводит этот закон в качестве яркого примера активной роли советского законодательства при выяснении роли советского права в развитии производственных отношений ¹⁾.

Вслед за этим законом было издано постановление Совнаркома СССР от 15 февраля 1936 г. «О порядке передачи государственных предприятий, зданий и сооружений» ²⁾. Это постановление не ограничилось лишь установлением порядка передачи, а еще раз сформулировало правило о том, что передача предприятий, зданий и сооружений государственными органами друг другу производится лишь безвозмездно. Таким образом принцип безвозмездности перехода основных фондов (средств) был подтвержден законодательным путем дважды в течение сравнительно короткого периода времени. Переход предприятий от одного госоргана к другому чаще всего вызывается задачей расширения инициативы и прав республиканских и местных органов власти, соображениями правильной организации производства и распределения, соблюдения режима экономии и т. д. В резолюции июльского (1955) г. Пленума ЦК КПСС мы читаем: «Продолжить работу по дальнейшей передаче в республиканское подчинение части предприятий союзной промышленности, находящихся на территории этих республик...» ³⁾. Эта линия получила полное одобрение на XX съезде КПСС ⁴⁾. А в настоящее время эта линия претворена в жизнь на основе закона «О дальнейшем совершенствовании организаций управления промышленностью и строительством», принятого 10 мая 1957 г. VII сессией, Верховного Совета СССР (четвертого созыва) «В настоящее время, читаем мы в этом за-

1) См. С. Н. Братусь, «О роли Советского права в развитии производственных отношений», М. 1954 г. стр. 18.

2) СЗ СССР, 1936 г., № 11, ст. 93.

3) Из резолюции июльского Пленума ЦК КПСС «О задачах по дальнейшему подъему промышленности, техническому прогрессу и улучшению организации производства», газета «Правда» от 14 июля 1955 года.

4) См. Н. С. Хрущев, Отчетный доклад Центрального Комитета Коммунистической партии XX съезду партии. Издательство «Правда», 1956 г., стр. 83.

коне, когда в нашей стране имеется более 200 тысяч промышленных предприятий и 100 тысяч строек, нельзя конкретно и оперативно управлять производствами из нескольких общесоюзных отраслевых министерств и ведомств. Назрела необходимость еще более расширить право союзных республик в области хозяйственного строительства, перенести центр тяжести оперативного руководства предприятиями и стройками на места, в экономические административные районы».

Передача предприятий, зданий и сооружений государственными органами друг другу производится безвозмездно, путем списания стоимости передаваемого имущества с баланса передающего органа на баланс принимающего органа. Причем действующие предприятия передаются с активом и пассивом, включая прибыли и убытки текущего года.

Существующий порядок безвозмездного перехода предприятий вместе с их оборудованием, т. е. средств производства, от одного государственного органа к другому полностью отражает особенность товарного производства в СССР: И эта экономическая особенность предопределяет правовую особенность таких объектов государственной собственности как предприятия, здания и сооружения. Правовая форма здесь адекватна экономической сущности. При переходе предприятия от одного государственного органа к другому оно рассматривается, как целостный объект. И действительно, (предприятие рассматривается не только в субъектном, и в объектно-правовом профиле. Это положение начинает получать в советской литературе все больше признания ¹⁾). Но нельзя не согласиться с В. К. Райхером ²⁾, что в книге А. В. Карасса заметна определенная гипертрофия объектного аспекта государственного предприятия, и это сказывается при рассмотрении ряда вопросов, в частности, вопроса о взаимоотношениях государственного предприятия с государством. Однако при переходе предприятия от одного государственного органа к другому такой объектный аспект предприятия вполне правомерен. Предприятие переходит как целостный объект. Именно такой аспект служит основанием для решения вопроса о судьбе прибылей и убытков предприятия за текущий год. Решение вопроса о переходе предприятия с активом и пассивом, включая прибыли и убытки, принятое в постановлении Совнаркома Союза от 15 февраля 1936 года и уточнен в инструкции Наркомфина СССР, Наркомюста СССР и Госарбитража при СНК СССР от 26 мая 1940 г. ³⁾, явилось

¹⁾ См. А. В. Карасс, Право государственной социалистической собственности, изд. АН СССР, 1954 г., стр. 60—61.

²⁾ Рецензия на книгу Карасса в журнале «Советское государство и право», 1955 г. № 1.

³⁾ Финансово-хозяйственный бюллетень, 1940г., № 8—10.

шагом вперед по сравнению с положением действовавшим ранее. В частности, в ранее действовавшей инструкции Наркомфина СССР от 1 декабря 1932 г. ¹⁾ предусматривалось, что прибыли и убытки за время до дня передачи, на каких бы счетах баланса они не числились, не подлежат передаче и остаются у передающей организации. Другое дело при переходе предприятия к кооперативному органу. В этом случае меняется форма собственности, переход осуществляется возмездно, а следовательно прибыль или убытки как результат деятельности в составе одного производственного сектора не могут быть переданы в состав другого производственного сектора. Только этим мы можем объяснить, почему один и тот же вопрос о судьбе прибылей и убытков при передаче предприятия решается по разному, при переходе объекта в пределах одного производственного сектора на базе государственной собственности или при переходе его в другой производственный сектор на базе кооперативно-колхозной собственности.

Установленный принцип безвозмездной передачи предприятий госорганами друг другу путем списания стоимости передаваемого предприятия с баланса передающей на баланс принимающей организации одинаково применим независимо от того, является ли предприятие действующим (передача на ходу) или недействующим ²⁾. В последнем случае последствия передачи менее сложны, так как здесь отсутствуют на момент передачи хозяйственные связи между передаваемым предприятием и третьими лицами-участниками гражданского оборота. Все же такие недействующие предприятия также имеют свои балансы и как действующие они переходят с активом и пассивом. В практике имели место случаи отказа от принятия балансов недействующих предприятий. Госарбитраж при Совете Министров СССР указал в своем инструктивном письме ³⁾, что такие отказы хозорганов от принятия передаточных балансов приводят к запутанности расчетов между принимающими и передающими организациями, к невозможности взыскания в ряде случаев дебиторской задолженности за пропуском срока исковой давности, и в результате этого увеличивались убытки передаваемых предприятий и наносился ущерб государству. Мы не останавливаемся на последствиях передачи предприятий. Эти

1) Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1932 г. № 56—57.

2) Пост. СНК СССР от 15 февраля 1936 г. в ст. 5 говорит о действующих предприятиях, но Инструкция от 5 мая 1940 г. распространила это и на недействующие предприятия.

3) Сборник инструктивных указаний государственного арбитража при Совете Министров СССР, выпуск I-М., 1955 г., стр. 257.

последствия по своей природе могут быть охарактеризованы как административно-правовые и как гражданско-правовые. Они касаются не только передающей и принимающей организаций, но и третьих лиц. ¹⁾ Решение вопроса о переходе государственных предприятий и о последствиях перехода имеет в своей основе принцип единства государственной собственности.

Только исходя из единства государственной собственности, можно объяснить, почему переход объектов государственной собственности как средств производства, так и других товаров от одного государственного органа к другому, не меняет собственника, и почему государство остается единым и единственным субъектом этой собственности. В плановом порядке перехода, точнее — распределения и перераспределения объектов государственной социалистической собственности, ярко проявляется единство фонда государственной собственности, субъектом которой является социалистическое государство в целом. Однако отсутствие смены собственников при переходе объектов государственной собственности от одного органа к другому не означает, что при этом не возникают какие-либо правомочия в отношении передаваемого имущества. Эти правомочия не переходят от органа, передающего имущество, они не переходят от государства, а лишь исходят от государства. Этим и объясняется, почему мы наблюдаем, сплошь и рядом, при переходе имущества государства, несоответствие между правомочиями переходящего и принимающего госорганов. Не может, например, Харьковский тракторный завод им. Орджоникидзе, имеющий право распоряжения тракторами, т. е. право передачи их другим государственным органам, в соответствии с утвержденными планами, осуществлять право пользования ими или передать их другим организациям для временного пользования. Завод имеет право распоряжения, но не имеет права пользования. Напротив, машинотракторная станция, к которой перешли тракторы от ХТЗ, имеет право ими пользоваться, но не имеет права ими распоряжаться. Эта юридическая «загадка» кажется странной с точки зрения правила о том, что никто не может передать другому больше прав, чем сам имеет. Но все дело в том, что ни ХТЗ, ни МТС права собственности на тракторы не имеют, хотя внешне на поверхности явлений, кажется, что они выступают как собственники. Между тем, право собственности принадлежит государству и только государству. Известно, что задача науки заключается в том, чтобы видимое, выступающее на поверхности явлений движение свести к действительному внутреннему движению. С этой точки зрения и следу-

¹⁾ Этот вопрос подробно освещен в книге А. В. Карасс «Право государственной социалистической собственности», изд. АН СССР, 1954 г., стр. 142—145.

ет анализировать правомочия государственных предприятий. Только в этом свете можно объяснить статью 5 Положения о государственных промышленных трестах, в которой сказано, что трест «владеет, пользуется и распоряжается имуществом»¹⁾. То же самое можно сказать и о постановлении СТО от 23 июля 1931 г. об оборотных средствах государственных объединений трестов и других хозяйственных организаций²⁾, в котором несколько раз встречается формулировка: «Собственные оборотные средства государственных объединений, трестов и других хозяйственных организаций». Однако эти формулировки выражают лишь внешнюю сторону явлений, не затрагивая внутренней его стороны. Следовательно правильное определение их места и значения в социалистическом обществе возможно только с точки зрения их существа, а не формы, т. е. с точки зрения глубинных процессов развития, а не поверхностных явлений.

Точно также, если подойти к некоторым формулировкам закона с точки зрения поверхностных явлений, можно прийти к неправильному выводу о противопоставлении правомочий государственных органов как quasi собственников правомочиям государства в целом как действительному собственнику.

На самом же деле «Государство остается не только собственником, но и хозяйствующим субъектом.... Государство является владельцем основных средств производства и транспорта». ³⁾ Такая характеристика правомочий социалистического государства встречается многократно в решениях партийных съездов, конференций и т. д.

То, обстоятельство, что советское государство названо владельцем, не означает, что речь идет лишь об одном правомочии — владении, ибо тут же подчеркивается, что государство является собственником, и что право государства распоряжаться своим достоянием остается неограниченным. ⁴⁾

Следует заметить, что в работах классиков марксизма-ленинизма мы часто находим употребление понятия владения для обозначения собственности. Так, В. И. Ленин, намечая «Основные положения, декрета о продовольственной диктатуре»⁵⁾, пишет о «владельцах хлеба», имея, конечно, в виду собственников хлеба.

1) СЗ СССР, 1927 г., № 39, ст. 392.

2) СЗ СССР, 1931 г., № 46, ст. 316.

3) КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК, часть I, изд. 7, 1954 г. стр. 692—693.

4) См. КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и Пленумов ЦК, часть I, изд. 7, 1954 г., стр. 694.

5) В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 321.

И у Маркса мы встречаем термин «владелец» для обозначения собственника. Например, «владелец денег шевстует впереди как капиталист, владелец рабочей силы следует за ним как его рабочий...»¹⁾ Совершенно очевидно, что Маркс имеет в виду в обоих случаях собственников: в первом — собственника капитала, во втором — собственника рабочей силы.

Указание о том, что государство владеет орудиями и средствами производства имеет глубокий смысл в том отношении, что государство, являясь собственником, со всеми присущими собственнику правомочиями, не переуступает никому и владения. Государство остается и владельцем. Правомочия государственных предприятий не отделимы от правомочий государства, а правомочия последнего не отделимы от правомочий его органов. Правомочия отдельных государственных предприятий есть проявление правомочий государства в целом. Когда государственное предприятие использует по плановому назначению имущество, это значит, что государство в целом осуществляет пользование; когда государственный орган, на основании действующих правил, распоряжается имуществом, это значит, что государство в целом осуществляет распоряжение. Но из этого не следует, что право собственности принадлежит и государственным органам — каждому в отдельности наряду с правом собственности государства в целом.

В этом смысле мы считаем непоследовательным утверждение А. В. Карасс, который правильно подчеркивает непротивопоставимость правомочий госорганов правомочиям государства, но вместе с тем, рассматривает владение госорганов как «производное от права государственной социалистической собственности»²⁾. Утверждение о производном характере владения госорганов от права собственности государства подчеркивает лишь связь, но не единство. Мы, например, отмечаем производный характер личной собственности от социалистической собственности. Это значит, что личная собственность тесно связана с социалистической собственностью, что она с ней однотипна и не противостоит ей как антипод, но это вовсе не значит, что личная собственность это то же, что и социалистическая собственность.

Тезис о производном характере владения госорганов (предприятий) созвучен известному некоторым буржуазным кодифи-

1) Капитал, т. 1, изд. 1951 г., стр. 183.

2) А. В. Карасс, Единство государственной социалистической собственности и правосубъектность государственных предприятий и хозорганов «Советское государство и право», 1952 г., № 2, стр. 30.

кациям 1) делению владения на непосредственное и посредственное, самостоятельное и несамостоятельное. Этого деления нет, и не может быть в советском социалистическом гражданском праве применительно к его центральному институту к государственной социалистической собственности.

А. В. Венедиктов тоже склоняется к делению владения имуществом государства на посредственное и непосредственное, ибо, по его мнению, государство «не может непосредственно владеть» 2). Получается, что государство лишь идеально, а не реально, владеет своим имуществом, реально же владеют только госорганы. Получается, что право владения государства это лишь абстракция, лишенная конкретного содержания. Такая трактовка владения государственным имуществом вполне согласуется с концепцией юридического лица, предложенной автором, согласно которой коллектив рабочих и служащих является реальным носителем особых интересов и самостоятельной воли, отличных от интересов и воли государства. И то и другое колеблет представление о едином и единственном собственнике — советском государстве, как действительном субъекте государственной социалистической собственности. По концепции А. В. Венедиктова выходит, что государству остается лишь какой-то мистический «сгусток» собственности, а у государственных предприятий имеются свои особые, при том реальные права, отличные от прав социалистического государства в целом. Между тем, известно, что государственные предприятия не являются собственниками и все правомочия собственника, вся полнота права собственности остается у государства. Еще в апреле 1918 г., когда национализация коснулась лишь отдельных предприятий, В. И. Ленин требовал безусловной и беспощадной борьбы против синдикалистского отношения к национализированным предприятиям. 3). А XII съезд партии подчеркнул, что «государство должно видеть в трестах и других объединениях свои служебные органы...» 4)

Назначение имущества, передаваемого одним госорганом другому, согласно планов, преподанных советским государством, имеет существенное значение для решения вопроса о возмездности или безвозмездности перехода этого имущества. Достаточно указать, например, на продукцию любого машиностроительного завода. Произведенная, например, Харьковским

1. § 868 Германского гражданского Уложения. § 920 Швейцарского гражданского Уложения.

2) А. В. Венедиктов, государственная социалистическая собственность, изд. А. Н. СССР, 1948 г., стр. 340.

3) См. В. И. Ленин, Соч., т. 27, стр. 287.

4) КПСС в резолюциях и решениях съездов конференций и Пленумов ЦК, часть I, изд. 7, 1954 г., стр. 691.

электромеханическим заводом электроаппаратура не предоставляет для него средств производства, но эта же аппаратура, отчужденная другому заводу, заводу-потребителю превращается в средства производства, ибо «одна и та же потребительская стоимость,—по замечанию Маркса,—выйдя в качестве продукта из одного процесса труда, входит в другой в качестве средства производства»¹⁾. Содержание государственной собственности может быть полностью раскрыто отнюдь не путем раскрытия содержания правомочий госорганов. Конечно, право устанавливает различный режим для отдельных объектов государственной собственности. Но из этого не следует, что советское социалистическое государство имеет неодинаковое право на все объекты собственности. Следует исходить из единственно правильного, принципиального положения о том, что государство обладает юридически и фактически всем комплексом правомочий всей полнотой прав принадлежащих собственнику. Правомочия же государственных органов, как было замечено, исходят только от государства в целом. Это относится и к владению, пользованию и распоряжению. Что касается права распоряжения госорганов, по уполномочию государства, то оно не может быть сведено к традиционному представлению о праве распоряжения как о возможности «совершения различных возмездных и безвозмездных сделок, имеющих своим объектом именно эту вещь»²⁾. Очевидно такое традиционное представление о праве распоряжения приводит А. В. Венедиктова к мысли о том, что право распоряжения госоргана отличается двумя специфическими особенностями: первая—это ограничение в возможности отчуждения объектов, находящихся в оперативном управлении госоргана; вторая—право распоряжения этими же объектами принадлежит не только данному госоргану, но и всем вышестоящим органам, начиная с Президиума Верховного Совета СССР, кончая отделами местных Советов.³⁾

А. В. Венедиктов приводит немало фактического материала в обоснование тезиса об ограничениях в праве распоряжения госорганов объектами государственной собственности. Так, например, приводится закон от 29 апреля 1935 г. «О передаче государственных предприятий, зданий и сооружений»⁴⁾. Указ от 10 февраля 1941 г. «О запрещении продажи, обмена и отпуска на сторону оборудования и материалов и об ответственности по суду за эти незаконные действия⁵⁾ и другие норматив-

1) К. Маркс, Капитал, том 2, изд. 1950 г., стр. 156:

2) Шершеневич, Учебник русского гражданского права, 1911 г., стр. 256.

3) А. В. Венедиктов, Гос. соц. собственность, изд. АН СССР, 1948 г., стр. 341—343.

4) СЗ СССР, 1935 г., № 28, ст. 221.

5) Этот Указ в настоящее время не действует, он отменен указом Президиума Верховного Совета СССР 16 мая 1955 г.

ные акты. Но все эти и другие нормативные акты отличаются совершенно определенной целенаправленностью — стремлением обеспечить реализацию планового назначения тех или иных объектов государственной социалистической собственности. Нельзя же, в самом деле, рассматривать запрещение незаконных действий, а равно и действий, направленных против планового начала, как ограничение права или инициативы управомоченного лица. Всякое осуществление права предполагает возможность совершения лишь законных действий и невозможность совершения незаконных действий. Под осуществлением права надо понимать такое поведение, такие действия управомоченного лица, которые соответствуют содержанию самого права. Все то, что выходит за эти пределы, все то, что не соответствует содержанию права, представляет либо нарушение права, либо злоупотребление правом. Поэтому нельзя рассматривать запрещение незаконных действий, а равно и действий, идущих в разрез с принципом плановости как ограничение права распоряжения государственными органами. Мы считаем неправомерной постановку вопроса о том, какие именно элементы права собственности, и в каком объеме, переходят от государства к государственным органам при переходе в их оперативное управление объектов государственной собственности.

Через госорганы — через государственные предприятия и через госбюджетные учреждения, независимо от различия их организационных и правовых форм, советское государство осуществляет свое суверенное право государственной социалистической собственности, включая все правомочия — владение, пользование и распоряжение. Можно говорить о разнообразии форм, используемых социалистическим государством при осуществлении своего права собственности. Но это разнообразие не парализует самое существенное — единство в основном и в самом главном. Советское социалистическое государство, осуществляющее единство политического и хозяйственного руководства, создает свои органы, в частности предприятия, как не связанные с «казною» юридические лица, и с помощью правовых норм определяет поведение этих органов. Среди этих норм мы находим и такие, которые запрещают совершать противозаконные, внеуставные и внеплановые сделки. Но этим вовсе не исчерпывается содержание правовых норм, правовые нормы содержат и положительные указания о мере возможного поведения. Например, в Основных условиях поставки строительных материалов, утвержденных Советом Министров СССР 21 февраля 1950 г. ¹⁾ указывается, что потребитель, т. е. подрядная

¹⁾ Промиздат, М., 1950 г.

строительная организация, обязан использовать строительные материалы, техническое оборудование и другие изделия по прямому назначению и что передача излишней продукции разрешается лишь в порядке, установленном законом. Разве предписание использовать строительные материалы и оборудование, т. е. средства производства «по прямому назначению» есть ограничение права? Напротив, это напоминание уполномоченным советского государства о содержании права, в осуществлении которого они участвуют, напоминание о плановом и целевом назначении приобретаемого или отчуждаемого имущества. Именно потому, что правомочия госоргана неотделимы от правомочий государства как собственника, нам представляется, что госорган выполняет вместе с тем лежащие на нем обязанности определяемые в общих чертах уставом или положением о нем и уточняемые утвержденным плановым заданием. Уклонение от выполнения возложенных на госорган обязанностей чревато невыгодными для него административно-правовыми и гражданско-правовыми последствиями, вплоть до прекращения его деятельности (ст. 18 ГК). Следовательно, содержание оперативного управления госорганов раскрывается и через те обязанности, выполнение которых составляет смысл образования и бытия госоргана, как самостоятельного субъекта права. Когда госорган отчуждает имущество, он осуществляет право государства как собственника, который имеет право отчуждения. Госорган выполняет тем самым и лежащую на нем обязанность по передаче имущества. Эта сторона вопроса, возможно из опасения упрека в догматизме, часто игнорируется при обсуждении проблемы государственной собственности. ¹⁾

Критикуя положения, выдвинутые А. В. Венедиктовым, Я. Ф. Миколенко тоже допускает неточность в характеристике правомочий государственных органов по управлению объектами государственной социалистической собственности. Так, он пишет: «Только многозначностью понятия «собственность» можно объяснить надлежащим образом, почему наше законодательство считает собственниками и государственные юридические лица в отношении закрепленных за ним имуществ, несмотря на то, что единым и единственным собственником тех же имуществ является государство» ²⁾. Это утверждение не со-

¹⁾ Надо отметить, что в книге В. Кнаппа «Собственность в странах народной демократии» при освещении вопроса о правомочиях народных предприятий значение обязанности подчеркнуто довольно сильно.

²⁾ Я. Ф. Миколенко, Государственные юридические лица в Советском гражданском праве, журн. «Сов. гос. и право», 1951 г., № 7, стр. 51. Это же положение Я. М. Миколенко развивает в своей новой работе «Учебно-методическое пособие по курсу «Советское гражданское право», М.—1955 год, стр. 70.

гласуется с приведенным уже указанием о том, что наши предприятия не являются собственниками орудий производства и выступают лишь как служебные органы государства.

Встречающиеся в различных нормативных актах выражения «собственные средства», «собственное имущество» и т. п. государственных предприятий вовсе не означают признание этих предприятий собственниками, а лишь свидетельствуют о закреплении частей единого фонда государственной социалистической собственности за органами государства, какими и являются государственные предприятия.

Таким образом, отчуждение имущества, безразлично — средств производства или других ценностей, госорганами друг другу не переносит права собственности от отчуждателя к приобретателю.

Исключает ли единство государственной социалистической собственности возмездность отношений при переходе объектов этой собственности от одного государственного органа к другому и предполагаются ли эти отношения безвозмездными?

Ответ на поставленные вопросы может быть дан только дифференцировано с учетом действия закона стоимости, с учетом действия закона планомерного развития народного хозяйства, с учетом правового режима отдельных фондов государственной собственности, принадлежащих государству в целом, но закрепленных за отдельными его органами для выполнения плановых заданий и находящихся, следовательно, лишь в оперативном управлении этих органов.

Конкретная историческая обстановка, конкретные условия классовой борьбы на том или ином этапе социалистического строительства также оказывают свое влияние на решение поставленных вопросов.

Классификация объектов государственной собственности (средств производства и других ценностей) в советском социалистическом гражданском праве в целом выходит за пределы нашего исследования. Из принятой, хотя и спорной, ¹⁾ классификации имущества нас, прежде всего, интересует вопрос о различии основных и оборотных фондов (средств).

Разграничение основных и оборотных фондов (средств), их понятие, содержание, да и самый термин «основные и оборотные фонды (средства)» в советском праве выкристаллизовались не сразу.

Надо иметь в виду, что указание Маркса о делении средств производства на средства труда и предметы труда сохраняет

¹⁾ См. А. В. Дозорцев. Объекты права государственной социалистической собственности, «Советское государство и право» 1949 г., № 1; А. В. Карасс, Право государственной социалистической собственности, изд. АН СССР, 1954 г., стр. 30—31.

принципиальное значение и для социалистического хозяйства. Маркс писал, «что экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем как производится, какими средствами труда. Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд»¹⁾. Маркс прямо указывал, что «средства производства во всяком процессе труда, при каких бы общественных условиях он не совершался, всегда разделяются на средства труда и предмет труда».²⁾

Следовательно, указанное разграничение сохраняет силу для всех общественных формаций, в том числе и для социализма. Это разграничение, проводимое в экономической науке, имеет свою правовую характеристику. Оно получило законодательную регламентацию в действующем советском праве. Уже в первом декрете о трестах от 10 апреля 1923 г.³⁾ уставный капитал треста разделяется на основной и оборотный (ст. 16). Конечно, термин, употребляемый в этом декрете (капитал), не критически позаимствован и не является для нас приемлемым, однако критерий, установленный декретом от 10 апреля 1923 г. для разграничения основных и оборотных фондов (средств) следует признать правильным. К основным — относится имущество, которое не уничтожается целиком в одном акте производства, как-то: фабричные и другие строения, машины, оборудование, инструменты, живой и мертвый инвентарь и т. п. К оборотным — относятся деньги, ценные бумаги, продукция, а равно все предметы, которые могут быть только однажды использованы в процессе производства, как-то: топливо, сырье, разные материалы и т. п. Положение о трестах от 29 июня 1927 г.⁴⁾ не упоминает о делении уставного капитала треста на основной и оборотный. Но от этого фактическое и юридическое положение различных частей уставного капитала не изменилось. Неупоминание об этом в Положении может расцениваться нами лишь как пробел в законе. Из некоторых статей этого Положения явствует, что составители его действительно упустили из виду принятое деление на основные и оборотные средства.

Хотя Положение о трестах от 29 июня 1927 года заменило декрет о трестах от 10 апреля 1923 года, однако критерий разграничения основных и оборотных средств, установленный этим декретом от 10 апреля 1923 г. выдержал испытание временем и только спустя много лет был внесен некоторый корректив в это разграничение Положением о бухгалтерских отчетах.

1) К. Маркс, Капитал, том 1 изд. 1951 г., стр. 200.

2) К. Маркс, Капитал, том 2 изд. 1950 г., стр. 157.

3) СУ РСФСР, 1923 г., № 29, стр. 336.

4) СЗ СССР, 1936 г., № 42, стр. 359 и 360.

утвержденным СНК СССР 29 июля 1936 г.¹⁾ В частности, к оборотным средствам отнесены все предметы, служащие менее одного года независимо от их стоимости, а также и предметы, независимо от срока службы, стоимость которых не превышает 200 рублей. Это Положение не дает нам исчерпывающего перечня, но существенно дополняет то разграничение, которое проведено в первом законе о трестах. Этот же критерий подтвержден затем в 1940 году в Инструкции Наркомфина СССР, Надкомюста СССР и Госарбитража при СНК СССР от 26 мая 1940 года «О порядке расчетов между государственными органами при передаче предприятий, зданий и сооружений»²⁾, изданной на основании постановления СНК СССР от 5 мая 1940 г. № 66³⁾.

В связи с введением с 1 января 1952 г. нового Положения о бухгалтерских отчетах и балансах лимит стоимости предметов, относимых к оборотным фондам (средствам) увеличен с 200 до 300 рублей за единицу⁴⁾. Конечно, сам по себе ценностный признак предмета определен весьма условно, с целью облегчения учета, так как по своему характеру и назначению предмет, стоимость которого составляет и менее 300 рублей, может быть вполне отнесен к основным фондам (средствам), поскольку, например, он не уничтожается в одном акте производства. Постановлением Совета Министров СССР от 9 августа 1955 г. «О расширении прав директоров предприятий»⁵⁾ предусмотрено, в частности, право директоров предприятий приобретать инвентарь и оборудование стоимостью до 500 руб. за единицу за счет оборотных средств. Ясно, что купленные инвентарь и оборудование, если они не уничтожаются в одном акте производства, будут отнесены к основным, а не оборотным фондам, хотя они и приобретены за счет оборотных средств. Эта классификация фондов (средств) содержит в себе известный элемент условности. Еще Маркс указывал, что одни и те же вещи образуют составную часть оборотного или основного капитала в зависимости от того, какую функцию выполняют они в процессе труда. В качестве примера Маркс приводит скот (рабочий скот и скот, откармливаемый на убой). Больше того, одна и та же вещь может функционировать как составная часть производительного капитала или относиться к фонду непосредственного потребления (например, дом)⁶⁾.

1) СЗ СССР, 1936 г., № 42, стр. 359 и 360.

2) Арбитраж в советском хозяйстве. М., 1948 г., стр. 406.

3) СП СССР, 1940 г., № 15, стр. 364.

4) См. Переслегин, «Новое положение о бухгалтерских отчетах и балансах», Журн. «Деньги и кредит», 1952 г., № 2, стр. 43.

5) См. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР по вопросам промышленности и строительства. Госполитиздат, 1956 г., стр. 41.

6) К. Маркс, Капитал, т. II, изд. 1950 г., стр. 199.

Указанное деление на основные и оборотные фонды (средства), как было замечено, «призвано не только в экономической, но и юридической литературе»¹⁾

Но в советской юридической литературе сделана попытка отрицать самое деление основных и оборотных фондов с точки зрения юридических признаков. А. В. Дозорцев²⁾ не обнаруживает таких юридических признаков, которыми обладают основные и не обладают оборотные средства. Получается, что деление, которое бесспорно признано в экономической науке, отрицается для юридической науки.

Действительно ли юридическая наука и действующее право не дают никаких признаков для проведения демаркационной линии между основными и оборотными фондами? Ближайшее ознакомление с конкретным материалом, с многочисленными законодательными актами, с судебной и арбитражной практикой убеждают нас в необоснованности отрицания деления объектов государственной собственности на основные и оборотные фонды (средства) с точки зрения юридических признаков. Достаточно указать на различный правовой режим основных и оборотных фондов, на различные способы образования этих фондов; на различие действий, совершаемых госорганами в отношении этих фондов, на доступность одних и недоступность других к обращению взыскания по претензиям кредиторов, на возмездность, в одном случае перехода, и безвозмездность, в другом случае перехода объектов государственной собственности из состава различных фондов.

Другое дело, что все эти и другие юридические признаки не всегда регулируются и нормируются лишь гражданским правом. Но уже давно замечено, что институт государственной собственности является всеобъемлющим институтом советского права, полное исследование которого не вмещается в рамки только гражданского права³⁾. Общественные отношения, регулируемые правом настолько сложны и многогранны, что далеко не всегда можно определенно сказать, что то или иное общественное отношение регулируется лишь той или иной отрас-

1) Попутно отметим, что в связи с ростом наших предприятий и в связи с наметившейся тенденцией к расширению прав директоров предприятий, следовало бы пересмотреть ценностный признак для определения предметов, относящихся к оборотным средствам.

2) А. В. Дозорцев, указанная статья, там же, стр. 59.

3) См. доклад И. С. Перетерского на заседании сектора гражданского права Института права Академии Наук СССР на тему: «Способы возникновения государственной социалистической собственности», Ж. Советское государство и право, № 12, 1948 г., стр. 55.

лю права. И это, прежде всего, относится к государственной социалистической собственности. Что же касается тех отличительных юридических признаков, которые характеризуют основные фонды (средства) и; вместе с тем, в некоторой степени обнаруживаются в оборотных фондах (средствах) и, наоборот, то это вообще характерно для гражданского права, в котором редко можно встретить правило без исключений. Известно, что исключение не только не колеблет правило, но его подтверждает. А. В. Дозорцев в обосновании своего тезиса об отсутствии юридических признаков, по которым проводится разграничение между основными и оборотными фондами (средствами) приводит ряд примеров, в том числе и передачу и продажу излишних материалов (оборотные средства), которые производятся в том же порядке как и продажа и передача излишнего, ненужного оборудования (основные средства). Действительно, до недавнего времени это было так. А в настоящее время есть особенности в реализации оборудования и транспортных средств и в реализации материалов. Но независимо от этого следует ли отсюда, что снимается вообще различие между основными и оборотными средствами. Нельзя же свойства, присущие лишь незначительной части явления, распространять на все явления и делать отсюда определенные выводы и обобщения.

Нельзя, думается нам, сравнивать часть основных средств — ненужное и излишнее оборудование, которое составляет ничтожную долю в народном хозяйстве, — с основными средствами наших предприятий в целом, являющимися материально-технической базой нашей социалистической промышленности и социалистического сельского хозяйства.

Деление имущества, находящегося в ведении государственных предприятий, на основные и оборотные фонды (средства) получило признание в нашем праве давно и вряд ли есть основание для иного решения вопроса.

Основные фонды (средства), составляющие главную материально-техническую базу государственной промышленности и сельского хозяйства, закрепляются с определенной хозяйственной целью за отдельными государственными органами в порядке планово-регулирующей деятельности государства и переходят от одного органа к другому как правило безвозмездно. От первых декретов Советской власти идет линия развития нашего законодательства с совершенно ясной и определенной тенденцией. Мы бы не согласились с утверждением С. Н. Братуся, что возмездный переход предприятий, зданий и сооружений лишь претерпевал сначала известные ограничения, а затем вообще был запрещен во взаимоотношениях между государствен-

ными органами. Ссылка «на законодательство, обеспечившее сначала сокращение, а затем и полное исключение из сферы экономического оборота на началах возмездности государственных зданий, сооружений и предприятий в тех случаях, когда участниками этого оборота являются государственные организации» ¹⁾ недостаточно аргументирована. Приведенный выше анализ убеждает нас в том, что наше законодательство с самого начала заняло совершенно определенную позицию по этому вопросу. Нет оснований считать, что только с 1935 года, как полагает С. Н. Братусь, принцип безвозмездности получил признание в нашем законодательстве при переходе предприятий, зданий и сооружений между государственными органами. И до 1935 г. предприятия, здания и сооружения, т. е. средства производства, принадлежавшие государству, не продавались, а распределялись единым собственником—социалистическим государством между его органами.

Принцип единства фонда государственной социалистической собственности выдержал испытание временем на протяжении 40 лет существования первого в мире социалистического государства. И на данном этапе строительства коммунизма этот принцип является одним из основных в системе советского права. Он предопределяет решение целого ряда как теоретических, так и практических вопросов.

¹⁾ С. Н. Братусь о соотношении экономических и юридических законов при социализме, «Советское государство и право» № 11, 1952 г., стр. 21.

В. М. АЛЬБОВ.
Кандидат юридических наук.

РАЗВИТИЕ СУДЕБНОГО НАДЗОРА В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРОЦЕССЕ.

Новое советское социалистическое государство, построенное в результате Великой Октябрьской Социалистической революции, уничтожившей гнет эксплуататорских классов, создало новый революционный порядок, новую законность, новый суд, новый процесс.

Новое советское социалистическое государство создало также целую систему обеспечения законности во всех отраслях его деятельности, в том числе судебный надзор, как способ обеспечения законности в области правосудия.

Обеспечение законности в области правосудия осуществляется при помощи кассационно-ревизионной проверки судебных постановлений, при помощи пересмотра судебных решений по вновь открывшимся обстоятельствам и при помощи пересмотра судебных постановлений, вступивших в законную силу, в порядке судебного надзора.

Судебный надзор за законностью постановлений органов суда отличается от других способов обеспечения законности в советском государстве тем, что он проводится методом правосудия в отношении вошедших в законную силу судебных постановлений как с целью исправления этих постановлений, так и с целью направления деятельности судебных органов по пути, соответствующему задачам советского государства, идущего к коммунизму.

Судебный надзор рассматривается в этой статье в его развитии и в сопоставлении с развитием судебного надзора в РСФСР, так как правотворческая деятельность на Украине развивалась под воздействием опыта братской РСФСР первого в мире советского государства.

1. Судебный надзор в период борьбы за упрочение советской власти и начала осуществления ленинского плана мирного социалистического строительства (ноябрь 1917—1918 г.г.).

В этот период советское социалистическое государство вступило в первый основной исторический этап своего развития, содержанием которого была борьба за закрепление победы пролетарской революции, за упрочение Советской власти и осуществление ленинского плана приступа к социалистическому строительству.

В первые же дни советской власти для обеспечения строжайшего революционного порядка по почину трудящихся масс начали создаваться революционные суды народа.

В статье: «Очередные задачи советской власти» (март—апрель 1918 г.) В. И. Ленин писал: «Революционные массы после октября 1917 г. вступили на верный путь и доказали жизнённость революции, начав устраивать свои, рабочие и крестьянские суды, еще до всяких декретов о роспуске буржуазно-бюрократического судебного аппарата». ¹⁾

Трудящиеся массы революционного народа прекрасно понимали, что старые суды буржуазии и помещиков не могут по самой своей природе, как органы государства эксплуататоров, обеспечить охрану строжайшего революционного порядка. Они отлично понимали, что для этой цели им нужен свой суд, суд рабочих и крестьян.

24 ноября 1917 г. в № 17 газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства ²⁾ был опубликован декрет о суде № 1, подписанный В. И. Лениным. Этот декрет узаконил упразднение мировых судей и других судебных установлений, существовавших до Октябрьской революции, и замену их судами новыми, судами государства рабочих и крестьян способными стать на страже строжайшего революционного порядка.

В развитие и дополнение декрета о суде № 1 через три месяца был издан также подписанный В. И. Лениным декрет о суде № 2, опубликованный в той же газете рабочего и крестьянского правительства № 29 от 21 февраля 1918 г. ³⁾

Ст. 6 этого декрета предусматривала учреждение Верховного Судебного Контроля.

Принципы организации деятельности этого Верховного Судебного Контроля не были указаны в декрете. Целью деятельности Верховного Судебного Контроля ставилось достижение единообразия кассационной практики путем вынесения принци-

¹⁾ В. И. Ленин. Соч. т. 27 стр. 236.

²⁾ СУ РСФСР 1917 г., № 14, ст. 50.

³⁾ СУ РСФСР 1918 г., № 26, ст. 347.

пиальных руководящих решений, обязательных для кассационных инстанций.

Согласно той же ст. 6 декрета о суде № 2 Верховный Судебный Контроль в своей контрольной деятельности должен был руководствоваться действующими законами и народным правосознанием, другими словами, Верховный Судебный Контроль должен был контролировать судебную деятельность с точки зрения ее соответствия задачам охраны строжайшего революционного порядка.

Верховному Судебному Контролю было вменено в обязанность :

1) Отмечать противоречия в толковании законов различными кассационными инстанциями и выносить принципиальные решения, «которые кассационными инстанциями принимаются впредь к руководству».

2) Обнаруживать противоречия между действующим законом и народным правосознанием и делать представления законодательным органам о необходимости издания нового соответствующего закона, устраняющего эти противоречия.

Решения Верховного Судебного Контроля могли быть отменены только законодательным органом Советской власти.

Институт Верховного судебного контроля только намечался и содержание его было определено далеко не полно. Не были указаны основания к отмене решения в порядке контроля. Судебный орган, предназначенный для осуществления контрольного производства, хотя и был указан под названием «Верховный Судебный Контроль», но полномочия его были ограничены только дачей руководящих указаний и не предусматривали отмены и изменения постановлений суда. Не был определен также и порядок рассмотрения дел в судебно-контрольных органах.

В развитие и дополнение двух первых декретов о суде был издан подписанный В. И. Лениным декрет о суде № 3, опубликованный в Известиях ВЦИК РСФСР № 152 от 20 июля 1918 г. 1) Этот декрет заменил Верховный Судебный Контроль Кассационным Судом в Москве, который однако не был организован и не получил развития.

На Украине в этом периоде, в связи с тем, что Советская власть была здесь установлена в масштабе всей страны только в конце декабря 1917 г.—январе 1918 г., а весной 1918 г. УССР была уже оккупирована германскими империалистами, вопрос о судебном надзоре еще не получил разрешения.

2. Судебный надзор в период иностранной военной интервен-

1) СУ РСФСР 1918 г., № 52 ст. 589.

ции и гражданской войны (июль 1918—1920 гг.). Разрешение политических задач, стоявших перед советской страной в период иностранной военной интервенции и гражданской войны, диктовало такое направление законодательной деятельности Советской власти, в том числе и в области гражданского процесса, чтобы это законодательство содействовало полной победе в гражданской войне и над иностранными военными интервентами.

В отличие от положения о народном суде РСФСР от 30 ноября 1918 г., не упоминавшем об органе судебного надзора. ¹⁾ положение о народном суде от 21 октября 1920 г. в примечании к ст. 84 указывало, что право высшего контроля над приговорами и решениями народных судов и советов народных судей принадлежит Народному Комиссариату Юстиции и определяется особым положением. ²⁾

Такое положение о высшем судебном контроле в РСФСР в рассматриваемом периоде однако не было издано.

В УССР и в этом периоде организация судебного контроля еще не была предусмотрена законодательством, но необходимость существования такого контролирующего и руководящего судами органа вполне сознавалась правительством.

Это видно из того, что 8 марта 1919 г. Наркомюст Украины опубликовал в Известиях циркуляр, возлагавший на юридические отделы Губисполкомов обязанность наблюдения за закономерностью приговоров и решений подведомственных им судебных установлений.

На юридические отделы Губисполкомов возлагалась обязанность следить самым тщательным образом за закономерностью и правильностью вынесенных приговоров и решений и единообразным толкованием законов в духе советского законодательства и социалистического правосознания.

Юридическому отделу поручалось, в случае, если после завершения производства по делу, т. е. по теперешней терминологии, после вступления решения в законную силу), он усмотрит в судебном решении или приговоре отступление от декретов Советской власти, от духа советского законодательства или принципов социалистического правосознания, входить с соответствующим представлением в Народный Комиссариат Юстиции.

В составе Народного Комиссариата Юстиции постановлением ВУЦИК УССР, опубликованным в Известиях от 17 апреля

1) СУ РСФСР 1918 г., № 85, ст. 889.

2) СУ РСФСР 1920 г., № 83, ст. 407.

1919 г.¹⁾), был учрежден Верховный Судебный Контроль (IX отдел), который действовал наряду с десятым отделом НКЮ—Верховным Кассационным Судом, учрежденным для рассмотрения жалоб на приговоры революционных трибуналов.

В задачу Верховного Судебного Контроля входило осуществление надзора за правомерностью решений, выносимых судебными органами УССР.

Основания отмены и изменения судебных постановлений не были указаны ни в РСФСР, ни в УССР. Однако основания для возбуждения контрольного производства в УССР были указаны—это обнаруженные юридическими отделами Губисполкомов в судебных постановлениях отступления от декретов советской власти, духа советского законодательства или принципов социалистического правосознания.

Судебным органом, предназначенным для осуществления контрольного производства, также, как и в первом периоде, считался Верховный Судебный Контроль, причем объем его полномочий в РСФСР вообще не был определен, а в УССР по прежнему ограничивался главным образом дачей судебным учреждением руководящих разъяснений и указаний. Этим разъяснениям придавалась обязательная сила.

Порядок рассмотрения дел в судебно-контрольных органах также, как и в первом периоде, не был определен, если не считать в УССР права Верховного Судебного Контроля производить периодические и чрезвычайные ревизии делопроизводства и всей деятельности судебных учреждений и права требовать от них сведений о делах.

Также, как и в первом периоде, Верховный Судебный Контроль в достаточной мере не был осуществлен на практике, чему мешала военная обстановка тяжелой, но победоносной гражданской войны против интервентов и белогвардейцев.

3. Судебный надзор в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.). Разрешение задач, стоящих перед Советской страной в период восстановления народного хозяйства (1921—1925 гг.) вызвало необходимость решительного укрепления социалистической законности. В. И. Ленин указывал: «Чем больше мы входим в условия, которые являются условиями прочной и твердой власти, чем дальше идет развитие гражданского оборота, тем настоятельнее необходимо выдвинуть твердый лозунг осуществления большей революционной законности...» (В. И. Ленин. Соч. изд. 4, т. 33, с. 151). В этом направлении развивается наше законодательство, в том числе и гражданско-процессуальное.

¹⁾ СУ УССР 1919 г., № 37, ст. 443.

Рассматриваемый период ознаменовался окончательным построением института судебного надзора в нашем праве и широким внедрением его в нашу судебную практику.

Задача судебного надзора осталась неизменной. Она вполне соответствовала задачам, которые Коммунистическая партия и под ее руководством вся Советская страна успешно разрешала в области восстановления народного хозяйства. Об этом свидетельствует направление судебной практики, осуществлявшейся как Народным Комиссариатом Юстиции по Отделу судебного контроля, так и Верховным Судом в порядке судебного надзора. Судебная практика того периода свидетельствует, что надзорные органы проверяли вошедшие в законную силу судебные постановления с точки зрения их законности и обоснованности, способствуя тем выполнению судебными органами основных задач правосудия.

Эти задачи были указаны в ст. 1-ой Закона об основах судостроения СССР и союзных республик, а именно: «Задачами суда являются: а) ограждение завоеваний пролетарской революции, рабоче-крестьянской власти и правопорядка, ею установленного; б) защита интересов и прав трудящихся и их объединений; в) укрепление общественно-трудовой дисциплины и солидарности трудящихся и их правовое воспитание; г) осуществление революционной законности в личных и имущественных отношениях граждан»¹⁾).

Основные черты построения института судебного надзора были окончательно определены.

Органом надзора окончательно стали Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик. Стало совершенно очевидным, что судебный надзор, осуществляемый методами правосудия, может быть функцией только судебного органа.

Полномочия Верховного Суда СССР по судебному надзору были установлены Положением о Верховном Суде СССР 1924 г. ²⁾. Эти полномочия не давали Верховному Суду СССР права отменять постановления нижестоящих судов. Он мог лишь ставить вопрос об их отмене перед Президиумом ЦИК СССР.

Что же касается полномочий верховных судов союзных республик по судебному надзору, то в ГПК союзных республик они в отличие от положений о судебном контроле не были установлены с достаточной полнотой. Ст. 250 ГПК РСФСР говорила только о праве Верховного Суда разрешать вопрос о пересмотре судебных постановлений. Судебная же практика верховных судов союзных республик по судебному надзору

1) СЗ СССР 1924 г., № 23, ст. 203.

2) СЗ СССР 1924 г., № 19 ст. 183.

свидетельствует, что высшие суды понимали предоставленное им право пересмотра судебных решений как право на истребование дела, на приостановление исполнения решений по законченным гражданским делам, на отмену судебного решения и определения кассационной инстанции, как право на прекращение дела производством. Соответствующие указания давались в разъяснениях пленумов высших судов союзных республик. Право высшего суда союзной республики на отмену или изменение судебных решений в порядке судебного надзора находило свое подтверждение в ст. 11 Закона об основах судостроительства СССР, которая говорила, что это право должно быть установлено законами союзных республик ¹⁾.

Круг субъектов, уполномоченных на возбуждение надзорного производства, который так широко был определен положением о Верховном Судебном Контроле, был резко сокращен в изданных в союзных республиках ГПК. Остались уполномоченными на возбуждение надзорного производства только Прокурор Верховного Суда СССР и прокурор союзной республики. К осуществлению надзорных функций привлекался и губернский прокурор, но он мог приносить протесты только через прокурора республики, от которого зависело, дать ход этому протесту или не давать.

Председатель губернского суда свои надзорные функции мог осуществлять также только через губернского прокурора, от которого зависело дальнейшее направление дела.

Таким образом судебный надзор в рассматриваемый период характеризуется резким сокращением субъектов надзора в целях централизации надзорных функций.

Основания отмены судебных решений в рассматриваемом периоде также изменились сначала в сторону значительного их сужения. Но затем судебная практика потребовала некоторого расширения оснований надзорного пересмотра судебных решений, что и привело к изменению сперва в РСФСР ст. 254 ГПК.

Основанием для опротестования перед Президиумом ЦИК СССР судебных постановлений Верховным Судом СССР было только противоречие их общесоюзному законодательству и интересам других республик.

Порядок надзорного рассмотрения дела не был определен в законе. Ст. ст. 250 и 254 ГПК союзных республик об этом молчали. Однако судебная практика установила, что гражданские дела по протестам прокурора республики рассматривались гражданско-кассационной коллегией высшего суда республи-

1) СЗ СССР 1924 г. № 23 ст. 203.

ки без участия сторон, но с участием представителя прокуратуры, поддерживавшего свой протест.

Судебная практика надзорных органов дала сначала Народным Комиссариатам Юстиции по отделу судебного контроля, а затем и верховным судам союзных республик богатый материал для постановки и разрешения ряда принципиальных правовых вопросов и для дачи руководящих указаний как в области материального, так и процессуального права. Деятельность надзорных органов двигала вперед судебную практику и советскую юридическую мысль.

4. Судебный надзор в период борьбы за осуществление ленинского плана социалистической индустриализации страны, коллективизации сельского хозяйства и построения фундамента социалистической экономики (1926—1932 г.). Крупнейшие успехи социализма в рассматриваемый период развития советского государства оказали влияние и на развитие гражданско-процессуального законодательства СССР.

В связи с принятием в 1924 г. Основ судостроительства СССР и союзных республик в РСФСР 19 октября 1926 г. было принято новое положение о судостроительстве¹⁾. Далее вследствие реорганизации административно-территориального деления страны—переход в 1928 г. на областное (краевое) деление—упразднены были губернские суды. Судебная система была теперь представлена народными, окружными и областными (краевыми) судами. Областные (краевые) суды являлись только административным центром, второй же инстанцией для окружных судов оставался Верховный Суд РСФСР.

Изменения и дополнения ряда норм ГПК РСФСР были направлены на активизацию народного суда в направлении решительного наступления социализма на капиталистические элементы города и деревни.

В связи с обострением борьбы за коллективизацию сельского хозяйства и необходимостью подавления сопротивления классовых врагов наблюдались тенденции к упрощению судебного процесса, к пренебрежительному отношению к процессуальным формам. Ответом на эти тенденции явилось постановление ЦИК и СНК СССР от 25 июня 1932 г. и обращение ЦК ВКП(б) о революционной законности, опубликованные 27 июня 1932 г. В этих документах Партия и Правительство ставили перед всеми судами, всеми судебными работниками громадной важности задачи и требования для их реализации устранения серьезнейших недочетов, имевших место в работе судебных органов. В этих директивах со всею решительностью подчеркива-

1) СУ РСФСР 1926 г., № 85, ст. 624.

лось значение революционной законности в деле социалистического строительства как одного из важнейших средств укрепления пролетарской диктатуры¹⁾.

Основные черты института судебного надзора в рассматриваемом периоде подверглись значительному изменению в РСФСР и незначительному в УССР.

В РСФСР судебный надзор был децентрализован, что выразилось в возложении надзорных функций на пленумы областных и соответствующих им судов, в расширении круга субъектов надзора. Однако, возлагая надзорные функции на областные суды, законодатель не оставлял их без контроля со стороны Верховного суда, обязав областные суды сообщать Верховному суду копии надзорных постановлений Пленума областного суда и предоставив Прокурору республики, его старшему помощнику и его помощнику при Верховном суде право вносить эти постановления на рассмотрение в порядке надзора в гражданскую кассационную коллегия Верховного суда (ст. 254-б ГПК РСФСР), когда для этого имелись соответствующие основания. Как показывает судебная практика, Верховный суд широко использовал свои надзорные функции в этом направлении.

На деле децентрализация надзорного производства привела к значительному осложнению процесса и к излишней волоките. Процесс в своем движении должен был преодолеть три лишних инстанции: пленум окрсуда, гражданско-кассационную коллегия облсуда и пленум облсуда. Между тем правильная организация советского социалистического процесса требовала, чтобы дело проверялось один раз в кассационном порядке и только в исключительных случаях, когда были нарушены интересы государства или трудящихся масс, когда в связи с делом требовалось дать руководящие указания по принципиальным вопросам, дело могло быть пересмотрено в порядке надзора. Но это должен был делать авторитетнейший орган — Верховный суд, призванный объединять судебную практику и осуществлять общее руководство всей судебной деятельностью. Децентрализовав судебный надзор, законодатель однако не мог отказаться от контролирования надзорной деятельности областных судов. Такой отказ находился бы в существенном противоречии с самой сущностью судебного надзора, направленного не только на исправление незаконных и необоснованных судебных решений и определений, но и на объединение и руководство судебной практикой.

Нужно отдать должное украинскому законодателю, который не спешил с рецепцией соответствующих норм РСФСР.

1) «Советская Юстиция» за 1932 г., № 22, стр. 1.

Круг субъектов, уполномоченных на возбуждение надзорного производства, был расширен путем изменения в 1929 г. редакции ст. 254 ГПК РСФСР¹⁾, после чего право возбуждения надзорного производства получили Наркомюст, председатель (край) облсуда, (край) облпрокурор, председатель Верховного суда РСФСР, прокурор РСФСР, а в конце периода согласно ст. 254-а ГПК РСФСР в новой редакции прибавился районный прокурор²⁾.

Председателю (край) облсуда и (край) облпрокурору, кроме того, было предоставлено право приостанавливать исполнение решения до его пересмотра в порядке надзора (ст. 254³⁾). Между тем в предыдущем периоде эти лица не пользовались таким правом.

Тенденция децентрализации судебного надзора перебралась и в УССР, хотя и не в таком широком масштабе, как в РСФСР. Право принесения протестов не было предоставлено Наркомюсту УССР, а областному прокурору право принесения протестов было предоставлено только в 1932 году. Председателям же Верховного суда и областных судов право принесения протестов было предоставлено лишь в последующем периоде, а именно в 1934 г. Районные прокуроры вовсе не привлекались к осуществлению надзора. Изложенное свидетельствует, с какой осторожностью украинский законодатель шел на децентрализацию судебного надзора.

Децентрализация судебного надзора проявилась и в расширении круга судебных органов, уполномоченных на рассмотрение судебно-надзорных протестов.

Надзорные функции, кроме пленумов (край) облсудов, в РСФСР были возложены также на их гражданские кассационные коллегии. Аналогичный порядок был установлен также и в УССР в отличие от предыдущего периода, когда органом надзора был только Верховный суд.

В рассматриваемом периоде были значительно расширены полномочия надзорных органов. Если в предыдущем периоде надзорные органы имели право только отменять решение и передавать дело на новое рассмотрение или дело производством прекращать, то в рассматриваемом периоде, кроме этого, надзорные органы в РСФСР получили право изменять решение или даже выносить новое решение.

В УССР полномочия надзорных органов не были точно указаны в законе. Ст. 291 ГПК УССР упоминала об отмене реше-

1) СУ РСФСР 1929 г., № 87—88, ст. 851.

2) СУ РСФСР 1930 г., № 55, ст. 655.

3) СУ РСФСР 1926 г., № 41, ст. 315, № 91, ст. 666, 1929 г., № 87—88 ст. 851.

ний по трудовым делам. Других указаний не было. Судебная практика пошла по тому же пути, что и в РСФСР.

Следует подчеркнуть также еще одно различие в полномочиях органов судебного надзора в РСФСР и в УССР. В РСФСР приостановление исполнения решения могло произойти одновременно с истребованием дела, в УССР — только после принесения протеста, т. е. когда после изучения дела признавалось, что имеются основания для возбуждения вопроса о пересмотре судебного решения. Такой порядок задерживал приостановление исполнения судебного решения и мог привести в дальнейшем к запозданию с таким приостановлением, но зато он давал большую гарантию того, что необоснованные постановления о приостановлении исполнения решения не будут допущены.

Основания для отмены судебных постановлений, хотя и были в начале периода изменены в РСФСР¹⁾, но их вскоре же исправленная формулировка²⁾ свидетельствовала о том, что, как и в предыдущие периоды, критерием для решения вопроса об отмене вошедшего в законную силу решения было убеждение суда в том, что решение нарушает основные принципиальные положения советского законодательства или нарушает интересы государства в целом или интересы трудящихся, другими словами, решение находится в противоречии с задачами советского социалистического правосудия, в противоречии с социалистическим правопорядком, в противоречии с тенденциями развития советского социалистического общества.

По вопросу об основаниях отмены решения в порядке надзора указание НКЮ РСФСР в циркуляре от 4 августа 1930 г. «Практика ознакомления с протестами, принесенными местной прокуратурой в Верховный Суд, показывает игнорирование прокуратурой общего смысла ст. 254-б ГПК; протесты приносятся по делам, в которых совершенно не имеется условий, указанных в этой статье; необходимо поэтому в дальнейшем при принесении протестов строго руководствоваться ст. 254-б ГПК, принося протесты лишь при наличии особо существенных нарушений законных интересов государства или трудящихся масс, а равным образом в случаях принципиального значения дела»³⁾.

В УССР основания отмены решения остались без изменения: противоречие решения общим началам советского законодательства или общей политике рабоче-крестьянского правитель-

1) СУ РСФСР 1926 г., № 41, ст. 315 № 91, ст. 666.

2) СУ РСФСР 1929 г., № 87—88, ст. 851.

3) «Советская Юстиция», 1930 г., № 22—23.

ства или вообще нарушение интересов государства и трудящихся.

В отношении объекта судебного надзора в рассматриваемом периоде не было произведено каких-либо изменений. Хотя нормы, относящиеся к институту судебного надзора, и говорили только о решениях судов, в отношении которых применяется судебный надзор, но не было указаний о лишении надзорных органов права применять свои надзорные функции в отношении иных кроме решений, постановлений суда. В этом же направлении действовала и судебная практика.

Характерно для рассматриваемого периода дальнейшее сокращение в РСФСР сроков принесения протестов до 6-ти (ст. 254-а) и даже до 3-х месяцев (ст. 254-г).

В УССР также, как и в предыдущие периоды, не было установлено надзорных сроков, кроме 3-х месячного срока, установленного для трудовых дел.

В рассматриваемом периоде как в РСФСР, так и в УССР продолжал действовать упрощенный надзорный порядок для трудовых дел.

Так же, как и в предыдущем периоде, не был определен надзорный порядок рассмотрения дел. Судебная практика установила, что эти дела рассматривались без участия сторон, которые и не вызывались и не извещались о дне слушания дела в пленуме губсуда или верховного суда или же в гражданско-кассационной коллегии Верховного суда. Такое положение находило следующее объяснение: «Истребование дела и принесение протеста, а также приостановление исполнения решения по истребованному делу производится органами суда и прокуратуры исключительно во исполнение возложенных на них обязанностей по судебному надзору, хотя бы и по жалобе или заявлению стороны, поэтому стороны по делу не извещаются о дне слушания протеста и для дачи объяснений не допускаются»¹⁾.

В судебном заседании по делу обычно присутствовал прокурор, принесший протест и поддерживавший его в судебном заседании. Если поводом к возбуждению надзорного производства послужила жалоба заинтересованных в деле лиц, то они извещались о результатах надзорного производства.

В рассматриваемом периоде обнаружилась тенденция законодателя к упрощению надзорного производства в интересах борьбы с волокитой и ускорения процесса, что выразилось в установлении годичного срока для принесения надзорных протестов (ст. 254-г ГПК) и в установлении упрощенного порядка

1) Гражданский процессуальный кодекс советских республик. Текст и практич. комментарий под редак. Малицкого. 1929 г. стр. 314.

надзорного производства по трудовым делам как в РСФСР, так и в УССР, что сделано как путем прямого запрещения возбуждать надзорное производство по целому ряду трудовых дел, так и в установлении сокращенного до 3-х месяцев срока для принесения надзорного протеста по тем делам, по которым было допущено возбуждение надзорного производства.

5. Судебный надзор в период завершения социалистической реконструкции всего народного хозяйства, победы социализма в СССР (1933—1936 гг.) и в период борьбы за упрочение и развитие социалистического общества (1937—июнь 1941 гг.) Советское государство вступило во второй основной исторический этап завершения строительства социалистического общества и постепенного перехода от социализма к коммунизму.

Важнейшим законом, имеющим всемирно-историческое значение для рассматриваемых периодов, является принятая Чрезвычайным 8-м Съездом Советов 5 декабря 1936 г. Конституция СССР.

Но еще до принятия Конституции СССР Верховный Суд СССР и верховные суды союзных республик дали ряд директивных указаний, направленных на укрепление социалистической законности и судебных органов. Были даны важные указания и об укреплении института судебного надзора.

19 сентября 1935 г. при Верховном Суде УССР состоялось совещание председателей гражданских отделов областных судов. Среди вопросов, стоявших на повестке дня совещания, был вопрос о ликвидации бюрократизма и волокиты в рассмотрении гражданских дел¹⁾. В результате совещания, учитывая крупные недостатки в работе народных и областных судов в этой области, Президиум Верховного Суда УССР 25 октября 1935 г. предложил:

1. Организовать во всех областных судах гражданские коллегии с постоянным составом членов и постоянным председателем во главе.

3. Как одно из средств борьбы с волокитой поставить перед народными судьями задание строго придерживаться статей 80, 82, 83, 91, 95, 98, 116, 124, 125, 197 ГПК УССР.

8. Усилить судебный надзор за гражданскими делами как по линии областных судов, так и по линии прокуратуры. Просить Генерального Прокурора Республики активизировать надзорную работу прокуратуры по гражданским делам²⁾.

Ликвидация процессуального упрощенчества, строгое соблюдение требований процессуального законодательства, организа-

1) «Революционное право» 1935 г., № 9, стр. 27.

2) «Революционное право» 1935 г., № 11, стр. 52—54.

ция гражданских коллегий в областных судах — все это должно было привести к улучшению производства по гражданским делам.

Борьба Коммунистической партии и Советской власти за внедрение социалистической законности в деятельность судебных органов, в том числе и надзорных органов, еще более усилилась, поднялась на новую высшую ступень после принятия Конституции СССР.

В главе 9 Конституции СССР, посвященной суду и прокуратуре, были закреплены основные принципы организации и деятельности советского социалистического суда. Это имело громадное значение для закрепления и дальнейшего развития демократических, социалистических принципов советского гражданского процесса. Принципы социалистического демократизма пронизывают также и принятый Второй сессией Верховного Совета СССР 16 августа 1938 г. Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Конституция СССР и Закон о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик внесли существенные изменения и в законодательство, значительно расширив надзорные полномочия Верховного суда СССР и Генерального Прокурора.

Ст. 104 Конституции СССР возложила на Верховный суд СССР надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

Ст. 113 Конституции СССР возложила на Генерального Прокурора СССР высший надзор за точным исполнением законов всеми министерствами и подведомственными им учреждениями, равно как отдельными должностными лицами.

В осуществление требований Конституции об укреплении социалистической законности издаются многочисленные указания наркоматов юстиции, верховных судов республики и Верховного суда СССР.

Выдающуюся роль в борьбе за революционную законность в этот период сыграл Верховный суд СССР. Его надзорные права были расширены Конституцией СССР и по Закону о судостроительстве, ст. 75 которого предоставила Верховному суду СССР право издавать руководящие указания по вопросам судебной практики на основании решений, принятых по рассмотренным Верховным судом СССР судебным делам.

Борьба за укрепление социалистической законности и судебных органов привела к серьезным изменениям в области судебного надзора.

Субъектами надзора, уполномоченными на возбуждение надзорного производства, остались только прокурор союзной рес-

публики и Прокурор СССР, председатель верховного суда союзной республики и председатель Верховного суда СССР (ст. 16 закона о судостроительстве).

Судебными органами, уполномоченными на рассмотрение дела в порядке надзора, явились только верховный суд союзной республики и Верховный суд СССР в лице судебных коллегий по гражданским делам и Пленум Верховного суда СССР (там же).

Объем полномочий надзорных органов не был изменен по сравнению с предыдущим периодом.

Основания для отмены судебных решений и определений в ГПК союзных республик в этом периоде также не были изменены. Они оставались прежними, что подчеркнул и Верховный суд СССР в постановлении своего 52-го Пленума, указавшего, что дело должно быть пересмотрено в порядке надзора в тех случаях, когда «по делу судами допущено особо существенное нарушение соответствующих законов или допущено нарушение интересов пролетарского государства или трудящихся (ст. 254 ГПК РСФСР)».

Однако, указания в ст. 15 Закона о судостроительстве на незаконность и необоснованность судебных решений, как на основание их отмены в порядке обжалования, поставило перед советской правовой мыслью вопрос, отменяют ли положения ст. 15 Закона о судостроительстве те основания для отмены судебных решений в порядке надзора, которые указаны в ГПК союзных республик (ст. 254-б ГПК РСФСР, ст. 288 ГПК УССР), и, если не отменяют, то какое влияние ст. 15 Закона о судостроительстве оказывает на положения ГПК, определяющие основания отмены судебных решений в порядке судебного надзора; или, другими словами: являются ли основания отмены судебных решений, указанные в ст. 15 Закона о судостроительстве, общими и для кассационного и для надзорного пересмотра судебных постановлений.

Этот вопрос в рассматриваемом периоде не получил разрешения в правовой литературе.

Лишь в последующие периоды советская правовая мысль пришла к выводу, что положения ст. 15 Закона о судостроительстве не колеблют надзорных оснований, указанных в ст. 254-б ГПК РСФСР и в ст. 288 ГПК УССР.

В отношении объекта судебного надзора в рассматриваемом периоде не было произведено каких-либо изменений. Судебная практика продолжала считать, что таким объектом может быть не только судебное решение первой инстанции, но и определение суда второй инстанции.

Сроки принесения протестов в порядке надзора в РСФСР продолжали действовать прежние. Эти сроки были установлены для местных надзорных органов. Поэтому после ликвидации местных надзорных органов по Закону о судеустройстве сроки для принесения протестов перестали действовать в надзорном производстве.

Большие изменения произошли в порядке надзорного производства. Эти изменения, сохранившиеся до 16 августа 1938 г. были произведены не в законодательном, а в директивном порядке. Установлен был гласный порядок рассмотрения дел в (край) облсудах, в главных судах автономных республик и в верховных судах союзных республик. Было признано необходимым извещать вторую сторону о поданной надзорной жалобе, вызывать ее и требовать от нее объяснений по поводу жалобы и лишь после этого решать вопрос о возбуждении надзорного производства. К сожалению, впоследствии было признано, что с изданием Закона о судеустройстве от 16 августа 1938 г. эта директива утратила силу.

Следует отметить, что надзорные органы в рассматриваемом периоде сыграли крупную роль в деле борьбы с упрощенчеством в гражданском процессе, в деле борьбы за повышение качества судебных решений.

В годы 1938, 1939, 1940 и 1941 (первая половина) органы судебного надзора на основе Конституции СССР и Закона о судеустройстве продолжали использование института судебного надзора для борьбы за повышение качества судебной работы в области разрешения гражданских дел.

Борьба за улучшение судебной работы вполне соответствовало задачам, поставленным перед советским социалистическим государством XVIII Съездом ВКП (б). Эта борьба была направлена на то, чтобы поднять авторитет судебных решений и добиться их стабильности, поднять авторитет суда и прочно охранять от нарушений права и интересы государственных, кооперативных, колхозных и общественных организаций, а также имущественные и личные права граждан, гарантированные Конституцией СССР.

Органы судебного надзора, рассматривая гражданские дела в надзорном порядке, не жалеют труда для кропотливого исследования их и выявляют большое количество нарушений материальных и процессуальных норм, свидетельствующих о недооценке многими судебными работниками общественно-политического значения строгого соблюдения требований законности, о пренебрежительном отношении к закону, о недостаточном иногда знакомстве с нормами советского права, об упрощенче-

ских тенденциях, а в отдельных случаях даже о преступно-халатном отношении судебных работников к своим обязанностям.

Органы надзора отменяют большое количество судебных решений, указывают на их недостатки, указывают пути к их устранению и этим, безусловно, содействуют повышению качества судебной работы.

Однако большим недостатком в работе надзорных органов в это время следует признать то, что они, обнаруживая грубейшие нарушения закона (незаконный состав суда, отсутствие подписей членов суда на судебном решении, отсутствие в деле протокола судебного заседания или подписи на нем председательствующего и т. п.), ограничиваются отменой судебного решения, не возбуждая преследования против лиц, виновных в таких нарушениях закона.

Между тем, как правильно указывало Всероссийское совещание руководящих работников юстиции, состоявшееся в апреле 1941 г., серьезные недостатки в работе судов можно устранить и качество судебной работы можно поднять на надлежащую высоту лишь при условии установления твердой государственной и трудовой дисциплины среди самих работников суда. Поэтому Совещание требовало решительной борьбы с малейшими нарушениями дисциплины, с невыполнением постановлений Партии и Правительства, приказов Наркомата Юстиции¹⁾.

6. Судебный надзор в период Великой Отечественной войны (июнь 1941—1945 гг.). Великая Отечественная война советского народа с немецко-фашистскими захватчиками потребовала перестройки всей работы советских государственных учреждений, предприятий и организаций на военный лад. Все силы и средства страны были поставлены на ее оборону.

Советские люди не сомневались, что фашизм будет разгромлен, но они знали и помнили указание Партии, что победа не приходит сама, что ее нужно организовать.

Организованность в условиях военного времени—это точное, четкое и своевременное исполнение советских законов, законов военного времени, это дисциплина в производстве и в быту, это четкость во взаимодействии фронта и тыла, это точный учет и выполнение всего, что необходимо для повседневного ведения войны с фашизмом.

Точное, четкое и своевременное исполнение советских законов обеспечило строжайший государственный порядок у нас в стране и содействовало сокрушению ненавистного врага.

¹⁾ «Советская Юстиция» 1941 г., № 22, стр. 8.

Охрана социалистической собственности, прав и законных интересов граждан, с оружием в руках защищавших Родину, тружеников тыла, обеспечивших фронт всем необходимым, — в этом заключалась одна из основных задач социалистического правосудия по гражданским делам в условиях Великой Отечественной войны.

В этот период особенно ярко обнаружилось громадное значение руководящих указаний Пленума Верховного Суда СССР, который с исключительной быстротой направил свои усилия на осуществление задач, выдвинутых военной обстановкой, и дал судам ряд важных указаний об охране жилищных и других имущественных прав военнослужащих и эвакуированных граждан, об охране имущества колхозов и совхозов, о порядке установления фактов, от которых зависит возникновение, изменение и прекращение личных или имущественных прав граждан, об устранении процессуальных нарушений по делам, рассматриваемым судами на основании Устава жел. дорог СССР и Устава внутреннего водного транспорта и др.

Материалом для издания этих постановлений Пленума Верховного суда СССР послужила судебная практика Верховного Суда СССР по делам, рассмотренным им в порядке судебного надзора.

Следует подчеркнуть, что в условиях военного времени особенно ярко проявилась та сторона деятельности Верховного Суда СССР, как органа надзора, которая направлена на объединение и руководство судебной практикой.

С. И. Вильнянский по этому же поводу писал: «Велики и ответственны задачи, которые должна разрешать судебная практика. Еще большее значение приобрела судебная практика в суровые годы Великой Отечественной войны, когда жизнь выдвинула новые вопросы. Эти вопросы в некоторых случаях требовали непосредственного законодательного вмешательства. Но именно в условиях войны это прямое законодательное вмешательство встречало значительные затруднения. Поэтому в таких условиях особенно усилилось значение судебной практики и в первую очередь надзорных инстанций во главе с Пленумом Верховного Суда СССР, которые призваны корректировать и направлять судебную практику, укреплять социалистическую законность и единообразие судебных решений»¹⁾.

В годы Великой Отечественной войны надзорные органы продолжали борьбу за повышение качества судебной работы, но эта борьба осложнялась тем, что большое количество судеб-

1) С. И. Вильнянский. Значение судебной практики в гражданском праве. Ученые Труды ВИЮН. Том IX, изд. 1947 г., стр. 282.

ных работников оставило свою работу и влилось в ряды Советской Армии, чтобы с оружием в руках отстаивать свободу и независимость социалистической Родины. На судебной работе появилось много новых малоподготовленных работников; сама обстановка судебной работы в условиях военного времени также осложняла борьбу за повышение качества судебной работы.

Большое значение как в предвоенные годы, так и особенно во время Великой Отечественной войны приобрели руководящие указания Пленума Верховного Суда СССР, направленные на урегулирование ряда новых вопросов, выдвинутых жизнью. Издавая руководящие указания, Пленум Верховного Суда СССР руководствовался материалами судебно-надзорной практики и общим духом законодательства в новых исторических условиях. Тем самым надзорные органы выполняли основную свою задачу по охране строжайшего порядка в социалистическом государстве рабочих и крестьян.

7. Судебный надзор в послевоенный период (1946—1957 гг.). Всемирно-историческая победа советского народа в Великой Отечественной войне поставила перед ним грандиозные задачи скорейшего восстановления народного хозяйства, разрушенного фашистскими варварами, борьбы за дальнейший мощный его подъем, за скорейшее продвижение к коммунизму. В этих условиях значительно выросли требования социалистической законности, соответственно возросла и роль судебного надзора.

На Совещании министров юстиции при Министерстве Юстиции СССР в июле 1946 г. указывалось, что период послевоенной пятилетки должен быть ознаменован повышением качества, повышением культуры судебных органов нашей страны. Должна была быть значительно повышена культура судебного процесса и в ближайшее же время нужно было изжить упрощенчество, пренебрежительное отношение к закону, небрежность, неряшливость в оформлении судебных документов, недисциплинированность работников юстиции¹⁾.

Для успешного решения этих задач в области гражданского процессуального законодательства немаловажное значение имеет изданный Прокуратурой СССР еще 20 мая 1944 г. приказ № 124 о работе прокуроров по гражданским делам. Этот приказ, отмечая, что гражданско-судебные дела имеют большое значение, что прокуроры занимаются ими от случая к случаю и крайне поверхностно, указывает, что «слабая работа прокуроров по гражданским делам является одной из причин не-

1) «Соц. Зак.» 1946 г., № 9, стр. 23.

удовлетворительного качества работы судов по гражданским делам в ряде союзных республик, вследствие чего больше половины обжалованных судебных решений отменяется и изменяется в кассационном и надзорном порядке». Далее приказ дает ряд указаний о мероприятиях, направленных на повышение качества работы прокуроров по гражданским делам.

Не меньшее значение для повышения активности прокуратуры в области судебного надзора по гражданским делам имеют приказ Генерального Прокурора СССР № 106 от 1 июня 1950 г. и действующий в настоящее время приказ № 133 от 12 декабря 1955 г.

15 июля 1948 г. был издан Указ Президиума Верховного Совета СССР о дисциплинарной ответственности судей, имеющий громадное значение для улучшения работы советского суда.

Гражданские процессуальные кодексы союзных республик в части, относящейся к судебному надзору, не были приведены в соответствие с Конституцией СССР и Законом о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик. Это произошло потому, что в предвоенные годы предполагалось издание ГПК СССР, к разработке которого было приступлено в соответствии со ст. 14 п. «х» Конституции СССР. Война помешала изданию этого кодекса, работа над разработкой которого возобновилась лишь в послевоенный период.

В настоящее время ведется работа по подготовке проекта основ законодательства о гражданском судопроизводстве и проектов гражданских процессуальных кодексов союзных республик, в том числе и ГПК УССР.

Существенные изменения внесены в нормы, регулирующие судебно-надзорное производство, рядом законодательных актов, изданных в последние годы.

К этим актам относятся:

1) Указ Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. об образовании президиумов в составе верховных судов союзных и автономных республик, краевых, областных судов и судов автономных областей¹⁾.

2) Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 г. о порядке рассмотрения дел президиумами судов²⁾.

3) Указ Президиума Верховного Совета СССР от 24 мая 1955 г. об утверждении Положения о прокурорском надзоре в СССР³⁾.

1) «Ведомости Верховного Совета СССР» 1954 г., № 17, ст. 360.

2) «Ведомости Верховного Совета СССР» 1955 г., № 7, ст. 166

3) «Ведомости Верховного Совета СССР» 1955 г., № 9, ст. 222

4) Закон от 12 февраля 1957 г. об утверждении Положения о Верховном Суде СССР и о внесении изменений и дополнений в статьи 104 и 105 Конституции СССР¹⁾.

Этим законом признан утратившим силу раздел VII «Верховный Суд СССР» Закона от 16 августа 1938 г. «О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик» и утверждено новое положение о Верховном Суде СССР.

Громадное значение в деле укрепления и улучшения советского гражданского процесса имеет действующее в настоящее время постановление 52 Пленума Верховного Суда СССР от 28 октября 1935 г. о строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе. Общие положения этого постановления дают важные принципиальные указания для работы надзорных органов. Однако следует иметь в виду, что Постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 8 мая 1941 г. № 18 (6) у из постановления 52 Пленума исключен его п. 4, касающийся вопросов судебного надзора в виду противоречия этого пункта Закону о судостроительстве.²⁾

Касаясь значения изменений, внесенных в последнее время в законодательство о судебном надзоре, необходимо подчеркнуть следующее.

История развития института судебного надзора в советском гражданском процессе показывает, что цель этого института двоякая — исправление необоснованных и незаконных судебных постановлений и объединение и руководство судебной практикой. Эти две стороны судебного надзора находятся в тесном взаимодействии. Нельзя создать о нем верное представление, если рассматривать его только с какой-либо одной стороны, так как в таком случае мы получим о нем одностороннее, а следовательно и неправильное представление.

Основные задачи судебного надзора вытекают из указания В. И. Ленина, что «законность не может быть калужская и казанская, а должна быть единая всероссийская и даже для всей федерации советских республик»³⁾.

Между тем наша правовая литература всегда рассматривала судебный надзор преимущественно со стороны исправления отдельных судебных постановлений, т. е. односторонне. Отсюда пестрота выводов и оценок института судебного надзора, что отрицательно влияет на судебную практику и законодательство в этой области.

Деятельность надзорных органов, рассматриваемых в их ис-

1) «Ведомости Верховного Совета СССР» 1957 г., № 4, ст. 84.

2) Сборник пост. Пленума Верховного Суда СССР 1924—44 г.г., стр. 199—202.

3) В. И. Ленин. Соч. т. 33, стр. 326.

торическом развитии показывает, что их задача по исправлению судебных постановлений находится в тесной взаимосвязи с руководством судебной практикой.

Обобщая судебную практику, надзорные органы выявляют неразрешенные законодательством правовые вопросы или вопросы неправильно разрешенные судами, а также случаи неправильного направления в деятельности судебных органов, ставят эти вопросы на свое разрешение и издают по ним руководящие постановления, играющие направляющую и организующую роль в области судебной практики. В полной мере эта роль выполняется Пленумом Верховного суда СССР.

Направляющая и организующая деятельность органов надзора выражается не только в руководящих указаниях Пленума Верховного суда СССР, имеющих формально обязательную силу¹⁾, но и в постановлениях Пленума Верховного суда СССР по отдельным делам, а также в определениях судебных коллегий по гражданским делам Верховного Суда СССР и Президиумов и судебных коллегий по гражданским делам высших судов союзных республик, приобретающих руководящее значение в силу авторитетности самих высших судебных органов, принимающих эти определения, «в которых не редко глубоко раскрывается дух и содержание закона и характерные особенности его применения»²⁾.

С особой силой подчеркнуты руководящая роль и значение Верховного Суда СССР в Положении о нем от 12 февраля 1957 г.

Законом от 12 февраля 1957 г. отменена ст. 64 Закона о судостроительстве от 16 августа 1938 г., в силу которой Верховному Суду СССР было предоставлено право осуществлять надзор за судебной деятельностью всех судебных органов СССР и союзных республик.

На практике это положение приводило к тому, что Верховный Суд СССР часто пересматривал решение народного суда и постановления других судов, не считаясь с тем, пересмотрены ли они вышестоящими судами союзных республик. Эта практика приводила к неправильному вмешательству в права союзных республик в области правосудия и влекла за собой чрезмерную загрузку Верховного Суда СССР, мешала ему выполнять свою основную обязанность — обобщать материалы судебной практи-

1) На основании ст. 75 Закона о судостроительстве, действовавшей до 12 февраля 1957 г., а ныне на основании ст. 9 положения о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г.

2) И. Т. Голяков. Сборник дейст. пост. Пленума и директивных писем Верховсуда СССР, изд. 1946 г., стр. 3.

ки и давать руководящие разъяснения судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел.

«Новое положение о Верховном Суде сосредоточивает его внимание на делах, наиболее принципиально значимых. Положением установлен принцип, согласно которому дела, подсудные суду союзной республики, могут быть рассмотрены в порядке надзора Верховным Судом СССР только после того, как они будут рассмотрены Верховным Судом союзной республики и притом лишь в случаях, если решения, приговоры, постановления президиума верховного суда союзной республики, принятые по конкретному гражданскому или уголовному делу, будут противоречить общесоюзному законодательству или нарушать интересы других союзных республик. Такое ограничение надзорной деятельности Верховного Суда СССР дает возможность уделить должное внимание принципиальным вопросам юридической практики и значительно усилить деятельность Верховного суда СССР в области разработки и принятия руководящих разъяснений судам по вопросам применения законодательства при рассмотрении судебных дел»¹⁾.

Учреждение президиумов областных и соответствующих им судов, а также президиумов верховных судов союзных республик и возложение на них судебно-надзорных функций вполне соответствуют историческим решениям XX Съезда Коммунистической Партии Советского Союза о дальнейшем расширении прав союзных республик.

Субъектами, уполномоченными на возбуждение надзорного производства, по Конституции СССР и по Закону о судоустройстве от 16 августа 1938 г. до 14 августа 1954 года являлись прокурор союзной республики и Генеральный Прокурор СССР, председатель верховного суда союзной республики и Председатель Верховного Суда СССР.

История судебного надзора показывает, что названные лица не во всех периодах развития советского социалистического государства уполномочивались на возбуждение надзорного производства.

Эта история свидетельствует о колебаниях законодателя в определении круга субъектов, уполномоченных на возбуждение надзорного производства, в сторону то расширения, то сужения этого круга. Тенденция сужения этого круга в УССР проявилась в большей степени, чем в РСФСР.

По Указу Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. в связи с учреждением президиумов судов круг

¹⁾ Бюллетень Верховного Суда СССР, 1957 г., № 7, стр. 5.

субъектов надзора значительно расширен за счет председателей областных и соответствующих им судов, прокуроров области и соответствующей ей территориальной единицы, заместителей председателей верховных судов союзных республик и Председателя Верховного Суда СССР, заместителей прокуроров союзных республик и Прокурора СССР.

Наделение правом принесения протестов в порядке судебного надзора заместителей председателей верховных судов союзных республик и Председателя Верховного Суда СССР, заместителей прокуроров союзных республик и Прокурора СССР объясняется стремлением советского законодателя облегчить гражданам личное обращение к лицам, осуществляющим надзор, чтобы добиться возбуждения надзорного производства по их делу.

Следует подчеркнуть ту осторожность, с какою законодатель подходит к решению вопроса о расширении круга лиц, уполномоченных на принесение надзорных протестов. Такое право предоставлено заместителям председателей только верховных судов союзных республик и Верховного Суда СССР, заместителям прокуроров союзных республик и Генеральному Прокурору СССР и то не во всех случаях. Правом принесения протестов в Пленум Верховного Суда СССР заместители его Председателя и Генерального Прокурора СССР не пользуются.

Нуждается, с нашей точки зрения, в законодательном урегулировании вопрос о праве субъектов надзора приостанавливать исполнение вошедших в законную силу судебных решений. Такое право, на наш взгляд, должно быть предоставлено только Председателю Верховного Суда СССР и верховных судов союзных республик и их заместителям, Генеральному Прокурору СССР, прокурорам союзных республик и их заместителям в пределах компетенции каждого из них.

Что касается органов судебного надзора и их полномочий, то до 14 августа 1954 г. органами, уполномоченными на рассмотрение надзорных протестов, являлись судебные коллегии по гражданским делам верховных судов союзных республик и Верховного Суда СССР, а также Пленум Верховного Суда СССР.

После издания Указа Президиума Верховного Совета СССР от 14 августа 1954 г. к этим органам надзора добавились президиумы областных и соответствующих им судов и президиумы верховных судов союзных республик.

Вопрос о полномочиях надзорных органов разрешается действующими ГПК союзных республик по разному. С исчерпывающей полнотой определены права Верховного Суда в ГПК РСФСР.

В УССР полномочия надзорных органов не были точно указаны в законе. Ст. 291 ГПК УССР упоминала об отмене решений по трудовым делам. Других указаний не было. Судебная практика пошла по тому же пути, что и в РСФСР.

Вопрос о полномочиях надзорных органов также нуждается в законодательном урегулировании, особенно в УССР.

Органам надзора должно быть предоставлено право оставления в силе опротестованного постановления суда, отмены его полностью или в части и направления дела на новое рассмотрение, изменить судебное постановление или разрешить дело по существу, если суд первой инстанции выяснил полностью фактические обстоятельства дела, но неправильно сослался на закон, неправильно изложил мотивы или допустил иные ошибки, не повлиявшие на правильность разрешения дела по существу.

Органу надзора должно быть предоставлено право прекращения дела за отсутствием одного или нескольких условий, свидетельствующих о наличии у истца права на иск.

Наконец, органу надзора должно быть предоставлено право отмены опротестованного судебного постановления и оставления в силе одного из судебных постановлений, отмененных ранее какой-либо из нижестоящих судебных инстанций.

Основанием отмены судебных постановлений, вошедших в законную силу, по действующему законодательству УССР является противоречие судебного постановления общим началам советского законодательства или общей политике рабоче-крестьянского правительства или вообще нарушение интересов государства и трудящихся.

По ГПК РСФСР основанием отмены вошедших в законную силу судебных постановлений является обнаруженное в решении по истребованному делу особенно существенное нарушение действующих законов или явное нарушение интересов рабоче-крестьянского государства или трудящихся масс.

Эти два основания, хотя и в разных редакциях выражают одну и ту же мысль, что может быть отменено только то вошедшее в законную силу судебное постановление, которым допущено принципиально важное нарушение законодательства и интересов государства.

Это положение нашло особенно яркое выражение в ст. ст. 9 и II Положения о Верховном Суде СССР от 12 февраля 1957 г., предусматривающих опротестование постановлений и решений верховных судов союзных республик лишь в случаях противоречия этих постановлений общесоюзному законодательству или нарушения этими постановлениями или решениями интересов других союзных республик.

Желательно, чтобы положение о необходимости особо важных оснований для опротестования в порядке надзора нашло свое четкое и ясное выражение как в основах законодательства о гражданском судопроизводстве, так и в ГПК союзных республик.

Во всех периодах развития судебного надзора до 25 апреля 1955 г. порядок рассмотрения дел в судебно-надзорных органах не регулировался нормативными актами, если не считать попытки 52 Пленума Верховного Суда СССР от 28 октября 1935 г. установить гласное рассмотрение дел в порядке надзора с вызовом сторон в судебное заседание или с истребованием объяснений со стороны по поводу поданной жалобы.

После издания Закона о судостроительстве СССР, союзных и автономных республик от 16 августа 1938 г. было признано, что порядок надзорного рассмотрения дел, установленный 52 Пленумом Верховного Суда СССР, находится в противоречии с Законом о судостроительстве и потому приказом НКЮ СССР 1940 г. № 25 он был отменен.

С того времени судебная практика твердо стоит на этой позиции.

Порядок рассмотрения дел президиумами судов, установленный Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 апреля 1955 г., также не предусматривает участия сторон в рассмотрении дела и гласного рассмотрения дела.

В советской литературе по этому вопросу высказаны не одинаковые мнения. Были высказаны соображения как в пользу гласного рассмотрения дел с участием сторон, так и против такого порядка.

Полагаем, что принципы социалистического демократизма, которые должны быть особо подчеркнуты в связи с решениями XX Съезда КПСС об укреплении социалистической законности, дают все основания к тому, чтобы в законодательном порядке было предусмотрено право сторон и третьих лиц с самостоятельными требованиями получать копии надзорных протестов, подавать по ним письменные объяснения, и принимать участия в рассмотрении дела в органах надзора как лично, так и через представителей или вместе с ними.

Следует признать, что надзорное рассмотрение гражданских дел в судебных коллегиях высших судов, в президиумах судов, а также и в Пленуме Верховного Суда СССР должно происходить в открытых судебных заседаниях. Это также вытекает из принципа социалистического демократизма советского процесса, из ст. III Конституции СССР, из ст. 8 Закона о судостро-

ройстве, говорящих о том, что рассмотрение дел во всех судах СССР, как правило, является открытым.

Очевидно, что гласное надзорное рассмотрение дел в СССР будет иметь громадное воспитательное значение и в значительной степени будет содействовать действительному повышению эффективности работы судебных надзорных органов.

Вопрос этот требует законодательного разрешения.

Наконец, в интересах стабильности и укрепления авторитета судебных постановлений необходимо предусмотреть в ГПК союзных республик срок для принесения надзорных протестов. Таким сроком может быть один год для дел, сторонами в которых являются государственные, кооперативные, общественные организации, и три года для дел, в которых обеими сторонами или одной из сторон являются граждане.

Содержание

М.М. Гродзинский Право обвиняемого на защиту в истории Советского уголовно-процессуального законодательства. (1917-1921 гг.)	3
М.П. Диденко Создание Советского суда в УССР	34
В.Е. Коновалова Некоторые вопросы истории советской криминалистики (1917-1920)	66
М.В. Гордон Из истории Советского семейного права Украинской ССР.	76
М.И. Бару Создание и укрепление единого фонда государственной социалистической собственности в истории советского права.	97
В.М. Альбов Развитие судебного надзора в Советском гражданском процессе.	122

Чистяковская городская типография Сталинского облиздата.

БП 15411

Зак. № 3154.